

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Норенкова Ирина Дмитриевна

**Финляндцы Санкт-Петербургской и Выборгской губерний в восприятии
петербургского общества на рубеже XIX–XX веков**

Специальность 5.6.1. – Отечественная история

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
к.и.н., доцент А.П. Шевырев

Москва – 2024

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Финляндия и финляндцы: пространственный, этнический, культурный факторы изучения.	37
§ 1. От Санкт-Петербурга до Выборга.	37
§ 2. Этническое многообразие финнов и финляндцев.....	48
§ 3. Особенности терминологии идентификации.	51
§ 4. Формирование образа Финляндии и финляндцев.....	55
§ 5. Численность финляндцев Санкт-Петербурга и особенности статистики.	64
§ 6. Итоги.	71
Глава 2. Финляндские подданные в пространстве столичного города. ...	73
§ 1. Приезжие из Финляндии: мотивация к переезду и документальное оформление.	73
§ 2. Профессиональный путь финляндцев в Петербурге.	81
§ 2.1. Транспортные предприятия.	85
§ 2.2. Промышленные предприятия.	92
§ 2.3. Ювелирное дело.....	96
§ 2.4. Малые предприятия выходцев из ВКФ и неквалифицированный труд окрестных финляндцев.	101
§ 3. Известные финляндцы в Петербурге.	104
§ 4. Финляндский социум Петербурга: география и досуг.....	112
§ 4.1. Финляндские объединения.	115
§ 5. Преступность среди финляндцев.	124
§ 6. Итоги.	128
Глава 3. Город Выборг и дачные местности Выборгской губернии в представлениях русских приезжих.....	133
§ 1. Выборг – «витрина» Великого княжества Финляндского.	135
§ 1.1. Городское развитие Выборга в XVIII – начале XX веков.	136
§ 1.2. Финляндский город в представлении русских приезжих.	147
§ 1.3. Политические события Выборга и его окрестностей.....	152
§ 1.4. Монументы Выборга.	155
§ 1.5. Открытие отделения Государственного банка в Выборге как фактор русского влияния.....	159
§ 2. Выборгская губерния как место отдыха русской публики.....	162
§ 3. Крупные дачные местности Выборгской губернии.	167
§ 3.1. Куоккала.....	167

§ 3.2. Терийоки (Териоки).....	171
§ 3.3. Финляндская Ривьера: Тюрисевя, Ваммельсуу, Ино, Кирстиняла.	179
§ 4. Туристические поездки и экскурсии: Сайменский канал, Вильманстранд, Иматра.....	187
§ 5. Впечатления приезжих от Выборгской губернии.	191
§ 6. Итоги.	196
Заключение	199
Список источников и литературы.....	205
Приложение № 1.	227
Приложение № 2.	228
Приложение № 3.	229
Приложение № 4.	230
Приложение № 5.	231

Введение

Научная значимость и актуальность темы исследования.

Диссертационное исследование посвящено изучению поведенческих практик петербуржцев по отношению к финляндцам на территории Санкт-Петербурга, Санкт-Петербургской и Выборгской губерний, которые являлись местом интенсивных контактов русских и финляндцев в конце XIX – начале XX веков.

С возникновением Санкт-Петербурга, а затем после вхождения Выборгской провинции (позже ставшей Выборгской губернией) в начале XVIII века в состав Российской империи¹ установились тесные связи между жителями этих территорий. Пограничное положение Выборгской губернии по отношению к Санкт-Петербургу было оформлено в конце 1811 года, когда она стала частью Великого княжества Финляндского (далее – ВКФ)². Фрагментом установившейся границы являлась река Сестра, которую в районе селения Белоостров пересекал Выборгский тракт, а с 1870 года и железная дорога, связывавшие Петербург и ВКФ. В результате трансграничного положения между Петербургом и Выборгом сформировалась особая контактная зона, которая включала в себя сам Выборг, территорию вдоль железной и шоссейной дорог, а также побережье Финского залива. В этой пограничной зоне, с одной стороны, существовали соседские отношения, а с другой – русским обществом ощущалась культурная и политическая обособленность финляндцев.

Пик русско-финляндского взаимодействия на этой территории пришелся на рубеж XIX–XX веков. Этому способствовали факторы развития столичного Петербурга. Загрязнение окружающей среды, а также уплотнение фабричных построек на окраинах столицы подталкивали петербуржцев к освоению соседнего пространства Выборгской губернии, достигнуть которого стало удобнее с открытием в 1870 году Финляндской железной дороги. Кроме того, подобные перемещения жителей города укладывались в практики туризма и дачного отдыха, ставшие популярными в конце XIX века.

¹ Ништадтский мирный договор и рождение империи. М., 2021. С. 67.

² Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Т. 31. № 24907.

Пространство между Петербургом и Выборгом являлось своеобразным регионом, где миграции происходили легче, социальные связи между представителями наций были более постоянными. Этим связям был присущ двусторонний характер, который выражался в обоюдных перемещениях жителей через границу, в сосуществовании, а также и в периодическом смешении двух культур. Так, столица империи была популярна среди финляндцев, особенно выходцев из Выборгской губернии, которые охотно переезжали сюда с целью получения работы или продолжения образования. В то же время Выборгская губерния была доступной и привлекательной территорией для представителей русского общества, которые приезжали отдохнуть на дачу, познакомиться с местной культурной средой или скрыться от преследований полицейского надзора империи. Постепенно состав приезжих расширялся и включал не только представителей российской интеллигенции, но и торговцев и ремесленников, которые в пиковые сезоны могли неплохо заработать. В Выборгской губернии, кроме ее центра, наиболее тесные связи устанавливались в дачных приграничных селениях (Куоккала, Терийоки, Ваммельсуу и других), а также в популярных экскурсионных местах – на водопаде Иматра и на Сайменском канале.

Граница и заграничное пространство влияли на восприятие русскими приезжими финляндской территории и ее жителей. Результатом человеческого восприятия является образ, который формируется по отношению к определенному индивиду, группе лиц, объектам или другим социальным событиям. При этом сложившийся образ не может быть полностью точным и исчерпывающим, особенно при кратком и единичном контакте³. Дополнительно осложняют восприятие и производят некий «образ врага» негативные стереотипные взгляды, которые характерны для коллективного мышления социальных групп, стремящихся выразить свое отличие по отношению к другим⁴. Формирование образа Финляндии и финляндца рубежа

³ Немов Р.С., Алтунина И.Р. Социальная психология. СПб., 2010. С. 293.

⁴ Там же. С. 261.

XIX–XX веков в сознании современников в значительной степени зависело от политического контекста того времени, где основные действия были направлены на создание отрицательного представления о жителях ВКФ.

В путешествии многие субъекты, объекты и ситуации воспринимаются с большим вниманием и сосредоточенностью, чем в домашних условиях, где некоторые вещи становятся частью повседневного процесса, и от этого менее примечательными. В то же время через восприятие и образ определяются формат общения и поведение, на которых основывается взаимодействие социальных групп или индивидов⁵. Так, для жителей Петербурга приезжие финляндцы являлись одним из элементов мультикультурного пространства, и общение с ними было привычным. При этом на территории Выборгской губернии поведенческие практики русской публики менялись: некоторые сталкивались с позитивным опытом и наслаждались отдыхом и природой Финляндии, другие же испытывали негативные эмоции от пребывания на этой территории и общения с финляндцами. В контексте данного исследования поведенческие практики петербуржцев и их отношение к финляндцам в географических пространствах Санкт-Петербурга и Выборгской губернии рубежа XIX–XX веков изучаются через различные образы «своего» и «чужого», существовавшие в указанный период.

Объект и предмет исследования. Объект исследования – русско-финляндские культурные связи, сложившееся в Петербурге и пограничной зоне. Предметом изучения являются поведенческие практики жителей Петербурга по отношению к финляндцам в пространствах столицы, Санкт-Петербургской и Выборгской губерний рубежа XIX–XX веков. В работе для обозначения приезжих из Финляндии, финноязычных жителей Петербурга, а также крестьян-ингерманландцев из окрестностей столицы используется термин «финляндец». Эта трактовка, по мнению историка М. Энгмана, появилась в Петербурге как обобщающее понятие для жителей ВКФ

⁵ Немов Р.С., Алтунина И.Р. Социальная психология. СПб., 2010. С. 292.

независимо от их языка или этнической принадлежности⁶. Употребление широкого термина обосновано этническим многообразием финских племен, а также составом выходцев из ВКФ, которые были представлены не только финнами, но и финноязычными шведами. Подробнее вопросы терминологии рассматриваются в главе 1.

Хронологические рамки исследования охватывают конец XIX – начало XX веков. Этот период характеризуется наибольшей степенью интенсивности русско-финляндского взаимодействия, которое отчасти зависело и от перемещений обеих групп. В это время столичный Петербург продолжал оставаться для приезжих финляндцев местом притяжения и возможностей, где можно было экономически преуспеть. Параллельно с этим возрос интерес русского общества к местам Выборгской губернии, что было связано с открытием Финляндской железной дороги в 1870 году, которая упростила передвижения для обеих сторон. Увеличившийся поток русских приезжих к 1900-м годам привел к дачному буму в этой местности. Кроме того, общественно-политические события начала XX века ставили русско-финляндские контакты в новые условия, которые влияли на восприятие и формирование образа финляндцев.

Территориальные границы исследования сводятся к пространству между Санкт-Петербургом и Выборгом, включая их ближайшие окрестности. Именно на этих территориях русско-финляндские контакты и миграционные перемещения были наиболее активными. При этом в работе исследуется не только зона между этими условными точками, но и пространство самих городов, в котором развивались связи русских и финляндских жителей. Указанная географическая зона может рассматриваться как культурное пограничье. Употребление слова «культурный» в данном контексте обозначает сферу контактов, которой уделяется наиболее пристальное внимание. Рассмотрение экономических и политических связей в исследовании играет

⁶ *Энгман М.* Финляндцы в Петербурге. СПб., 2005. С. 24.

вспомогательную роль и направлено на оформление полноты картины русско-финляндских отношений.

Цель и задачи исследования. Цель исследования заключается в комплексном изучении и анализе восприятия Финляндии и ее жителей представителями русского общества в конце XIX – начале XX веков на территории Санкт-Петербурга и Выборгской губернии ВКФ. Для достижения поставленной цели требуется решить следующие задачи:

- определить состав приезжих финляндцев Петербурга, исходя из этнического многообразия финляндских этносов;
- рассмотреть профессиональное и социальное положение приезжих финляндцев в столичном городе;
- проанализировать взаимодействие и отношение петербуржцев к разным слоям финляндского социума города;
- проследить, как складывались русско-финляндские контакты на территории Выборгской губернии конца XIX – начала XX веков;
- проанализировать представления русских приезжих о наиболее посещаемых ими местах в Выборгской губернии – Выборге, дачных и экскурсионных местностях;
- сравнить образы Финляндии и ее жителей, сформировавшиеся у представителей русского общества, учитывая фактор русско-финляндской границы.

Методологическая основа исследования. Для достижения поставленных задач в исследовании были применены междисциплинарный подход, историко-сравнительный метод, а также методы социологии, психологии и урбанистики, что обусловлено многогранностью изучаемого феномена восприятия на территории Петербурга и Выборгской губернии. Для исследования города и пространства задействованы подходы, отраженные в

работах Н.П. Анциферова⁷, А. Лефевра⁸, К. Линча⁹, А.В. Ремнева¹⁰, С.А. Гомаюнова¹¹. Территориальное пространство диссертации рассматривается с точки зрения тезиса А.В. Ремнева и С.А. Гомаюнова о пластичности границ региона, которые зависят не только от административного деления, но и от деятельности разных социальных групп. Первичными в данном случае становятся внутренняя ментальная конструкция, самоорганизация людей и их взаимодействие. В данном исследовании город также понимается пространством, где происходит разнообразная социальная деятельность. Исследование городского пространства опирается на выводы культуролога Н.П. Анциферова, который понимал Петербург как сложный социальный организм, отражая дифференцированный характер его устройства.

Изучением образа занимается имагология, которая, используя методы психологии и антропологии, выявляет интерпретации «своих» и «чужих» по отношению к определенным социально-этническим группам. Формирование образа зависит от процесса идентификации, предмет и составляющие которой описываются в работах П. Бурдые¹², Ф. Барта и мыслителей его круга¹³. Основными критериями национальной идентичности выступают язык, религия, происхождение, подданство и самоидентификация. При этом идентификация по национальному признаку не является единственной и не превосходит другие способы отождествления.

Используемый в исследовании историко-сравнительный метод представляет собой сопоставление различных объектов и явлений для

⁷ Анциферов Н.П. Душа Петербурга. Пг., 1922; Пути изучения города как социального организма. Опыт комплексного подхода. Л., 1925; Город как выразитель сменяющихся культур. Картины и характеристики. Л., 1926.

⁸ Лефевр А. Производство пространства. М., 2015.

⁹ Линч К. Образ города. М., 1982.

¹⁰ Ремнев А.В. Региональный нарратив в новой имперской истории России // Вестник Омского университета. 2004. № 4. С. 6–13.

¹¹ Гомаюнов С.А. Местная история: проблемы методологии // Вопросы истории. 1996. № 9. С. 158–163.

¹² Бурдые П. Идентичность и репрезентация: элементы критической рефлексии идеи «региона» // *Ab Imperio*. 2002. № 3. С. 45–60.

¹³ *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference* / Ed. by F. Barth. Boston, 1969.

выявления сходств и различий. В рамках указанной тематики сравнение проводилось в нескольких аспектах. В основном сопоставлялись пространства Петербурга и Выборгской губернии, что позволило выявить общие и различные черты в восприятии русского общества. В то же время сравнивались небольшие локальные пространства внутри Петербурга (районы и улицы) и Выборгской губернии (селения), что позволило проследить черты внутреннего районирования этих территорий. Кроме того, финляндцы сравнивались с другими крупными этническими группами Петербурга (немцами и поляками), а также проводилось сопоставление профессиональных занятий финноязычных и шведоязычных жителей города, что позволило уточнить их положение в структуре города.

Степень изученности темы. Изучение разных аспектов русско-финляндских отношений, пребывания финляндцев в Петербурге и русских в Выборге стало актуальным в последние десятилетия. Основная часть работ, особенно советского периода, рассматривает это взаимодействие с точки зрения политических вопросов, конкретных правительственных мер и революционных событий начала XX века. При этом в современной российской и зарубежной историографии виден интерес к освещению не только сферы политики, но также социокультурных и бытовых аспектов жизни финляндцев Петербурга и Выборгской губернии. Для анализа историографии следует выделить несколько тематических групп, в рамках которых изучались поставленные в исследовании проблемы.

Работы, посвященные **изучению вопроса восприятия одного этноса другим**, а также образу «чужого», стали активно появляться в постсоветской историографии и работах последних лет. Этот процесс активизировался в связи с развитием в 1980–1990-х годах исторической имагологии, которая занималась исследованием образа «чужого» в общественном сознании. Многие исследования стали развиваться как научные семинары или проекты,

посвященные взаимовосприятию культур¹⁴. В рамках изучения русско-финляндского восприятия стоит выделить коллективное исследование петрозаводских, петербургских, новгородских ученых «Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России»¹⁵. Авторы статей комплексно осмысливают представления русских о ВКФ и финляндцах в разных сферах – литературным связям и искусству посвящены статьи Э.Г. Карху и Е.Г. Сойни, образ Финляндии по материалам этнографических очерков реконструирует М.В. Лескинен, взгляды российских революционеров и либерально-консервативной части русского общества отражены в статьях А.Н. Цамутали и М.А. Витухновской.

Двустороннее исследование «Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия. XVII–XX вв.»¹⁶ появилось как результат нескольких совместных русско-финляндских симпозиумов рубежа XX–XXI веков. Авторы поднимают историографические проблемы изучения этой темы, а также проводят анализ взаимовосприятия между разными социальными слоями русского и финского этносов. Сборник статей «Финляндия и Россия: образы общего прошлого»¹⁷ продолжил практику международных научных семинаров, которые расширяли поле исследований по этой тематике.

Большой вклад в изучение взаимовосприятия русских и финляндцев внес финский историк Т. Вихавайнен, который акцентирует внимание на теме культурной границы между русским и финскими народами¹⁸. Достоинство его работ заключается в исследовании двустороннего процесса: с одной стороны – притяжении финляндцев столичным мегаполисом, с другой – привлекательности Выборгской губернии для русских приезжих. Восприятие

¹⁴ Россия и Европа в XIX–XX веке: проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. М., 1996; Образ России, русской культуры в мировом контексте. М., 1998; Образ России: Россия и русские в восприятии Запада и Востока. СПб., 1998 и др.

¹⁵ Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России. Новгород, 2004.

¹⁶ Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия. XVII–XX вв. М., 2006.

¹⁷ Финляндия и Россия: образы общего прошлого / Сб. науч. ст. / Сост. и науч. ред. И.Р. Такала, А.В. Толстикова. Петрозаводск, 2014.

¹⁸ Два лика России. Сборник статей. Отв. ред. Т. Вихавайнен. СПб., 2007; *Вихавайнен Т.* Столетия соседства. Размышления о финско-русской границе. СПб., 2012.

Финляндии разными слоями российского общества отражено в работе финского исследователя Н. Минар-Тёрмянен «Имперская идиллия. Финляндия в русской литературе путешествий (1810–1860)»¹⁹. Привлекая значительный круг источников о путешествиях (мемуары, очерки этнографов, путеводители и т.д.), автор выстраивает сложившийся образ ВКФ и ее жителей. Хронологические рамки этой работы не соотносятся с периодом данного исследования, однако она содержит сведения о методике работы с источниками.

Отдельные статьи авторов по этой тематике выходили в сборниках и журналах – О.П. Илюхи²⁰, В.М. Кустова²¹, И.Н. Новиковой²², Е.Ю. Дубровской²³, И.С. Лапина²⁴. Примечательна диссертация на соискание ученой степени кандидата наук В.П. Жабоедова-Господарца²⁵, в которой отражено влияние дореволюционных СМИ на складывание образа Финляндии. Основное внимание автор уделяет политическим аспектам русско-финляндских отношений и думской полемике консерваторов и либералов по «финляндскому вопросу», что не является центральной темой данного исследования.

Вторая тематическая группа связана с работами, касающимися **жизни Санкт-Петербурга** – его устройства, предприятий и обществ, а также социального состава местных и приезжих жителей.

¹⁹ *Minard-Törmänen N.* An Imperial Idyll. Finland in Russian Travelogues (1810–1860). Helsingfors, 2016.

²⁰ *Илюха О.П.* Проект «Образ Финляндии в России» // *Ab imperio*. 2003. № 3. С. 491–498.

²¹ *Кустов В.М.* Русская Финляндия: встреча культур между Западом и Востоком // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Выборг, 2016. № 2. С. 51–54.

²² *Новикова И.Н.* От лояльности к сепаратизму: образ Финляндии в общественном мнении России // Имперские и национальные модели управления: российский и европейский опыт. М., 2007. С. 335–352.

²³ *Дубровская Е.Ю.* Российские военные глазами финляндцев. Образы и взаимные представления периода Первой мировой войны // Скандинавские чтения 2008 года: этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 2010. С. 285–294.

²⁴ *Лапин И.С.* Выборг периода Великого княжества Финляндского глазами русских путешественников // Страницы Выборгской истории. Выборг, 2020. С. 281–317.

²⁵ *Жабоедов-Господарец В.П.* Образ финнов и Финляндии на страницах правой и либеральной печати: 1905 – февраль 1917 гг. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2016.

Этнический и социальный состав жителей Санкт-Петербурга освещается в работах советского и современного периодов. Большое количество исследований по этой теме проводилось петербургскими историками при Музее антропологии и этнографии Российской академии наук, а также при Российском этнографическом музее. Крупная совместная работа исследователей «Многонациональный Петербург: история, религия, народы»²⁶ была приурочена к трехсотлетию Санкт-Петербурга. Издание включило в себя подробный анализ этнических и религиозных особенностей города и его окрестностей за весь период существования. Другим значительным исследованием можно считать сборник «Этнография Петербурга – Ленинграда. Тридцать лет изучения»²⁷. Статьи этого сборника являются итогом работы семнадцати научных конференций и чтений, затронувшими проблемы изучения города, его социального и этнического состава, а также культурно-бытовых аспектов жизни горожан. Крупным исследователем этой тематики является Н.В. Юхнёва, работы которой основаны на статистических переписях населения Петербурга второй половины XIX века²⁸. Достоинства исследований заключаются в проработанной методике работы с данными статистики, в выстраивании графиков численности разных наций в столичном городе, а также в отражении их территориального расселения.

Значительным корпусом современной литературы освещаются отдельные сюжеты бытования города – транспорт²⁹, промышленные предприятия и их

²⁶ Многонациональный Петербург. История. Религия. Народы // Науч. ред. И.И. Шангина. СПб., 2002.

²⁷ Этнография Петербурга–Ленинграда: Тридцать лет изучения, 1974–2004 / Сост. и отв. ред. Н.В. Юхнева. СПб., 2004.

²⁸ Юхнёва Н.В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга: вторая половина XIX–начало XX века. Статистический анализ. Ленинград, 1984; Юхнёва Н.В. К методике использования петербургских переписей населения конца XIX–начала XX века. С. 60–73; Юхнёва Н.В. Городское население как объект этнографического исследования // Этнография Петербурга–Ленинграда. СПб., 2004. С. 23–32.

²⁹ Мусаев В.И. Финляндское Речное пароходство в Санкт-Петербурге // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2009. С. 110–115; Свешникова В.Н. Линия Рихимяки – Санкт-Петербург Финляндской железной дороги (от Санкт-Петербурга до Белоострова) // Памятники истории и культуры Петербурга. СПб., 1994. С. 31–48; Гусаров А.Ю. От Финляндского вокзала до Выборга: из истории финляндской железной дороги. М., 2016.

сотрудники³⁰, праздничная культура и городской досуг³¹. Указанные работы включают описания жизни финляндцев в столичном городе, что помогает понять их место в городской структуре рубежа XIX–XX веков. Объединение всех сфер жизни финляндцев Петербурга в одном исследовании было предпринято финским историком М. Энгманом в его работе «Финляндцы в Петербурге»³², переведенной со шведского языка в 2005 году. Работа Энгмана является основополагающей и подробно освещает все этапы переезда и пребывания финляндцев в столице: мотивация к переезду, документальное оформление, трудоустройство различных слоев прибывших, связи с земляками, повседневная жизнь, язык и идентичность. Внимание уделяется 1703–1917 годам, что делает историю пребывания финляндцев еще более полной. Кроме анализа жизни выходцев из ВКФ, автор отражает многие аспекты русско-финляндских отношений, показывая их с точки зрения финской и шведской историографии. Использование источников, хранящихся в Финляндии, а также зарубежной литературы одновременно является преимуществом и недостатком работы – приводится значительная часть неизвестных для российской традиции трудов, но в то же время не учитываются мнения российских авторов. Кроме того, в повествовании слабее освещены события начала XX века, а также некоторые аспекты повседневной

³⁰ *Васильева М.В.* Из истории финской керамической фирмы «Арабия» // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2009. С. 368–376; *Шрадер Т.А.* Семья финляндских ювелиров Тилландер в Санкт-Петербурге // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2010. С. 19–28; *Вишняков-Вишневецкий К.К.* Иностранцы в промышленной жизни Санкт-Петербурга во второй половине XIX века. СПб., 2008; К. Фаберже и петербургские ювелиры. Под ред. В.В. Скурлова. СПб., 1997; *Перевишко А.И., Скурлов В.В., Фаберже Т.Ф.* Петербург Карла Фаберже. СПб., 2005; *Кузнецова Л.К.* Петербургские ювелиры XIX–начала XX в. Династии знаменитых мастеров императорской России. М., 2017; *Грибовский В.Ю.* Финляндские верфи – морскому флоту // Военно-исторический журнал. М., 2019. № 7. С. 61–70; Цеховые знамена ремесленных цехов Санкт-Петербурга конца XVIII – начала XX века из собрания ГМИ Санкт-Петербурга: альбом-каталог. СПб., 2019.

³¹ *Келлер Е.Э.* Праздничная культура Петербурга: Очерки истории. СПб., 2001; *Шрадер Т.А.* Все на лыжи, как скандинавы (лыжный спорт в России конца XIX – начала XX в.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2011. С. 380–386; *Хмельницкая И.Б.* Спортивные общества и досуг в столичном городе начала XX века: Петербург и Москва. М., 2011; *Муравьева И.А.* Век модерна. Панорама столичной жизни. СПб., 2007.

³² *Энгман М.* Финляндцы в Петербурге. СПб., 2005.

жизни финляндцев, например, спорта. Положение финляндцев Петербурга также показано в работе бывшего директора Института Финляндии в Петербурге Я. Ниронена «Финский Петербург», переведенной с финского языка в 2003 году³³. Исследование Ниронена выполнено в виде адрес-календаря или путеводителя, где повествование строится по географическому принципу – сначала указываются адреса наиболее типичных мест финляндцев, а потом дается историческая справка. Начиная с центра города, автор доходит до городских окраин, что обосновано перемещениями подданных ВКФ внутри города в хронологическом промежутке XVIII – начале XX веков. Автор позиционирует эту работу для широкого круга читателей, чем объясняет отсутствие справочного аппарата, который мог продемонстрировать работу с базой источников. Жизнь шведских подданных в столице империи нашла отражение в трудах шведских исследователей – Б. Янгфельдта³⁴ и Х. Карлбак³⁵. Янгфельдт описывает пребывание шведоязычных жителей в столице с XVIII до начала XX веков, отмечая типичные сферы профессиональной деятельности (ювелирное дело, госслужба, инженерное дело и предпринимательство), а также бытовые моменты жизни «колонии» – посещение шведского лютеранского прихода и членство в общественных организациях. Объединение шведов из Швеции и всех шведоязычных приезжих с территории ВКФ в одну группу, предпринятое автором в этой работе, видится ее недостатком, так как происходит смешение категорий приезжих, что может привести к ошибкам в идентификации. Кроме того, в работе отсутствуют сведения о численности шведоговорящих (шведы и финляндцы) жителей города.

³³ *Ниронен Я.* Финский Петербург. СПб., 2003.

³⁴ *Янгфельдт Б.* Шведские пути в Санкт-Петербурге. СПб., 2003.

³⁵ *Carlback H.* Swedes in Russia in the late 19th and early 20th century. URL: https://www.academia.edu/23863881/Carlback_Swedes_in_Russia (дата обращения: 14.05.2022).

Одним из первых к проблеме урбанистики Санкт-Петербурга обратился советский историк и краевед Н.П. Анциферов. В своих исследованиях³⁶ автор подходит к изучению города как социального организма, показывая его комплексный и дифференцированный характер устройства. Для Анциферова город являлся центральным местом переплетения экономических, социальных и культурных процессов. Изучение культуры города в 1960–80-х годах было продолжено тартуской школой ученых с применением методов семиотики³⁷. Исследователи представляли Петербург в качестве определенной системы знаков, которую составляли площади, улицы, здания, памятники и т.д. Анализируя признаки этой системы, авторы выявляли городскую идентичность. Комплексный подход к изучению города сохранился и в современной литературе³⁸, которая рассматривает город как место особого опыта, самовыражения и интерпретации, а также в зарубежных исследованиях, среди которых стоит выделить работы А. Лефевра³⁹, К. Линча⁴⁰ и Й. Терборна⁴¹. Истории и топонимике Петербурга посвящена разнообразная современная краеведческая литература, которая может рассматривать отдельные районы и объекты⁴² или весь город в целом⁴³, а также ближайшие окрестности⁴⁴.

³⁶ *Анциферов Н.П.* Быль и миф Петербурга. Пг, 1922; Душа Петербурга. Пг., 1922; Пути изучения города как социального организма. Опыт комплексного подхода. Л., 1925; Город как выразитель сменяющихся культур. Картины и характеристики. Л., 1926.

³⁷ Семиотика города и городской культуры: Петербург // Труды по знаковым системам. Т. XVIII. Тарту, 1984.

³⁸ *Спивак Д.Л.* Северная столица. Метафизика Петербурга. СПб., 1998; *Латин В.В.* Петербург: Запахи и звуки. СПб., 2007; *Культуры городов российской империи на рубеже XIX–XX веков / Сост. Ю.И. Колоницкий, М.Д. Стейнберг.* СПб., 2009; *Ревзин Г.И.* Как устроен город. М., 2019.

³⁹ *Лефевр А.* Производство пространства. М., 2015.

⁴⁰ *Линч К.* Образ города. М., 1982.

⁴¹ *Терборн Й.* Города власти. Город, нация, народ, глобальность. М., 2021.

⁴² *Коган А.Я., Лихтин А.А., Зазнобина Н.В.* Выборгская сторона. СПб., 2001; *Богданов И.А.* Вокзалы Петербурга. СПб., 2004; *Иванов М.* Лютеранский квартал в Петербурге. СПб., 2004; *Гусенцова Т.М., Добрынина И.Н.* Путешествие по Выборгской стороне. СПб., 2007; *Аксельрод В.И., Гусева А.В.* Вокруг Финляндского вокзала: путеводитель по Выборгской стороне. СПб., 2013.

⁴³ *Глезеров С.Е.* Исторические районы Петербурга от А до Я. СПб., 2010; *Владимирович А.Г., Ерофеев А.Д.* Исторические кварталы Санкт-Петербурга. М., 2014.

⁴⁴ *Глезеров С.Е.* Петербургские окрестности: быт и нравы начала XX века. СПб., 2013.

Третья тематическая группа включает работы, связанные с **социокультурными и экономическими особенностями Выборгской губернии**, дачным и экскурсионным бытом русских приезжих, а также русско-финляндским взаимодействием в этом регионе.

Традиция изучения истории Выборга началась в дореволюционный период. В это время авторы преследовали политические цели, стараясь отразить зависимое положение региона от Российской империи. Одним из таких примеров является работа историка М.М. Бородкина «Двухсотлетие взятие Выборга»⁴⁵, вышедшая к 200-летию юбилею взятия города императором Петром I. Автор дает подробное описание военных событий Северной войны, отмечая силу русского оружия и благородство российского императора по отношению к завоеванному местному населению. Более подробный анализ исторического положения Выборга и освещение многих сторон жизни его горожан содержится в трудах выборгских и петербургских историков и краеведов советского и современного периодов⁴⁶. Многие конференции и исследования проводятся научными сотрудниками Выборгского музея-заповедника, по результатам которых издается сборник «Страницы выборгской истории»⁴⁷. Сборник включает статьи по разнообразным темам городской жизни – культуре, религии, аспектам военного развития, что позволяет в полной мере оценить устройство Выборга XIX – начала XX веков. Одним из крупных исследователей является З.А. Новоселова, работы которой посвящены некоторым известным жителями

⁴⁵ Бородкин М.М. Двухсотлетие взятие Выборга. СПб., 1910.

⁴⁶ Адашкина В.И., Вассель И.П. Выборг. Путеводитель. Л., 1969; Кенн Е.Е. Выборг: Художественные достопримечательности. Выборг, 1992; Кудрявцева Л. Борьба за “место памяти” в империи: история памятника основателю Выборга Торгильсу Кнутссону // *Ab Imperio*. 2004. № 2. С. 417–434; Волкова Л., Федорова М. Из истории развития туризма и экскурсионных услуг в Выборге за два последних века // *Инновационные процессы как интегрирующий фактор развития туризма*. Выборг, 2014. С. 175–200; Мартынова А.Г. Выборг в биографиях финских и русских художников XX – начала XXI века. СПб., 2017; Костоломов М.Н. *Wibrogiana*: Краеведческие очерки. СПб., 2018.

⁴⁷ Страницы выборгской истории. Кн. 1–5. Выборг, 2000–2021.

города⁴⁸, русским учебным заведениям Выборга⁴⁹, а также его экономическому развитию⁵⁰. Изучение образа финляндского города среди русских путешественников отражено в статье независимого исследователя И.С. Лапина «Выборг периода Великого княжества Финляндского глазами русских путешественников»⁵¹. Автор привлекает широкий круг заметок и публицистической литературы 1820–1910-х годов, на страницах которых запечатлено отношение русской публики к жизни Выборга. При этом исследователем не используются этнографические описания русских путешественников, а также не освещаются дачные места Выборгской губернии.

Отдельное внимание современная литература уделяет описанию дачных и экскурсионных мест Выборгской губернии и Карельского перешейка⁵². Стоит выделить труд «Карельский перешеек – земля неизведанная»⁵³ краеведа Е.А. Балашова, который дает подробное представление о всех участках Карельского перешейка, входивших в состав Выборгской губернии Российской империи. Хронологически автор рассматривает историю этого региона со времен Северной войны до первой четверти XX века. Исследование петербургского краеведа похоже на своеобразный путеводитель, в котором дается описание селений по классификации приморского и земледельческого

⁴⁸ Новоселова З.А. Гражданин Выборга: военный врач М.М. Карпинский (1868–1937) // Страницы выборгской истории. Выборг, 2004. С. 300–307; Комендант выборгской крепости Рубец Иван Павлович (1834–1900) // Страницы Выборгской истории. Выборг, 2020. С. 145–152.

⁴⁹ Новоселова З.А. Русские учебные заведения Выборга XIX – начала XX века // Страницы выборгской истории. Выборг, 2000. С. 263–324.

⁵⁰ Новоселова З.А. Некоторые аспекты экономического развития XIX – начала XX века // Страницы выборгской истории. Выборг, 2020. С. 239–251.

⁵¹ Лапин И.С. Выборг периода Великого княжества Финляндского глазами русских путешественников // Страницы Выборгской истории. Выборг, 2020. С. 281–317.

⁵² Кяхенен Э. Прежние Терийоки – деревенские воспоминания. Коуволла, 1982; Арцыбашев Д.В. История туристско-экскурсионной деятельности в России: вторая половина XIX–XX вв. Дис... канд. ист. наук. Курск, 2005; Вахромеева О.Б. Экскурсия бестужевков по Волге, 1908 г. // Мир экскурсий. СПб., 2008. № 5. С. 49–51; Тюников К. Терийоки – Зеленогорск и окрестности. СПб., 2008; Юдина Н.Ю. Краеведение в Финляндии. Историко-культурный обзор // Вестник РГГУ. М., 2012. № 6. С. 34–43; Браво А.Е., Травина Е.М. Зеленогорск. Дачная жизнь 100 лет назад. СПб., 2016.

⁵³ Балашов Е.А. Карельский перешеек – земля неизведанная. Ч. 1–13. СПб., 1996–2018.

типов. Информация о дачном месте включает историческую справку, отражает административное деление и экономический потенциал участка, а также сведения о местном финском населении и его занятиях.

Непосредственно дачной тематике посвящен ряд зарубежных и российских работ⁵⁴, из которых можно выделить труды С. Ловелла⁵⁵, О.Ю. Малиновой-Тзиафеты⁵⁶, диссертацию К. Лэм⁵⁷. Британский историк С. Ловелл рассказывает о появлении и укреплении дачной культуры в Российской империи, разбивая весь процесс на некоторые этапы – до середины XIX века дача была доступна только элите, на рубеже веков состав отдыхающих расширился, что привело к дачному буму и последующему складыванию дачной индустрии, ориентированной на зарабатывание денег. Ловелл представляет широкую географию дачной жизни, описывая местечки Санкт-Петербурга, Москвы, Новгорода и некоторых европейских стран, что позволяет наиболее комплексно проследить дачную динамику Выборгской губернии. В труде О.Ю. Малиновой-Тзиафеты внимание уделяется дачным местам вокруг Петербурга второй половины XIX – начала XX веков. В работе разбор дачного вопроса ведется со стороны города и его жителей – автор описывает проблемы урбанизации, переживания и неудобства бытовой жизни мегаполиса, подкрепляя это источниками. Малинова-Тзиафета изучает дачу в контексте пространства города, отмечая наличие городских проблем столицы одним из главных факторов увеличения дачного потока на Карельском перешейке. Развитие железнодорожного транспорта обеспечило нужды дачников в перемещениях и привело к росту численности приезжих. В

⁵⁴ *Деотто П.* Петербургский дачный быт XIX в. как факт массовой культуры // *Europa Orientalis*. 1997. № 16. С. 357–371; *Деотто П.* Дачная традиция в Серебряном веке. // *Петербург – столица русской культуры II*. Salerno: Europa Orientalis, 2004. P. 335–348; *Caldwell M.* *Dacha Idylls: Living Organically in Russia's Countryside*. L.A., 2011; *Мусаев В.И.* Русская дачная жизнь на Карельском перешейке в конце XIX – начале XX в. и финляндское общественное мнение // *Международные отношения и диалог культур*. 2015. № 4. С. 160–176.

⁵⁵ *Ловелл С.* *Дачники: история летнего житья в России 1710–2000*. СПб., 2008.

⁵⁶ *Малинова-Тзиафета О.Ю.* *Из города на дачу*. СПб., 2013.

⁵⁷ *Lam K.* *Shared space, varied lives: Finnish-Russian interactions in dacha country, 1880s–1920s: a dissertation of the requirements for the PhD degree of History*. Michigan, 2013.

исследовании американского историка К. Лэм дачи Карельского перешейка рассматриваются как пространство для разнообразных социальных взаимодействий русских и финляндцев. Работу отличает широкая источниковая база на финском, шведском и русском языках, приводится обширный пласт зарубежной историографии, превалирующий над трудами русских авторов, используются карты и другие иллюстративные материалы, наглядно демонстрирующие предмет изучения. Автор тщательно разбирает вектор национальной политики Российской империи по отношению к Финляндии, упоминая русификацию и меры генерал-губернатора Н.И. Бобрикова. Социокультурные контакты русских дачников с местными финляндцами упоминаются в меньшей степени, что ставит политическую сторону русско-финских отношений на ведущее место. Исследование выстраивается с позиции политических отношений – «центр империи – окраина», через которые сложно проследить лично-бытовые отношения жителей Выборгской губернии, а также подробнее понять устройство дачных местечек Карельского перешейка.

Складывание русско-финляндских контактов на территории Выборгской губернии подробно освещается в современных зарубежных и российских трудах, из которых некоторые публиковались в издании «Санкт-Петербург и страны Северной Европы»⁵⁸. В своих работах авторы отражают

⁵⁸ *Baschmakoff N., Leinonen M.* Russian life in Finland 1917–1939 // *Studia Slavica Finlandensia*. Т. XVIII. Helsinki, 2001. P. 175–199; *Григорьева Н.В.* Путешествие в русскую Финляндию. СПб., 2002; *Мусаев В.И.* Проблема российско-финляндской границы на Карельском перешейке в XIX – начале XX вв. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2002. С. 69–74; *Мусаев В.И.* Великое княжество Финляндское и русские революционеры (начало XX века) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2004. С. 282–290; *Мусаев В.И.* Миграционные контакты между Петербургской и Выборгской губерниями (XIX – начало XX века) // Санкт-Петербург и Страны Северной Европы. СПб., 2006. С. 325–333; *Велиховский Л.* Культурное пространство и культурные гнезда Выборгской Финляндии // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2009. С. 110–127; *Трубникова Д.* «Культурное гнездо» на Карельском перешейке в начале XX в. // Санкт-Петербург и Страны Северной Европы. СПб., 2009. С. 10–17; *Шикалов Ю.Г.* Тихий уголок: Финляндия для российских туристов по описаниям путеводителей конца XIX – начала XX в. // Альманах Североевропейских и Балтийских исследований. 2017. № 2. С. 292–312; *Размышляющий пейзаж: Русская Финляндия и финский Петербург.* Под ред. Э. Кахла. СПб., 2017.

привлекательность дачных мест для русской публики, формирование «культурных гнезд», которые отражали русские культурные особенности, привнесенные на Карельский перешеек. При этом исследователи уделяют внимание обоюдности процессов, происходивших на территории Выборгской губернии. Например, петербургский историк В.И. Мусаев в центр своих исследований ставит проблему пограничного и межкультурного положения Выборгской губернии. Автор приводит важный тезис о «встречности» российско-финляндских миграционных связей, так как перемещения двух наций происходили по обе стороны границы. Исследователь представляет территорию Выборгской губернии как многофункциональную зону для разных слоев русского общества – интеллигенции, трудящихся ремесленников, крестьян, а также революционных элементов. При этом остается не до конца раскрытым вопрос о представлениях и восприятии русских приезжих этой пограничной зоны и ее жителей.

Четвертая тематическая группа представлена **общими работами по истории Финляндии**. Основное внимание авторы уделяют проблемам политической и социально-экономической сфер. Традиция изучения Финляндии была заложена еще в дореволюционное время, советские и современные российские и зарубежные исследователи ее продолжают. Анализ политической повестки русско-финляндских отношений необходим, так как восприятие ВКФ и его жителей русским обществом зависело не только от личного и бытового контакта, но также и от общего вектора взаимоотношений.

Консервативные взгляды на положение ВКФ в составе империи отражены в работах имперских чиновников и публицистов – К.Ф. Ордина⁵⁹, Н.Д. Сергиевского⁶⁰, М.М. Бородкина⁶¹ и других. В своих трудах авторы проводили популярную мысль того времени, что Финляндия не обладает

⁵⁹ *Ордин К.Ф.* Покорение Финляндии. СПб., 1889. Т. 1–2.

⁶⁰ *Сергиевский Н.Д.* К вопросу о коренных законах В.К. Финляндского. СПб., 1899.

⁶¹ *Бородкин М.М.* Справки о «конституции» Финляндии. СПб., 1900; *Бородкин М.М.* Финляндия в русской печати. Библиографический указатель. СПб., 1902; *Бородкин М.М.* Из новейшей истории Финляндии. Время управления Н.И. Бобрикова. СПб., 1905.

автономным статусом, должна подчиняться императору и не проявлять сопротивления российскому вектору политики в крае. На основании подобных политических суждений зарождался негативный образ ВКФ. Советская историография в основном продолжает консервативную линию по вопросу русско-финляндских отношений, однако добавляет критические оценки действий правительства империи по отношению к Финляндии. Такая концепция прослеживается в работах А.Я. Авреха⁶², В.В. Похлёбкина⁶³, Л.В. Суни⁶⁴.

К изучению аспектов политических отношений ВКФ и остальной империи также проявляют интерес и зарубежные историки⁶⁵. Такие работы чаще всего показывают меры русификации в негативном ключе, отмечая их неэффективность и связывая с этим становление финских революционных элементов, которые активно и в чем-то справедливо сопротивлялись интеграционной политике империи. Более подробный анализ и рассмотрение произошедших событий с двух сторон предпринимается в работах зарубежных и российских историков последних десятилетий⁶⁶. В центре внимания работы финского историка О. Юссила находится политическая ситуация русско-финских отношений на протяжении почти 200 лет. Автор последовательно отслеживает все моменты складывания финского сепаратизма, отражает

⁶² Аврех А.Я. Столыпин и III Дума. М., 1968; Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991.

⁶³ Похлёбкин В.В. СССР – Финляндия. 260 лет отношений 1713–1973. М., 1975.

⁶⁴ Суни Л.В. Очерк общественно-политического развития Финляндии в 50–70-е гг. XIX века. Л., 1979; Самодержавие и общественно-политическое развитие Финляндии в 80–90е XIX века. Л., 1982.

⁶⁵ Pogorelskin A. The politics of Frustration. The Governor-Generalship of Bobrikov in Finland 1898–1904 // Journal of Baltic Studies. 1976. № 3. P. 231–246; Pogorelskin A. Vestnik Evropy and the Finnish question 1885–1904 // Journal of Baltic Studies. 1980. № 2. P. 127–141; Waldron P. Stolypin and Finland // Slavonic and East European Review. 1985. Vol. 63. № 1. P. 41–55; Kujala A. Finnish radicals and the Russian revolutionary movement, 1899–1907 // Revolutionary Russia. 1992. № 5. P. 172–192; Snellman A. The nobility of Finland 1809–1917. From imperial loyalism to nationalist conflict // Петербургский исторический журнал. 2015. № 4. С. 112–129.

⁶⁶ Клинге М. На чужбине и дома. СПб., 2005; Расила В. История Финляндии. Петрозаводск, 2006; Юссила О. Великое княжество Финляндское. 1809–1917 гг. Хельсинки, 2009; Русский Сборник: исследования по истории России. Т. XVII: Финляндия и Россия. М., 2015; Мейндер Х. История Финляндии. М., 2017; Россия и независимость Финляндии: 1899–1920 гг. Сб. документов: в 3 т. / Сост. М.В. Зеленев. М., 2021.

изменения российского вектора политики в зависимости от ситуации в крае. Постепенно Юссила приходит к выводу, что финны в какой-то мере сами выбрали путь присоединения к России, которая в 1809 году была сильной и мощной державой в Европе. Отдельные труды Е.А. Правиловой⁶⁷ и Д.В. Анисимовой⁶⁸ затрагивают финансовые аспекты ВКФ, религиозной тематике посвящены работы И.С. Лапина⁶⁹ и Ю.И. Крипатовой⁷⁰.

Заключительную тематическую группу представляют работы, **посвященные теоретическим и методологическим вопросам**, касающимся проблематики исследования – нациям и национальной политике⁷¹, проблеме идентичности⁷², региональной истории и пространству⁷³. В своих

⁶⁷ *Правилова Е.А.* Финансы империи. М., 2006.

⁶⁸ *Анисимова Д.В.* Открытие отделений русских банков в Великом княжестве Финляндском в начале XX в. // Исторический журнал: научные исследования. М., 2016. № 4. С. 461–468; Монетарные реформы Великого княжества Финляндского в контексте интеграционной политики Российской империи // Исторический журнал: научные исследования. М., 2019. № 3. С. 157–165.

⁶⁹ *Лапин И.С.* Храмы Карельского перешейка. СПб., 2019.

⁷⁰ *Крипатова Ю.И.* Православные приходы Выборгской губернии в составе Великого княжества Финляндского // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2009. С. 381–392.

⁷¹ *Дякин В.С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.). СПб., 1998; *Геллер Э.* Нации и национализм. М., 1991; *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 г. СПб., 1998; *Каннелер А.* Россия – многонациональная империя. М., 2000; *Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006; *Миронов Б.Н.* Управление этническим многообразием Российской империи. СПб., 2017.

⁷² *Barth F.* Introduction // *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference* / Ed. by F. Barth. Boston, 1969. P. 9–38; *Бурдые П.* Идентичность и репрезентация: элементы критической рефлексии идеи «региона» // *Ab Imperio*. 2002. № 3; *Franklin S., Widdis E.* National Identity in Russian Culture. Cambridge, 2004; *Лескинен М.В.* Поляки и финны в российской науке второй половины XIX века: «Другой» сквозь призму идентичности. М., 2010; Идентичность: личность, общество, политика / Отв. ред. И.С. Семенов. М., 2017.

⁷³ *Гомаюнов С.А.* Местная история: проблемы методологии // Вопросы истории. 1996. № 9. С. 158–163; *Ремнев А.В.* Региональный нарратив в новой имперской истории России // Вестник Омского университета. 2004. № 4. С. 6–13; *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Теория исторического знания. СПб., 2008; *Маловичко С.И.* Историография после "культурного поворота": пространственный подход и новая локальная история // Новая локальная история: по следам интернет-конференций. 2007–2014. Ставрополь, 2014. С. 21–30; *Маловичко С.И.* Локальная история и историческое краеведение: проблема определения дисциплинарного статуса // Методология и методы изучения региональной истории: Центральное Поволжье в глокализационном измерении. Казань, 2016. С. 3–22; *Савельева И.М.* Городское прошлое в практиках публичной истории // *Honoris causa*. СПб., 2016. С. 255–264; *Селунская Н.Б., Петрова О.С.* Образ России как «исторического пространства» в

исследованиях российские и зарубежные авторы могут рассматривать указанную проблематику на различных примерах, напрямую не касаясь истории Финляндии, однако примененные ими методологические принципы и выводы могут быть использованы в данной работе. Например, труды П. Бурдые и Ф. Барта помогают определить основные критерии идентичности наций – язык, религию, происхождение, подданство и самоидентификацию, где последний фактор считается главным. Исследователи локальной истории и пространства – А.В. Ремнев, С.А. Гомаюнов, И.М. Савельева и А.В. Полетаев – приводят тезис о пластичности границ региона, который возникает как результат деятельности людей, что является обоснованием описываемого в этой работе пространства. А. Каппелер показывает общую политику империи по отношению к окраинам, что позволяет выделить особенности развития Финляндии, такие как самое раннее «культурное пробуждение» среди всех наций империи.

В целом, в современной историографии заметен интерес к изучению различных сфер жизни общества – социально-экономической, политической, культурной, а также повседневно-бытовой. Кроме того, возросло внимание к исследованию междисциплинарных вопросов, которые лежат не только в области истории, но и затрагивают сферы социологии, психологии и антропологии. Среди таких вопросов можно выделить проблему формирования образа и восприятия различными этносами друг друга, в частности финляндцев русским обществом. В указанных географических рамках представления о финляндцах в литературе еще не рассматривались, поэтому обращение к данной тематике выглядит оправданным.

Источниковую базу исследования составили делопроизводственная документация, материалы личного происхождения, путеводители, географические описания и путевые заметки, статистические данные, материалы справочных изданий, художественная литература и публицистика.

Широкая база источников обусловлена сложностью географического пространства, которое включает две исследуемые локации – столичный Петербург и финляндский Выборг с его окрестностями.

Одной из основных групп источников являются **материалы делопроизводства** различных учреждений Российской империи и Великого княжества Финляндского. Документы, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве (РГИА) в фондах Совета министров (ф. 1276)⁷⁴ и Статс-секретариата ВКФ (ф. 1361)⁷⁵, касаются разных сфер русско-финляндского взаимодействия: празднования памятных дат, сооружения памятников, вопросов о торговле и продаже земель, порядка выхода из подданства Финляндии, финляндских обществ столицы и др. Отдельно стоит отметить единичные дела из фондов Департамента общих дел Министерства внутренних дел (ф. 1284)⁷⁶, Департамента торговли и мануфактур (ф. 20)⁷⁷, в котором содержатся данные о награждении финляндцев за разнообразную трудовую деятельность, Комитета по техническим делам (ф. 24)⁷⁸, который включает информацию о выдаче привилегий на изобретения выходцам из ВКФ, Государственного банка (ф. 587)⁷⁹, Канцелярии Синода (ф. 796)⁸⁰, в составе которого находятся сведения о деятельности русских православных жителей на территории Финляндии, Документов разных лиц, изъятых из сейфов частных банков и кредитных обществ (ф. 1102)⁸¹, которые связаны с экономической и служебной деятельностью некоторых финляндских подданных в Петербурге и русских жителей на территории ВКФ.

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб) содержит материалы, раскрывающие деятельность финляндских

⁷⁴ РГИА. Ф. 1276. Оп. 3. Д. 972. Оп. 18. Д. 106, 159, 163, 172, 229, 395, 439, 533.

⁷⁵ РГИА. Ф. 1361. Оп. 1. Д. 40, 55, 57, 93, 127, 129, 132.

⁷⁶ РГИА. Ф. 1284. Оп. 101. Д. 3251.

⁷⁷ РГИА. Ф. 20. Оп. 2. Д. 1211.

⁷⁸ РГИА. Ф. 24. Оп. 6. Д. 1427.

⁷⁹ РГИА. Ф. 587. Оп. 33. Д. 950.

⁸⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 438. Д. 5288.

⁸¹ РГИА. Ф. 1102. Оп. 1. Д. 1264.

предприятий и обществ в Петербурге – фонд Русского общества изготовления снарядов Парвиейнен и К^о (ф. 1314)⁸², фонд Главного училища при финской церкви Св. Марии (ф. 168)⁸³. Документы фонда Петроградского губернского правления (ф. 254)⁸⁴ содержат сведения о численности выходцев из ВКФ и их правонарушениях, о создании финляндского гимнастического общества в Петербургском уезде и деятельности финского общества трезвости «Алку». В исследовании были использованы некоторые дела из фонда Ремесленной управы города (ф. 223)⁸⁵ для подсчета численности финляндских мастеров и подмастерьев; материалы из фонда Канцелярии петербургского генерал-губернатора (ф. 2075)⁸⁶, отражающие высылки подданных ВКФ за пределы столицы, а также материалы фонда Петроградской городской думы (ф. 792)⁸⁷ и Петроградского коммерческого суда (ф. 243)⁸⁸.

В данной работе были использованы документы Ленинградского областного государственного архива г. Выборга (ЛОГАВ) из фондов Выборгского губернского правления МВД Финляндии (ф. 1)⁸⁹ и Контор коронных ленсманов Райвольского (ф. 52)⁹⁰ и Терийокского округов Выборгского губернского правления (ф. 63)⁹¹. Эти материалы содержат неопубликованные сведения о русских дачевладельцах Новокирхского и Кивинебского приходов, их занятиях, а также данные о деятельности предприятий выборгского купца Яковлева. Частично документы этих фондов были представлены на финском языке.

⁸² ЦГИА СПб. Ф. 1314. Оп. 1. Д. 6, 7, 21.

⁸³ ЦГИА СПб. Ф. 168. Оп. 1. Д. 1.

⁸⁴ ЦГИА СПб. Ф. 254. Оп. 1. Д. 2085, 2142, 2375, 8676, 9456, 14210.

⁸⁵ ЦГИА СПб. Ф. 223. Оп. 1. Д. 5421, 5423.

⁸⁶ ЦГИА СПб. Ф. 2075. Оп. 5. Д. 46. Оп. 6. Д. 193, 306.

⁸⁷ ЦГИА СПб. Ф. 792. Оп. 1. Д. 4627, 4734.

⁸⁸ ЦГИА СПб. Ф. 243. Оп. 1. Д. 369.

⁸⁹ ЛОГАВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 120, 546.

⁹⁰ ЛОГАВ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 22.

⁹¹ ЛОГАВ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 263.

Национальный архив Финляндии содержит фонд Канцелярии финляндского генерал-губернатора⁹², в котором хранятся материалы об открытии отделения Государственного банка в Выборге в 1914 году. В делах содержится делопроизводственная переписка управляющего выборгским отделением, сведения о количестве выданных кредитов, а также представлено мнение о реакции местного населения и финляндской прессы.

В Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) также хранится Фонд Канцелярии финляндского генерал-губернатора (ф. 499)⁹³, материалы которого содержат отчеты гражданских и полицейских чиновников об общей революционной обстановке в Финляндии. Отдельно за положением дел ВКФ следил Особый отдел Департамента полиции МВД (ф. 102)⁹⁴, в фонде которого находятся материалы об убийстве генерал-губернатора Н.И. Бобрикова и покушении на Выборгского губернатора Н.А. Мясоедова. Кроме того, были использованы опубликованные делопроизводственные материалы, к которым относятся отчет морского ведомства⁹⁵, а также уставы финляндских обществ Петербурга⁹⁶, которые содержат информацию о принципах устройства кружков финноязычных и шведоязычных подданных – их занятиях, участниках, взносах и т.д.

Второй группой являются **источники личного происхождения**, которые включают в себя воспоминания и мемуары русской публики рубежа XIX–XX веков. Эти материалы содержат в себе описания быта Петербурга и его окрестностей тех лет, упоминания о значимых событиях города и участии в них различных национальных групп, а также личные впечатления авторов от этих событий. Воспоминания Л.В. Успенского⁹⁷, М.А. Григорьева⁹⁸,

⁹² Национальный архив Финляндии. Фонд канцелярии финляндского генерал-губернатора. II отдел. Д. 26, 27.

⁹³ ГАРФ. Ф. 499. Оп. 1. Д. 1.; Ф. 499. Оп. 2. Д. 5, 43.

⁹⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 232. Д. 260; Оп. 232а. Д. 855.

⁹⁵ Отчет по морскому ведомству за 1894–1896 годы. СПб., 1898.

⁹⁶ Устав общества соревнователей трезвости «Инкери». СПб., 1891; Устав спортивного общества "Kamraterna". Пг., 1915.

⁹⁷ Успенский Л.В. Записки старого петербуржца. Л., 1970.

⁹⁸ Григорьев М.А. Петербург 1910-х годов. Прогулки в прошлое. СПб., 2005.

С.Ф. Светлова⁹⁹, П.А. Пискарева и Л.П. Урлаба¹⁰⁰, Д.А. Засосова и В.П. Пызина¹⁰¹ посвящены непосредственно жизни столичного города рубежа XIX–XX веков и содержат сведения не только о положении разных национальных групп, но и городских настроениях и традициях. Воспоминания М.В. Добужинского¹⁰², А.Н. Бенуа¹⁰³, В.А. Оболенского¹⁰⁴, А.Ф. Кони¹⁰⁵, Н.М. Васильева¹⁰⁶ и других касаются событий из их личной жизни, но при этом описывают опыт контактов с финляндцами и отношение к ним со стороны жителей города. Дачные впечатления, туристические и экскурсионные поездки на территорию Выборгской губернии, а также некоторые политические эпизоды Выборга начала XX века нашли свое отражение в заметках и мемуарах политических деятелей Ф.Д. Крюкова¹⁰⁷, П.Н. Милюкова¹⁰⁸, В.Н. Коковцова¹⁰⁹, революционера Б.В. Савинкова¹¹⁰, представителей творческой элиты – Н.К. Рериха¹¹¹, Е.Э. Мандельштама¹¹², Ю.П. Анненкова¹¹³, А.П. Остроумовой-Лебедевой¹¹⁴ и других. Кроме того, интересны воспоминания некоторых писателей по форме представляющие художественные очерки¹¹⁵. Подобный вид материалов также затрагивает

⁹⁹ Светлов С.Ф. Петербургская жизнь в конце XIX столетия (в 1892 году). СПб., 2008.

¹⁰⁰ Пискарев П.А., Урлаб Л.Л. Старый милый Петербург. СПб., 2007.

¹⁰¹ Засосов Д.А., Пызин В.П. Из жизни Петербурга 1890–1910-х годов. Л., 1991.

¹⁰² Добужинский М.В. Воспоминания. М., 1987.

¹⁰³ Бенуа А.Н. Мои воспоминания. М., 1980.

¹⁰⁴ Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988.

¹⁰⁵ Кони А.Ф. Петербург. Воспоминания старожилы. СПб., 1922.

¹⁰⁶ Васильев Н.М. Воспоминания. Как я проиграл финнам // Физкультура и спорт. 1935. № 2. С. 6–7.

¹⁰⁷ Крюков Ф.Д. 9–11 июля 1906 (Воспоминания) // Выборгский процесс. СПб., 1908. С. 229–240.

¹⁰⁸ Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991.

¹⁰⁹ Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919. Париж, 1933. Т. 1.

¹¹⁰ Савинков Б.В. Воспоминания террориста. М., 1991.

¹¹¹ Рерих Н.К. Листы дневника. Т. 2: (1936–1941). М., 2000.

¹¹² Мандельштам Е.Э. Воспоминания // Новый мир. 1995. № 10. С. 119–178.

¹¹³ Анненков Ю.П. Дневник моих встреч. М., 1991. Т. 1–2.

¹¹⁴ Остроумова-Лебедева А.П. Автобиографические записки. М., 1974.

¹¹⁵ Куприн А.И. Немножко Финляндии // Собр. соч. в 9 т. М., 1964. Т. 9; Мандельштам О.Э. Шум времени. М., 2016; Маршак С.Я. Собр. соч. в 8 т. В начале жизни (страницы воспоминаний). М., 1971. Т. 6; Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч. в 20 т. Т. 16, кн. 2. Мелочи жизни. 1886–1887. М., 1974.

русско-финские отношения на Карельском перешейке рубежа веков, показывая характер финляндского населения и поведение русской приезжей публики, добавляя при этом некий налет романтики и художественных сравнений.

Третья группа источников представлена **путеводителями** по Финляндии¹¹⁶ и Санкт-Петербургу¹¹⁷. Появление первых путеводителей по ВКФ исследователи относят к 1830-м годам, а более широкое распространение связывают с возросшим импульсом российского туризма в 1860–1880-х годах¹¹⁸. Путеводители содержали полезную информацию о расписании поездов, железнодорожных станциях, курсах обмена, порядке цен на жилье, адресах гостиниц и достопримечательностей, местных нравах и языке, что было особенно необходимо русскому туристу в поездках по незнакомой Финляндии. Расцвет использования путеводителей совпал со временем ухудшения русско-финских отношений рубежа XIX–XX вв., что включило данный вид источника в ряды прочих публицистических изданий, транслировавших и идеологические взгляды. Отчасти это видно на примере «Спутника по Финляндии» под авторством финляндца К. Грэнхагена¹¹⁹. С первых страниц издание приводит описание ВКФ не как окраинной территории Российской империи, а как отдельной страны, употребляя при этом воинственные формулировки о готовности финляндцев к борьбе за свои права. Политизированность русских изданий также присутствовала, что можно заметить в «Путеводителе по Финляндии» под редакцией Карелина¹²⁰.

¹¹⁶ *Вольперт Г.* Описание г. Выборга с окрестностями Монгерос и водопадами Иматра, Нейц-Ниemi и Кирен-Коски с Саймовским каналом. Выборг, 1874; *Сакслин Т.* Путеводитель по Выборгу и окрестностям. Выборг, 1915; *Гейкель С.М.* Как путешествовать по Финляндии? Выборг, 1914; *Москвич Г.Г.* Иллюстрированный практический путеводитель по Финляндии. Одесса, 1909.

¹¹⁷ *Домбровский Ф.В.* Полный путеводитель по Петербургу и всем его окрестностям. СПб., 1896; *Раевский Ф.* Петербург с окрестностями: с подробным планом и описанием всех достопримечательностей в Петербурге и окрестностях. СПб., 1902; *Москвич Г.Г.* Иллюстрированный практический путеводитель по С.-Петербургу. СПб., 1908.

¹¹⁸ *Шикалов Ю.* Тихий уголок: Финляндия для российских туристов по описаниям путеводителей конца XIX– начала XX в. // Альманах Североевропейских и Балтийских исследований. СПб., 2017. № 2. С. 294.

¹¹⁹ *Грэнхаген К.* Спутник по Финляндии 1899–1914. СПб., 1914.

¹²⁰ Путеводитель по Финляндии под ред. Карелина. СПб., 1911.

Прямого негативного отношения к финляндцам не наблюдается, однако проскальзывает некая конфронтация в повествовании по принципу «свой – чужой». В целом, путеводители дают полезную информацию об укладе жизни мест Выборгской губернии, однако стоит учитывать, что кроме своего прямого назначения этот вид источника использовался авторами как площадка для некоторых идеологических высказываний¹²¹.

Четвертой группой источников являются **этнографические очерки и путевые заметки** этнологов и путешественников. Такие работы содержат сведения о географических, климатических, культурных и исторических особенностях Великого княжества Финляндского, которые влияли на быт местного населения и его поведение в определенных ситуациях. Среди этнографических описаний были использованы труды П.П. Семенова «Живописная Россия»¹²², Д.Д. Семенова «Отечествоведение»¹²³, В.П. Семенова-Тян-Шанского «Финляндия»¹²⁴. Несмотря на информативность, при изучении этих источников стоит учитывать интерпретацию и восприятие событий автором, которые влияют на конечное описание. Заметки и очерки путешественников в меньшей степени освещают общие характеристики региона, и в основном, описывают повседневность местных жителей, дополняя повествование вкраплением мнения автора. К этой группе относятся работы Ф.К. Дершау «Финляндия и финляндцы»¹²⁵, С. Маккаллума «Через Финляндию в Санкт-Петербург»¹²⁶, Г. Нормана «Все русские»¹²⁷ и другие.

¹²¹ Витухновская-Кауппала, М. Русские путевые заметки и путеводители по Финляндии: от романтической идиллии к политическому противостоянию // Путеводитель как семиотический объект. Тарту, 2008. С. 218.

¹²² Семенов П.П. Живописная Россия. Т. 2. Ч. 1. Великое княжество Финляндское. СПб–М., 1882.

¹²³ Семенов Д.Д. Отечествоведение. Т. 1. Финляндия. СПб., 1873.

¹²⁴ Семенов-Тян-Шанский В.П. Финляндия. Пг., 1918.

¹²⁵ Дершау Ф.К. Финляндия и финляндцы. СПб., 1842.

¹²⁶ MacCallum Scott A. Through Finland to St. Petersburg. London, 1908.

¹²⁷ Norman H. All the Russians: Travels and Studies in Contemporary European Russia, Finland, Siberia, the Caucasus & Central Asia. New York, 1904.

Пятая группа источников представлена **статистическими данными**, куда вошли петербургские переписи населения за 1869¹²⁸, 1890¹²⁹, 1900¹³⁰, 1910 годы¹³¹, а также всеобщая перепись населения Российской империи за 1897 год¹³². Эти источники включают сведения о количестве проживавших в Петербурге финляндцах, их районах пребывания, а также о профессиональных занятиях. Переписи XIX века фиксировали численность финляндцев по критерию родного финского языка, а также по сословию – финляндский уроженец. Количество финляндских уроженцев превышало количество финноязычных жителей, так как не все представители ВКФ указывали своим родным языком финский. Кроме указанных переписей к исследованию привлекались данные о преступлениях по Российской империи за 1904¹³³ и 1910 годы¹³⁴, а также статистика проституции за 1889 год¹³⁵. Эти сведения позволяют выявить виды правонарушений, совершенные финляндцами, и уточнить степень их участия в таких деяниях.

Шестой группой источников является **публицистика**, включившая разнообразные очерки современников по финляндской тематике¹³⁶, а также по вопросам городского быта столицы. Значительная часть очерков публиковалась в периодических изданиях разной направленности. Дачная пресса Выборгской губернии на русском языке («Приезжий», «Терийокский

¹²⁸ Санкт-Петербург по переписи 10 декабря 1869 года. СПб., 1872. Вып. 1.

¹²⁹ Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1890 года. СПб., 1891–1892.

¹³⁰ Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1900 года. СПб., 1903–1905. Вып.1.

¹³¹ Петроград по переписи 15 декабря 1910 года. Петроград, 1914.

¹³² Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Город Санкт-Петербург. Под ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1903.

¹³³ Свод статистических сведений о подсудимых, оправданных и осужденных по приговорам общих судебных мест, судебно-мировых установлений и учреждений, образованных по законоположениям 12 июля 1889 года, за 1904 год. СПб., 1907. Ч. 2–3.

¹³⁴ Свод статистических сведений о подсудимых, оправданных и осужденных по приговорам общих судебных мест, судебно-мировых установлений и учреждений... за 1910 год. СПб., 1913. Ч. 1–2.

¹³⁵ Проституция: по обследованию 1-го августа 1889 года // Под ред. А. Дубровского. СПб., 1890.

¹³⁶ *Лялина М.А.* Очерки истории Финляндии. СПб., 1908; *Липранди А.П.* Православный вопрос в Финляндии. Харьков, 1912.

дневник», «Дачная газета» и другие¹³⁷) освещала вопросы загородного отдыха, публиковала местную хронику и объявления. Петербургские («Петербургский листок», «Земщина») и московские издания («Утро России», «Голос Москвы») публиковали сведения о Финляндии, рассуждая о ее месте и положении в составе империи. Похожего принципа придерживались и некоторые иностранные издания – “The Guardian”¹³⁸, “The New York Times”¹³⁹, материалы которых приводятся для сравнения. В работе также использовались журналы сатирической направленности «Сатирикон» и «Будильник», которые отражают сложившееся отношение публики к дачному пребыванию на территории Выборгской губернии. Отдельные номера спортивных изданий «К спорту!»¹⁴⁰, «Русский спорт»¹⁴¹, а также спортивная рубрика «Вечернего времени» содержат информацию об Олимпиаде в Стокгольме, а также о многочисленных совместных русско-финляндских соревнованиях, что помогает дополнить представления о финляндцах. Политический и социоэкономический аспекты взаимоотношений с ВКФ подробно освещаются в работах В. Фирсова¹⁴² и Е. Водовозовой¹⁴³, публиковавшиеся в научно-популярном журнале «Мир Божий». Для авторов Финляндия виделась примером своеобразного культурного и экономического успеха, которому у финляндцев должны учиться остальные части Российской империи, так как еще его не достигли. Быт Петербурга и его окрестностей подробно описывается в работах журналиста А.А. Бахтиярова «Современный Петербург»¹⁴⁴, «Брюхо

¹³⁷ Дачная газета. Общественная и литературная. СПб., 1908; Дачный курьер – газета, журнал, книга. СПб–Териоки. 1908; Приезжий. Выборг, 1912; Северный дачный листок. СПб., 1904; Терийокский дневник. СПб., 1913; Финляндский вестник политики, культуры, промышленности и торговли. СПб., 1909–1910.

¹³⁸ The Guardian. 1906. № 18766.

¹³⁹ The New York Times. 1909. № 18866.

¹⁴⁰ К спорту! 1915. № 10.

¹⁴¹ Русский спорт. 1912. № 30, 33, 38.

¹⁴² Фирсов В. Причины экономических и культурных успехов Финляндии // Мир божий. 1898. № 12. С. 15–30.

¹⁴³ Водовозова Е. Финляндия. Страна и народ // Мир божий. 1892. № 8. С. 4–6; № 9. С. 4–14; № 10. С. 3–28.

¹⁴⁴ Бахтияров А.А. Современный Петербург // Родник. 1903. № 5. С. 21–30.

Петербурга»¹⁴⁵. Автор поэтапно освещает все стороны жизни городского обывателя, обрисовывая его ежедневные действия: покупки, передвижения по городу, а также контакты с представителями различных социальных групп, среди которых встречались приезжие из Финляндии. Бахтиаров приводит ценные сведения о быте и занятиях ингерманландцев, которые постоянно не проживали в городе, но при этом являлись частью его структуры.

Седьмая группа источников включает **справочные издания** Российской империи, представленные памятными книжками по Санкт-Петербургской губернии¹⁴⁶, адресной книгой «Весь Петербург» с 1894 по 1917 годы и справочником по петербургским купцам и предприятиям, выпущенным к 200-летнему юбилею столицы¹⁴⁷. Эти материалы содержат комплексные сведения о жителях столицы и ее пригородов, об общественных и торгово-промышленных учреждениях с их личным составом, о путях сообщения, учебных, религиозных заведениях и обществах и многом другом. Перечисленные данные дают информацию о всех сферах жизни многонационального Петербурга и помогают раскрыть положение финляндцев в нем. Для выявления финляндских уроженцев в составе военных также привлекались списки офицеров Генерального штаба¹⁴⁸ и «Список полковникам по старшинству»¹⁴⁹ за 1912 год.

В данном исследовании также использовались произведения **художественной литературы**, которые запечатлели образ петербургского финляндца, а также отразили черты быта и природы Выборгской губернии. К таким произведениям относится «Дневник провинциала в Петербурге» М.Е. Салтыкова-Щедрина, «Черты из жизни Пепко» Д.Н. Мамина-Сибиряка и

¹⁴⁵ Бахтиаров А.А. Брюхо Петербурга: очерки столичной жизни. СПб., 1994.

¹⁴⁶ Памятная книжка С.-Петербургской губернии на 1900 год. СПб., 1900; Памятная книжка С.-Петербургской губернии на 1905 г. СПб., 1905.

¹⁴⁷ Шустов А.С. Санкт-петербургское купечество и торгово-промышленные предприятия города к 200-летнему юбилею столицы: Ил. альбом. СПб., 1903.

¹⁴⁸ Список Генерального штаба на 1901 год. СПб., 1901; Список Генерального штаба на 1 мая 1913. СПб., 1913.

¹⁴⁹ Список полковникам по старшинству. Сост. по 1-е марта 1912 г. Ч. 1–3. СПб., 1912.

многие стихотворения поэтов начала XX века – С. Черного, В.С. Соловьева, В.Я. Брюсова и других.

Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе и сравнении восприятия Финляндии и ее жителей представителями русского общества в разных, но при этом соседствующих пространствах, на территории которых происходили многие общественные события. Предмет исследования позволяет применить междисциплинарный подход и рассмотреть некоторые проблемы с различных сторон и уточнить устоявшееся представления о жителях ВКФ того времени.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что ее выводы могут быть применены для дальнейшего изучения исторической урбанистики эпохи Нового времени, межкультурных коммуникаций и положения различных этнических групп в городском пространстве, процессов складывания культуры повседневной жизни, а также практик досуга и рекреационных мероприятий с перспективой выведения данных проблем на более широкую тематику формирования гражданского общества.

Практическая значимость диссертации заключается в том, что содержащиеся в ней сведения и выводы могут быть использованы при подготовке общих и специальных курсов по истории России XIX – начала XX веков, посвященные истории повседневности, исторической урбанистике и имагологии. Систематизированные в диссертации факты будут полезны для просветительской краеведческой работы и экскурсионной деятельности в Санкт-Петербурге и Ленинградской области.

Достоверность проведенного исследования определяется широтой источниковой базы, включающей в себя массив ранее неопубликованной делопроизводственной документации различных государственных органов Российской империи и ВКФ, источников личного происхождения, путеводителей по Петербургу и Выборгской губернии российских и зарубежных авторов, а также комплекс справочников по Санкт-Петербургу и материалы периодической печати.

Апробация результатов. Настоящая диссертация прошла обсуждение на кафедре истории России XIX века – начала XX века исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова и была рекомендована к защите.

Основные положения и результаты диссертационного исследования были изложены в 6 публикациях автора общим объемом 3,29 п.л., в том числе в 4 публикациях общим объемом 2,31 п.л. в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова по группе специальностей 5.6 – Исторические науки.

Структура диссертации организована в соответствии с проблемно-хронологическим и географическим принципами. Работа состоит из введения, трех глав, разделенных на параграфы, заключения, списка использованных источников и литературы, а также приложения.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Исследуемый пограничный регион являлся уникальной зоной культурных контактов русских и финляндцев. С одной стороны, фактор границы устанавливал высокий культурный и религиозный барьер для этносов, проживавших по обе стороны. С другой стороны, существование мультикультурного мегаполиса вблизи границы могло нивелировать этот барьер через многовекторное влияние на территорию Выборгской губернии.

2. При переезде финляндцы занимали разное положение в Петербурге. Значительная часть представляла низшие и средние слои, которые были заняты в сфере услуг и в ремесленных профессиях (в ювелирном и портняжном деле, обработке металлов). Неквалифицированным трудом и мелкой торговлей занимались финляндцы-ингерманландцы из окрестностей столицы, чье присутствие в городе не было постоянным. Меньшую долю приезжих из Финляндии составляли военные и крупные предприниматели, родным языком которых зачастую был не финский, а шведский.

3. В пространстве столичного города для петербуржцев были наиболее заметны рядовые финляндцы, с которыми они практически ежедневно контактировали по бытовым вопросам (рыночная торговля, транспортные

перемещения, сфера услуг). Самыми «финляндскими» районами Петербурга в представлении современников являлись Выборгская сторона и Финляндский вокзал, а также центр города – приходы лютеранских церквей. В то же время выходцы из ВКФ проживали и в других частях столицы и не были закрыты от городского сообщества. Зачастую в понимании петербуржцев не делалось различий между рядовыми приезжими из ВКФ и крестьянами-ингерманландцами, поэтому они идентифицировались как одна группа и именовались «чухонцами».

4. На рубеже XIX–XX веков интерес к Выборгской губернии в качестве дачного и экскурсионного направления среди представителей русского общества заметно возрос. С 1880-х годов в места Новокирхского прихода началось проникновение обеспеченной петербургской публики, что подтверждается масштабом дачных построек того времени. Постепенно практики дачного отдыха все более упрощались и становились массово доступным явлением для разных слоев общества. Символами дачного и экскурсионного отдыха на этой территории стали селение Терийоки численностью более 70 тысяч человек, а также популярный водопад Иматра. Приток русских туристов способствовал развитию финляндского Выборга, который к началу XX века стал восприниматься образцовым европейским городом.

5. Восприятие Выборгской губернии среди русского общества трансформировалось вместе с общественно-политическими событиями в Российской империи. Эта территория представлялась не только как место отдыха и знакомства с другой культурой, но также как место возможного заработка или укрытия, что являлось целью для некоторых русских приезжих. Представления об укладе жизни и самих жителях ВКФ были двойственными: приезжие восхищались вежливостью и дисциплинированностью местных жителей, но в то же время такая педантичность могла и претить путешественникам и дачникам. Переезжая через границу, русская публика изучала финляндскую местность, обычаи и самих жителей с большим

вниманием и интересом, чем это могло произойти в домашней среде Петербурга. Пересечение границы открывало новое пространство, что обостряло восприятие всего окружающего.

Глава 1. Финляндия и финляндцы: пространственный, этнический, культурный факторы изучения.

§ 1. От Санкт-Петербурга до Выборга.

Санкт-Петербург и территория Выборгской губернии имеют давнюю историю взаимоотношений. Активизация русско-финских связей на этих землях началась в начале XVIII века с подписанием Ништадтского мирного договора. Согласно ему, Карельский перешеек присоединялся к территории Российской империи, становился Выборгской провинцией Санкт-Петербургской губернии, а затем и Выборгской губернией с центром в Выборге («Старая Финляндия»)¹⁵⁰. Присоединенные земли преимущественно сохранили прежние шведские законы: правовые нормы, принцип регионального управления, виды налогов¹⁵¹. При этом усиливалось и русское влияние, которое отражалось в активном переселении русскоязычного населения на эти территории, подаренные Петром I своим приближенным и военачальникам в благодарность за ратные заслуги¹⁵². Жителями новых деревень на Карельском перешейке стали крестьяне из Ярославской, Костромской, Московской, Тульской и Орловской губерний¹⁵³, принесшие с собой новые порядки и традиции, ранее неизвестные местному населению Выборгской губернии. Объединение «Старой и Новой Финляндии», предпринятое императором Александром I в конце 1811 года, позволило региону культурно переориентироваться на Финляндию, при этом не разрывая сложившихся за предыдущие 100 лет связей со столичным Петербургом и регионами империи.

¹⁵⁰ Исторический очерк Русская Райвола XIX – начала XX века // Русская Райвола XIX – начала XX века: сб. документов / Сост. А.Г. Румянцев. СПб., 2015. С. 8.

¹⁵¹ *Пааскоски Ю.* Жалованные земли на территории Старой Финляндии 1710–1812 // Русский Сборник: исследования по истории России. Т. XVII: Финляндия и Россия. М., 2015. С. 86.

¹⁵² *Балашов Е.А.* Карельский перешеек – земля неизведанная. СПб., 1998. С. 24.

¹⁵³ *Baschmakoff N., Leinonen M.* Russian life in Finland 1917–1939 // *Studia Slavica Finlandensia*. Т. XVIII. Helsinki, 2001. P. 20.

Значительную роль в укреплении русско-финских отношений на территории Выборгской губернии сыграло открытие в 1870 году железной дороги Санкт-Петербург – Рийхимяки. Строительство новой железнодорожной ветки несло выгоду для российской и финляндской сторон. С одной стороны, финляндская железнодорожная линия помогла плотнее связать Великое княжество Финляндское со столицей империи¹⁵⁴, с другой – смогла обеспечить рабочими местами около 12 тысяч финнов, которые массово стекались на Карельский перешеек в поисках работы из-за голода в 1868–1870 годах¹⁵⁵. С появлением новой железной дороги значительно увеличилась скорость перемещений, что позволило преодолевать расстояние между Санкт-Петербургом и Выборгом примерно за 4 часа¹⁵⁶. Росло не только количество товаров, перевозимых по железной дороге, но также и число бытовых поездок горожан. Процесс активного проникновения русских приезжих в этот регион привел к увеличению объема и интенсивности контактов между русским и местным финляндским населением.

Если говорить о поездках финляндцев в сторону столичного Петербурга, то их количество значительно увеличилось во второй половине XIX века – во время роста промышленности, развития транспорта и улучшения уровня жизни имперской столицы. В 60–80-е годы XIX века Санкт-Петербург переживал бурный рост: постоянно увеличивавшееся число фабрик, заводов и обслуживающих предприятий порождало спрос на новую рабочую силу, который удовлетворялся предложениями среди приезжих, стремившихся к поиску благополучия. Подобная ситуация сохранялась в Петербурге и на рубеже XIX–XX веков, чему способствовал новый виток городского развития. «На нашей памяти появились первые кинематографы, граммофоны, аэропланы. Мы были одними из первых пассажиров трамвая, автомобиля.

¹⁵⁴ *Востров А.В.* Финляндская железная дорога в 1870–1917 гг. как нереализованный фактор сближения двух столиц // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Выборг, 2016. № 17. С. 29; *Кяхенен Э.* Прежние Терийоки. Коуволла, 1982.

¹⁵⁵ *Балашов Е.А.* Карельский перешеек – земля неизведанная. СПб., 1998. С. 31.

¹⁵⁶ Путеводитель по Финляндии под ред. Карелина. СПб., 1911. С. 40.

Быстро рос капиталистический город, приобретая европеизированный, все еще более строгий стройный вид», – вспоминали его старожилы¹⁵⁷. Столица империи урбанизовалась и становилась все более привлекательной для проживания многих жителей соседних территорий, в том числе – для выходцев пограничной Выборгской губернии, входившей в состав Великого княжества Финляндского. В большинстве случаев финляндцы рассматривали переезд в Петербург для поиска работы или получения образования – чаще всего в военном или ювелирном деле – с целью продолжения карьерного пути. О занятиях выходцев из ВКФ подробнее речь пойдет во второй главе, однако стоит отметить разнообразие сфер: ремесленные профессии, транспортные услуги, производство ювелирных изделий, торговля, услужение и др.¹⁵⁸ Кроме экономических выгод, Петербург притягивал приезжих своим колоритом, необычной атмосферой и масштабностью, которой на территории Финляндии не встречалось. По мнению финского историка Т. Вихавайнена, финляндцев в столичном городе поражала концентрация людей, размеры зданий, вокзалы, огромные мосты через реки, а человеческая сутолока широких улиц трепала и возбуждала нервы¹⁵⁹. Интенсивные миграционные процессы последней четверти XIX века сделали возможным развитие Санкт-Петербурга в качестве «второго финского города» после Гельсингфорса¹⁶⁰.

В это же время транспортная мобильность, привнесенная финляндской железной дорогой, разрастание столичного города и увлечение туризмом простимулировали встречный процесс – перемещения столичного населения на территорию Выборгской губернии.

В 1880–1890-х годах популярность выборгских местечек среди приезжих все более увеличивалась из-за условий, сложившихся в столичном мегаполисе.

¹⁵⁷ Засосов Д.А., Пызин В.И. Из жизни Петербурга 1890–1910-х годов. Л., 1991. С. 1.

¹⁵⁸ Юхнева Н.В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга: вторая половина XIX – начало XX века. Статистический анализ. Л., 1984. С. 173–175.

¹⁵⁹ Вихавайнен Т. Столетия соседства. Размышления о финско-русской границе. СПб., 2012. С. 58.

¹⁶⁰ В 1880 г. в Гельсингфорсе проживало 38 700 финских жителей, в Петербурге – 24 400, в Або – 21 500 (Энгман М. Финляндцы в Петербурге. СПб., 2005. С. 144).

В эти годы население Санкт-Петербурга заметно выросло и подбиралось к цифре 1,3 млн. человек¹⁶¹, что не могло не сказаться на бытовой жизни петербуржцев. Газеты сообщали о тесноте и духоте¹⁶², развивавшихся в столице империи; отмечалось, что количество отходов на единицу площади в Петербурге многократно превышало способность почвы и воды к естественному самоочищению¹⁶³. Такая дискуссия стала особенно актуальна, так как европейская медицина напрямую связала загрязнение пространства с развитием опасных заболеваний (оспы, туберкулеза, холеры и др.), от чего петербуржцы старались сбежать. Например, в 1892 году, когда в городе фиксировалась эпидемия холеры, семьи, спасаясь от неё, перебирались в ближайšie деревни на Карельском перешейке¹⁶⁴. По наблюдениям О.Ю. Малиновой-Тзиафеты, с 1870-х годов также набирала обороты полемика о лечении нервных расстройств посредством путешествий и выездов на дачный отдых¹⁶⁵, что среди широкой публики воспринималось как обязательное принятие к действию. Кроме того, освоение новых дачных местностей стимулировалось экономическим фактором, а именно наличием «городского квартирного кризиса»¹⁶⁶ в Санкт-Петербурге, который делал цены на жильё в столице очень высокими. Эта ситуация заставляла многих дачников оставаться не только на лето, но и на зиму¹⁶⁷, ещё плотнее укрепляя контакты Выборгской губернии со столицей империи. Центрами дачной жизни русских приезжих Выборгской губернии стали многочисленные поселения вдоль

¹⁶¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года / Под ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1897–1905. Вып. 3. С. 8.

¹⁶² Дачная газета. Общественная и литературная. 1908. № 4. С. 3.

¹⁶³ Малинова-Тзиафета О.Ю. Из города на дачу. СПб., 2013. С. 74.

¹⁶⁴ Рахикайнен А. Дочь города: Эдит Сёдергран //Размышляющий пейзаж: Русская Финляндия и финский Петербург. СПб., 2017. С. 173.

¹⁶⁵ Малинова-Тзиафета О.Ю. Из города на дачу. СПб., 2013. С. 74.

¹⁶⁶ Северный дачный листок. 1904. № 7. С. 2.

¹⁶⁷ Грэнхаген К. Спутник по Финляндии 1899–1914. СПб., 1914. С. 34.

финляндской магистрали – Куоккала, Келломяки, Терийоки, Мустамяки¹⁶⁸ и другие.

Другую часть путешествий русского населения на территорию ВКФ составляли экскурсии и туристические поездки. Этот вид поездок уже был меньше связан с отдыхом или лечением и, скорее, мог быть представлен как познавательный туризм. Путешественники получали возможность удовлетворить свою любознательность через знакомство с историей и обычаями местного края, его населением, а также с городскими и природными достопримечательностями. Для русских путешественников Финляндия являлась одним из популярных туристических направлений, которое позволяло посмотреть столичный Гельсингфорс, западный и более шведский Або, а также соседнюю к Петербургу Выборгскую губернию.

В Выборг первые путешественники стали приезжать в первой половине XIX века, когда начала складываться необходимая для этого туристическая инфраструктура: гостиницы и места питания¹⁶⁹. Для приезжих Выборг был особенным местом – первым городом ВКФ, его «витриной», где закладывалось представление о крае¹⁷⁰. К последней трети XIX века туристические направления вышли за пределы Выборга и распространились на природные достопримечательности окрестностей. Так, водопад Иматра пользовался особой популярностью среди путешественников, и, по мнению исследователя Г.С. Усыскина, именно с него началось развитие туристического бизнеса в России. В 1871 году было учреждено «Акционерное общество Иматры», которое ставило своей целью перевозку туристов между Выборгом и

¹⁶⁸ Балашов Е.А. Русские усадьбы на Карельском перешейке // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы четвертой ежегодной международной научной конференции. СПб., 2003. С. 225.

¹⁶⁹ Волкова Л., Федорова М. Из истории развития туризма и экскурсионных услуг в Выборге за два последних века // Инновационные процессы как интегрирующий фактор развития туризма. Выборг, 2014. С. 176.

¹⁷⁰ Шикалов Ю.Г. Тихий уголок: Финляндия для российских туристов по описаниям путеводителей конца XIX – начала XX в. // Альманах Североевропейских и Балтийских исследований. 2017. № 2. С. 306.

водопадом, размещение их в гостинице и предоставление питания¹⁷¹. Природные маршруты Финляндии встречались и в программе Общества велосипедистов-туристов, учрежденного в 1895 году в Петербурге (впоследствии ставшим Российским обществом туристов). С конца XIX века этим обществом прокладывались маршруты через Белоостров, а к 1912 году Финляндия уже вошла в постоянный и разработанный маршрут: Москва – Петербург – Выборг – Сайменский канал – оз. Сайма – поездки по озеру и на Иматру – Гельсингфорс – Ганге – Або – Петербург¹⁷².

Что касается туристических экскурсий в образовательных целях, то педагоги учебных заведений Российской империи стали уделять им внимание на рубеже XIX–XX веков. Экскурсии позволяли отойти от теоретического характера получения знаний и способствовали наглядному знакомству обучающихся с новыми территориями, традициями и культурой. Например, Финляндия являлась одним из направлений путешествий девушек, обучавшихся на Бестужевских женских курсах: в 1911 году они не просто посетили известные экскурсионные места, но и отпраздновали Новый год в Финляндии, что способствовало поддержанию русско-финских связей в этом регионе¹⁷³. Посещали достопримечательности Выборга и его окрестностей обучающиеся не только столицы, но и других регионов империи. Так, в июне 1912 года воспитанники Нижегородского дворянского института императора Александра II побывали в Выборге, Вильманстранде, на Сайме и Иматре, о чем подробно написали в своих докладах¹⁷⁴.

Туристический и дачный бум в Выборе и его окрестностях достиг пика к 1900-м годам, о чем свидетельствовало возросшее количество изданий дачной

¹⁷¹ Усыскин Г.С. Очерки истории российского туризма. СПб., 2000. С. 24.

¹⁷² Долженко Г.П. История туризма в дореволюционной России и СССР. Ростов, 1988. С. 44.

¹⁷³ Вахромеева О.Б. Экскурсия бестужевок по Волге, 1908 г. // Мир экскурсий. СПб., 2008. № 5. С. 49.

¹⁷⁴ Отчет о состоянии нижегородского дворянского института императора Александра II за 1911–1912. Нижний Новгород, 1912.

прессы¹⁷⁵, путеводителей и справочников по Финляндии¹⁷⁶. Поездки в ВКФ становились предметом сатиры во многих газетных статьях в разные периоды времени: высмеивалось бегство из Петербурга на летний сезон¹⁷⁷, сложности с поиском дачи¹⁷⁸, а также общая дороговизна жизни в Финляндии¹⁷⁹.

Еще одним мотивом финляндских путешествий стоит назвать культурно-эстетический аспект. На этот фактор наложился и общий налет эпохи Серебряного века, «fin de siècle» – время постоянных поисков нового, беспокойства и метаний, связанных с осознанием наступления беспокойного и переходного времени¹⁸⁰. Отчасти для современников этим новым ощущением и становилась Финляндия, своеобразная «полузаграница», территория которой воспринималась «свободной по определению», «поистине демократичной»¹⁸¹. Воспевателями финляндской вольности и простоты стала творческая интеллигенция страны: многие поэты, писатели, художники, ученые, деятели культуры находили уединение на территории ВКФ. Поток приезжих был достаточно большим особенно в летние сезоны, что приводило к складыванию определенных культурных центров в дачных местностях «русской» Финляндии¹⁸². Новые ощущения этой части общества образно передал Осип Мандельштам: «Финляндией дышал дореволюционный Петербург, от Владимира Соловьева до Блока, пересыпая в ладонях ее песок и

¹⁷⁵ Северный дачный листок. СПб., 1904; Дачная газета. Общественная и литературная. СПб., 1908; Дачный курьер – газета, журнал, книга. СПб–Териоки, 1908; Приезжий. Выборг, 1912; Терийокский дневник. СПб., 1913.

¹⁷⁶ План и путеводитель в Териоках. Гельсингфорс, 1902; *Maccallum Scott A.* Throught Finland to St. Petersburg. London, 1908; *Москвич Г.* Иллюстрированный практический путеводитель по Финляндии. Одесса, 1909; Путеводитель по Финляндии под ред. Карелина. СПб., 1911; Каунис и Тойвола». Имена инженера путей сообщения Орловского В.К. СПб., 1913; *Грэнхаген К.Б.* Спутник по Финляндии 1899–1914. СПб., 1914; *Гейкель С. М.* Как путешествовать по Финляндии? Железнодорожные и пароходные расписания, маршруты, советы для туристов, объявления первоклассных магазинов и гостиниц и пр. Выборг, 1914; *Саклин Т.* Путеводитель по Выборгу и окрестностям. Выборг, 1915.

¹⁷⁷ Сатирикон. 1908. № 23. С. 6.

¹⁷⁸ Сатирикон. 1910. № 17. С. 4.

¹⁷⁹ Сатирикон. 1917. № 34. С. 7.

¹⁸⁰ Очерки русской культуры. Конец XIX–XX века. М., 2011. Т. 1. С. 6.

¹⁸¹ *Куприн А.И.* Собрание сочинений в 9 томах. М., 1964. Т. 9. С. 150.

¹⁸² *Кустов В.М.* «Русская Финляндия»: встреча культур между Западом и Востоком // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Выборг, 2016. № 2. С. 53.

растирая на гранитном лбу легкий финский снежок, в тяжелом бреде своем слушая бубенцы низкорослых финских лошадок. Я всегда смутно чувствовал особенное значение Финляндии для петербуржца, и что сюда ездили додумать то, чего нельзя было додумать в Петербурге»¹⁸³. Подобное восхищение или недовольство финляндскими местечками среди творческой элиты, тиражируемое в изданиях, подогревало интерес к этой территории для других слоев населения столичного города и его окрестностей.

Описанное географическое пространство между двумя городами – от Санкт-Петербурга до Выборга – неизбежно повлечет за собой объяснение аспектов локальной истории, истории города, а также понятия «пространство».

В контексте данной работы понятие «пространство» трактуется как историческое пространство, то есть взаимодействие социального пространства с географическим применительно к прошлому¹⁸⁴. Географическое пространство (от Санкт-Петербурга до Выборга) помогает обозначить рамки социального взаимодействия (финляндское и русское население), которое и будет анализироваться в этой работе. Такой подход позволяет использовать понятия города и местности (например, дорога, район, граница и т.д.) не только как географические единицы, но и как социокультурные составляющие, существующие в сознании людей и связанные с определенными событиями их жизни.

Из заданного значения пространства складывается определенный локус для изучения, что позволяет рассматривать данное исследование в контексте локальной истории. Однако вопрос содержания и применения методов локальной истории среди исследователей остается дискуссионным. Так, И.М. Савельева и А.В. Полетаев понимают одну из разновидностей локальной истории как историю «малой родины» (области или города), которая тесно переплетается с краеведением и обеспечивает фундамент для исторической

¹⁸³ *Мандельштам О.Э.* Шум времени. М., 2016. С. 136–137.

¹⁸⁴ *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Теория исторического знания. СПб., 2008. С. 160.

памяти жителей соответствующей местности¹⁸⁵. При таком подходе к предмету локальной истории географическое пространство ставится на первое место, чтобы «задать рамки предмету истории»¹⁸⁶. Другого мнения придерживался С.И. Маловичко, отмечая, что в современном историческом знании отсутствует четкое представление о содержании таких понятий как «историческое краеведение», «локальная история» и «региональная история»¹⁸⁷. Исследователь указывал, что «культурные повороты» историографии последних лет позволили сформироваться новой географии, которая обратила внимание не на политические и естественные границы, а на отличительные внутренние черты пространственных областей и на социальные институты. В этом ключе С.И. Маловичко предлагал использовать концепцию **новой** локальной истории, в которой интерес к актуальному социокультурному пространству первичен, а вопрос изучения заранее не определен географическими рамками¹⁸⁸. Более гибко на аспекты локальной истории смотрят А.В. Ремнев и С.А. Гомаюнов, считая, что регион возникает как результат специфической исторической деятельности людей, которые этот регион формируют. При этом границы региона могут быть динамичными¹⁸⁹ и пластичными – покидая свой регион, группы людей воспроизводят основные элементы образа жизни своей «земли» уже на новой территории¹⁹⁰.

В рамках данной работы уместно использовать тезис о пластичности границ региона, так как при перемещении русских и финляндцев вместе с ними на новые территории привносились части их жизненного уклада, что

¹⁸⁵ Савельева И.М., Полетаев А.В. Теория исторического знания. СПб., 2008. С. 193.

¹⁸⁶ Там же. С. 164.

¹⁸⁷ Маловичко С.И. Локальная история и историческое краеведение: проблема определения дисциплинарного статуса // Методология и методы изучения региональной истории: Центральное Поволжье в глокализационном измерении. Казань, 2016. С. 3.

¹⁸⁸ Маловичко С.И. Историография после "культурного поворота": пространственный подход и новая локальная история // Новая локальная история: по следам интернет-конференций. 2007–2014. Ставрополь, 2014. С. 30.

¹⁸⁹ Ремнев А.В. Региональный нарратив в новой имперской истории России // Вестник Омского университета. 2004. № 4. С. 9.

¹⁹⁰ Гомаюнов С.А. Местная история: проблемы методологии // Вопросы истории. 1996. № 9. С. 161.

расширяло периметр их «домашних регионов». При этом полностью отказаться от географических рамок не представляется возможным по нескольким причинам. Во-первых, географическое обозначение важно ввиду привязки описываемых явлений к финляндской железной дороге, которая физически связала два полюса – русский Петербург и финляндский Выборг, тем самым уже заложив определенный географический контур. Во-вторых, изначальная фиксация географического пространства помогает четче обозначить область контактов русского населения и множества финских народностей (например, активные связи также отмечались на территориях северного Приладожья, но в работе они не рассматриваются).

Пространство описанного региона обозначается двумя городами, на территории которых русско-финляндские связи раскрывались по-своему. Само по себе понятие города очень многогранно и может рассматриваться с нескольких сторон. Город может представляться как место проживания населения; как место интенсивных социально-культурных взаимодействий его жителей; как символ национальной или групповой идентичности; как центр репрезентации власти; как сложное пространство – экономическое, моральное, социальное и политическое¹⁹¹ и т.д. В связи с разнообразием существующих трактовок понятия «город» уместно применить общее определение, данное французским социологом и философом А. Лефевром, и наиболее подходящее для контекста этой работы: «Город является обустроенным и оформленным пространством, полным разнообразной социальной деятельности, которая произведена природой или обществом»¹⁹².

Пространство в городе работает не только с «внешней» стороны, но и с «внутренней»: оно структурирует социальные отношения в нем¹⁹³. Жители столичного Петербурга сталкивались с разным форматом общения и поведения в центре города и на его окраине, на вокзале, в театре или в любом

¹⁹¹ Культуры городов российской империи на рубеже XIX–XX веков / Сост. Б.И. Колоницкий, М.Д. Стейнберг. СПб., 2009. С. 8–9.

¹⁹² *Лефевр А.* Производство пространства. М., 2015. С. 111.

¹⁹³ *Терборн Й.* Города власти. Город, нация, народ, глобальность. М., 2021. С. 23.

другом общественном месте. Город был живым и разносторонним для его обитателей, местных или приезжих, – какие-то места посещались чаще и становились «своими» улицами, районами, своими пространствами¹⁹⁴. Эти территориальные единицы формировали определённый образ места для каждого жителя. Такой образ был индивидуальным, он выстраивался не сам по себе, а в отношении к окружению, к связанным с ним цепочкам событий, к памяти о прежнем опыте¹⁹⁵.

В контексте русско-финляндских отношений Петербург рассматривается в качестве сложного пространства, которое включает в себя разнообразные сферы контактов. В пространстве экономическом в центре внимания оказываются рабочие и торговые связи русских и финляндцев (профессии, крупные и малые финские предприятия). В пространстве социальном находится общение приезжих финляндцев со своими земляками, другими иностранцами города, а также местными русскими жителями. Финляндские мероприятия в городе, праздники, быт и различные организации показывают культурное пространство, из которого выделяется пространство этническое – определенные анклавы проживания и настроения финляндского населения в Петербурге. Такие множественные общественные связи позволяют взглянуть на столичный Петербург как на живой социальный организм¹⁹⁶, который является «местом встречи разнообразных культур в прошлом, настоящем и будущем»¹⁹⁷.

При главенстве города не стоит забывать про окрестности, так как отчасти они сформировались вследствие его влияния и притяжения. Дачные местности по финляндской железной дороге также относятся к этой категории: они не только возникли благодаря росту столичного Петербурга, но и со временем

¹⁹⁴ Семиотика города и городской культуры: Петербург // Труды по знаковым системам. Т. XVIII // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1984. С. 41.

¹⁹⁵ Линч К. Образ города. М., 1982. С. 15.

¹⁹⁶ Органическая теория города получила свое развитие в 1910-х годах (Ревзин Г.И. Как устроен город. М., 2019. С. 13).

¹⁹⁷ Анциферов Н.П. Город как выразитель сменяющихся культур. Картины и характеристики. Л., 1926. С. 18.

соединили в себе «счастливую свободу» деревенской жизни и нормы столицы¹⁹⁸. Совместное исследование дачной жизни и города поможет разобрать еще одну категорию пространства – эстетическое пространство¹⁹⁹, которое связано с общим культурным настроением эпохи и с природным ландшафтом, окружавшим дачного жителя.

Таким образом, в данной работе складываются три уровня пространства, которые будут анализироваться – пространство Петербурга и Выборга, их ближайших окрестностей, а также пространство между ними.

§ 2. Этническое многообразие финнов и финляндцев.

Для того чтобы продолжить рассмотрение русско-финляндских связей Петербурга и Выборгской губернии рубежа XIX–XX веков, требуется внести некоторые пояснения об этническом составе финляндского населения. Этот вопрос не является центральным, однако его освещение поможет четче обозначить типы финских народностей, изучаемые в данном исследовании.

Финские народности Санкт-Петербурга и его окрестностей можно разделить на несколько этнических групп. К первой исследователи относят аборигенное финноязычное православное население, предки которого поселились на этой территории до прихода славян – воль, ижору, карел²⁰⁰. Эти племена проживали на Ижорской и Водской землях, позже ставших частью Новгородской республики и Великого княжества Московского, что повлекло за собой появление на этой территории выходцев из русских областей²⁰¹.

Положение этого региона снова изменилось в начале XVII века с заключением Столбовского мирного договора, по которому данные территории перешли к Швеции, и стали именоваться Ингерманландией или Ингрией²⁰². Шведские власти стали активно осваивать этот край, что привело

¹⁹⁸ Лотман Ю.М. Камень и трава // Лотмановский сборник. М., 1995. Т. 1. С. 83.

¹⁹⁹ Деотто П. Дачная традиция в Серебряном веке // Петербург – столица русской культуры П. Salerno: Europa Orientalis, 2004. С. 337.

²⁰⁰ Многонациональный Петербург: история, религия, народы. СПб., 2002. С. 75.

²⁰¹ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XIII. СПб., 1894. С. 53.

²⁰² Мусаев В.И. Политическая история Ингерманландии в конце XIX–XX веков. СПб., 2004. С. 14.

к складыванию второй этнической группы – переселенцев XVII века, представленных крестьянами-лютеранами восточной Финляндии. Эта группа состояла из финнов-эвримейсов из прихода Эуряпяя на Карельском перешейке и финнов-савакот с земель Саво в восточной Финляндии²⁰³. Эвримейсы поселились подальше от шведского города Ниена²⁰⁴, на южном берегу Финского залива за Стрельной, а также на окраине губернии вблизи Тосно и Вырицы; савакоты же расположились ближе к будущему Петербургу, по обоим берегам Невы, в окрестностях Токсово и Всеволожска²⁰⁵. Приход финских переселенцев повлиял на коренные народности: карелы покинули этот регион и ушли на север, на границу с Карелией и в верховья Волги; воль и ижора были вынуждены уживаться с новыми соседями, постепенно смешиваясь с ними. Финские переселенцы и остатки местного населения вскоре стали именоваться «ингерманландцами», «ингерманландскими финнами», а после 1721 года – «петербургскими финнами»²⁰⁶ – за их постоянное участие в жизни столичного города (от первых этапов строительства до оказания различных бытовых и торговых услуг его жителям). При этом петербургскими финнами обозначались и финны, непосредственно проживавшие в столичном Петербурге. В культурном и этническом аспектах ингерманландцы представляли сложный случай: они сохраняли культурные связи и религию праотеческого этноса, но при этом существовали в реалиях Российской империи, среди русского православного населения и вблизи многонационального мегаполиса²⁰⁷.

Третью группу финских народностей представляют финны Финляндии, которые начали активно переселяться в Петербург с окончанием Северной

²⁰³ Народы Европейской части СССР. Под ред. В.Н. Белицер, Н.И. Воробьева. М., 1964. Т. 2. С. 312.

²⁰⁴ Шведский город, основанный в 1611 году, на территории которого позже был построен Санкт-Петербург.

²⁰⁵ *Спивак Д.Л.* Северная столица. Метафизика Петербурга. СПб., 1998. С. 39

²⁰⁶ Многонациональный Петербург: история, религия, народы. СПб., 2002. С. 76.

²⁰⁷ *Кокко В.А.* Тенденции развития национального движения ингерманландских финнов // Этнография Петербурга – Ленинграда: тридцать лет изучения. 1974–2004. СПб., 2004. С. 272.

войны. После присоединения Финляндии в 1809 году финны в официальных документах стали именоваться «финляндскими уроженцами». Финны ВКФ также не были однородны: современники выделяли западных финнов-тавастов, «угрюмых и мрачных по природе», и восточных финнов-карел, «живых и подвижных»²⁰⁸. По замечанию М. Лескинен, разделение финнов на два племени было заимствовано русскими авторами у шведского писателя и поэта Захариаса Топелиуса, который считал, что «настоящий» финн отражает двойственность этнической природы, представляя собой нечто среднее между тавастом и карелом²⁰⁹. При этом в группу финляндских уроженцев могут быть отнесены шведоязычные финны и финноязычные шведы, которые являлись подданными Великого княжества Финляндского и проживали на его территории. Исследователи отмечают сложность идентификации этнических финнов и шведов этого региона по причине отсутствия однозначного критерия, который можно было бы применить к любому периоду времени в истории этих национальностей²¹⁰.

Разнообразие финских народностей, проживавших в Петербурге и его окрестностях в XIX веке, накладывает определенные сложности в отношении изучения их внутренних и внешних связей. Каждая из указанных финских общностей имела свою систему ценностей, самосознания и идентификацию в целом, что отражалось на их отношениях с остальными жителями этих территорий – русскими и другими этносами. Подробно проанализировать отношениями между всеми описанными типами не представляется возможным, поэтому особое внимание уделяется двум самым многочисленным группам в пространстве столицы, окрестностей и Выборгской губернии – финляндцам с территории ВКФ (финнам,

²⁰⁸ Руднев Я.И. Русская земля. Т. 2. Финляндия, Озерная область и Прибалтийский край. М., 1904. С. 55.

²⁰⁹ Лескинен М. Поляки и финны в российской науке второй половины XIX века: «Другой» сквозь призму идентичности. М., 2010. С. 260.

²¹⁰ Энгман М. Финляндцы в Петербурге. СПб., 2005. С. 25; Эмрих С. Хенрик Якоб Мелин, учитель-швед в немецкой школе // Невский архив. Вып. 5. СПб., 2001. С. 371.

шведоязычным финнам и финноязычным шведам), а также ингерманландцам в целом.

§ 3. Особенности терминологии идентификации.

Этническое многообразие Петербурга и его окрестностей рубежа XIX – XX веков, множественные контакты с различными народностями усложняли национальную картину города в сознании местных жителей. Личные ощущения позволяли современникам воспринимать и даже именовать одну и ту же национальную группу по-разному, что могло приводить к определенной путанице в идентификации. Вероятно, в восприятии рядовых петербуржцев многое было перемешано: часть представляла финляндцев в политическом контексте, обращая внимание на их автономное положение и отдельную валюту, другая же половина понимала их национальность как другую, противоположную этничность, которая обладала своей культурой и историческими традициями²¹¹. При анализе идентификации политический и этнический аспекты нации не разделяются, так как в работе рассматриваются жители Петербурга в целом.

В источниках встречались следующие наименования выходцев из ВКФ: «финляндцы», «финны», «чухонцы» или «маймисты». Наиболее общим является термин «финляндец» – понятие, которое несет пространственное значение и обозначает человека из Финляндии (жителя, гражданина) независимо от языка и этнической принадлежности. По мнению финского историка М. Энгмана, термин появился в Петербурге как обобщающее понятие для всех, кто имел какое-либо отношение к Финляндии²¹². Скорее, это случилось по причине того, что для столичных жителей выходцы из ВКФ не имели единой идентификации – источники интерпретировали приезжих по-разному. Например, в воспоминаниях петербуржцев личные контакты (в

²¹¹ Концепция политической и этнической нации рассматривается в работах В.А. Тишкова (*Тишков В.А. Нация, национализм и нациестроительство // Россия в глобальной политике. М., 2021. № 2; Тишков В.А. И русский, и российский // Вестник российской нации. М., 2009. № 2*).

²¹² *Энгман М. Финляндцы в Петербурге. СПб., 2005. С. 24.*

торговле, на финляндских пароходах и финляндской железной дороге) были связаны с «финнами»²¹³, но не с «финляндцами». Однако в данном контексте употребление понятия «финн» является не совсем точным, так как среди этих категорий могли встречаться не только этнические финны, но и финноязычные шведы. Допускалось и употребление сразу двух обозначений – «финн» и «финляндец», которые, вероятно, являлись для современников синонимичными²¹⁴. Данные статистики также не имели четкого разграничения относительно приезжих из Финляндии. При распределении по сословиям этнический состав выходцев из Великого княжества не отражался, и их определяли как «финляндских уроженцев и их семьи». Случались и широкие обобщения финнов Финляндии с другими финскими народностями, проживавшими в разных регионах Российской империи: «финские племена – финны, эсты, ижорцы»²¹⁵ и «финские народности – эсты, финляндцы, мордва, черемисы, зыряне, корелы»²¹⁶. В такой ситуации использование термина «финляндец» кажется более уместным, так как он является наиболее полным для определения приезжих из Финляндии, позволяя избежать неточных формулировок в отношении национальностей этого региона.

При этом русское население в отношении выходцев из Финляндии довольно часто употребляло понятие «чухонец», «чухна» или «чудь». Однако однозначная трактовка отсутствовала: В.И. Даль под чухной понимал «уроженцев Выборгской губернии»²¹⁷; словарь Брокгауза и Ефрона толковал чухонцев как «народное название финских племен карельского происхождения, живущих в окрестностях Петербурга»²¹⁸; петербуржцы же

²¹³ Засосов Д.А., Пызин В.И. Из жизни Петербурга 1890–1910-х годов. Л., 1991; Пискарев П.А., Урлаб Л.Л. Старый милый Петербург. СПб., 2007; Григорьев М.А. Петербург 1910-х годов. Прогулки в прошлое. СПб., 2005 и др.

²¹⁴ Дершау Ф.К. Финляндия и финляндцы. СПб., 1842.

²¹⁵ Памятная книжка Санкт-Петербургской губернии на 1905 г. СПб., 1905. С. 66.

²¹⁶ Свод статистических сведений о подсудимых, оправданных и осужденных по приговорам общих судебных мест, судебно-мировых установлений и учреждений, образованных по законоположениям 12 июля 1889 года, за 1910 год. СПб., 1913. С. 52.

²¹⁷ Даль В.И. Чухонцы в Питере // Собрание Вольфа. Сочинения Даля. СПб., 1883 Т. 4. С. 361.

²¹⁸ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1903. Т. XXXIX. С. 67.

воспринимали чухонцев в качестве местных, не всегда благополучных крестьян из пригородов столицы²¹⁹. Сложность в интерпретации обозначения «чухна» отмечают некоторые исследователи, указывая, что понятие имело уничижительный негативный оттенок в отношении финского населения²²⁰. Например, на страницах российской прессы в периоды политических обострений русско-финских отношений встречалось пренебрежительное именование ВКФ как «Чухляндии»²²¹ или сравнение финнов Финляндии с чухной:

«В Государственном совете
Спор про финские дела...
Про чухонскую “культуру”
Про чухонские “права”»²²².

Кого же все-таки современники понимали под «чухонцем»? Обобщая вышеуказанные трактовки, к этому термину наиболее вероятно можно отнести жителей окрестностей Петербурга, то есть ингерманландцев. Именно они были тесно связаны с городом территориально, из-за чего складывалось ощущение их «местности»; основным видом деятельности ингерманландцев-чухон был крестьянский труд, продукты которого они сбывали в Петербурге. Безусловно, к этой категории могли быть причислены и другие национальные общности (например, эстонцы), разнообразие которых вызывало путаницу у местных жителей и приводило к неточностям в идентификации.

Наряду с «чухонцами» употреблялось еще менее определенное обозначение «маймисты», под которым также подразумевались финляндцы-крестьяне из окрестностей столицы. Писатель и современник М.Е. Салтыков-

²¹⁹ Добужинский М.В. Воспоминания. М., 1987. С. 17; Ключева М.И. Страницы из жизни Санкт-Петербурга 1880–1910 // Невский архив. СПб., 1997. Вып. III. С. 193.

²²⁰ Вихавайнен Т. ВКФ: часть государства, но не часть империи // Два лика России. СПб., 2007. С. 12; Лескинен М. Поляки и финны в российской науке второй половины XIX века: «Другой» сквозь призму идентичности. М., 2010. С. 167; Спивак Д.Л. Северная столица. Метафизика Петербурга. СПб., 1998. С. 13.

²²¹ Вооруженная Чухляндия // Русское знамя. 1911, 2 августа.

²²² Земщина. 1910. № 332. С. 3.

Щедрин объяснял это слово как искаженное от финской фразы: «эй мой-ста» – не понимаю²²³. Филолог Д.Л. Спивак видит происхождение от слова, близкого к современному финскому «*maamies*», то есть «земледелец»²²⁴. Отдельный и более точный термин использовался в отношении финляндцев-извозчиков, которых петербуржцы XIX века именовали «вейками» – от финского «*veikko*», что означало «друг, товарищ, земляк»²²⁵. Вейки были особым петербургским явлением: они появлялись из окрестностей столицы на масленичной неделе на украшенных ленточками и бубенцами лошадях, на которых любила кататься местная публика.

При всем обилии обозначений для финских народностей наибольшие сложности связаны с представлением о финляндцах ВКФ и «чухонцах», т.е. ингерманландцах. Современники зачастую не придавали значения этому вопросу, одинаково именовали все финское население и могли не отличать этнические группы. Например, Даль соединял финляндцев и ингерманландцев, указывая на их общие профессиональные занятия – ювелирное и трубочистное мастерство, торговлю, извоз и услужение²²⁶. При этом отождествление этих общностей является не совсем точным, так как ингерманландцы преимущественно были заняты неквалифицированным трудом (бытовые услуги, торговля и извоз), а выходцы из Финляндии отмечались работой на финляндских предприятиях города (промышленные заводы, пароходные компании, железная дорога), в военном деле или в содержании собственных небольших фирм. Историк Энгман также указывает, что ингерманландцы и финляндцы ВКФ не проявляли энтузиазма по отношению друг к другу, и последние старались меньше подчеркивать свою «финскость», чтобы избежать ассоциации с «чухной»²²⁷. Возможно, привычка

²²³ *Салтыков-Щедрин М.Е.* Дневник провинциала в Петербурге. М., 1986. С. 439.

²²⁴ *Спивак Д.Л.* Северная столица. Метафизика Петербурга. СПб., 1998. С. 13.

²²⁵ *Пискарев П.А., Урлаб Л.Л.* Старый милый Петербург. СПб., 2007. С. 174; *Успенский Л.В.* Записки старого петербуржца. Л., 1970. С. 199.

²²⁶ *Даль В.И.* Чухонцы в Питере // *Собрание Вольфа. Сочинения Даля.* СПб., 1883. Т. 4. С. 362.

²²⁷ *Энгман М.* Финляндцы в Петербурге. СПб., 2005. С. 301.

именовать все финское население «чухонцами» закрепились в сознании современников из-за численного преобладания финноязычных крестьян пригородов над выходцами из ВКФ: в 1897 году на родном финском языке в Петербургской губернии говорило 130 тысяч²²⁸, число же финляндских уроженцев в городе составляло чуть более 21 тысячи²²⁹.

Для удобства изложения и избегания неточностей корректнее называть героев работы финляндцами, так как и приезжавшие в Петербург финляндцы, и финноязычное население столицы и ее окрестностей (ингерманландцы) являлись переселенцами с территории Финляндии, но только в разные временные периоды, о чем рассказывалось в предыдущем параграфе. В работе приводятся отдельные упоминания ингерманландцев («чухонцев») по некоторым сюжетам, так как эта информация содержится в источниках.

§ 4. Формирование образа Финляндии и финляндцев.

Финляндский социум, как уже было показано выше, осознавался и именовался русскими современниками по-разному. Многие детали личного взаимодействия складывались вместе и формировались в определенные представления, образ. Восприятие русским населением финляндцев с разных территорий (Петербурга, Ингерманландии, Выборгской губернии) было неодинаковым, что формировало несколько образов этого этноса, порой противоположных друг другу.

Идентификация тесно взаимодействует с понятием образа, который формируется через отождествление или противопоставление одной этнической группы другой. Процесс складывания образа и его развитие является предметом изучения имагологии – сферы гуманитарных дисциплин, занимающихся исследованием образа «чужого» (чужой страны, народа и т.д.) в общественном, культурном и литературном сознании той или иной страны²³⁰.

²²⁸ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года / Под ред. Н.А. Тройницкого. Вып. 7. СПб., 1905. С. 4.

²²⁹ Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1900 года. СПб., 1903–1905. Вып. 1. Табл. XVIII. С. 44–45.

²³⁰ *Ощепков А.Р.* Имагология // Знание. Понимание. Умение. М., 2010. № 1. С. 251.

Имагология зародилась в 1950-х годах в недрах сравнительно-исторического литературоведения, позже распространив свое влияние на культурологию, социологию и исторические исследования²³¹.

Образ народа и государства является сложным, устойчивым феноменом массового сознания, на формирование которого оказывают влияние многие факторы: географическая близость, активность социально-экономических и культурных контактов, а также политическая ситуация²³². Образ финляндцев в Российской империи создавался постепенно и транслировался в массовое сознание через прессу различной направленности, записки очевидцев и туристов, побывавших в Финляндии²³³, этнографические очерки, а также литературные произведения.

Наиболее подробно исследователями разрабатывался политический образ ВКФ и финляндцев по причине развернувшейся в этой сфере дискуссии в конце XIX – начале XX века. Так, петербургский историк И.Н. Новикова проводит анализ образа финляндцев в рамках политического курса имперского правительства, отмечая, что образ «чужого» в данном случае имел значительный вес и мог выступать заменителем реальности, даже если ее не отражал²³⁴. По мнению исследователя, можно выделить следующие образы ВКФ:

- Бедная страна, где проживают «печальные пасынки природы».

Образ начала XIX века, который сложился под влиянием записок первых путешественников П.Г. Гагарина²³⁵ и Ф.В. Булгарина²³⁶, представивших жителей ВКФ в романтично-мифологизированном оттенке. Такое

²³¹ *Жабоедов-Господарец В.П.* Образ финнов и Финляндии на страницах правой и либеральной печати: 1905 – февраль 1917 гг. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2016. С. 35.

²³² Там же. С. 4.

²³³ *Новикова И.Н.* От лояльности к сепаратизму: образ Финляндии в общественном мнении России. // Имперские и национальные модели управления: российский и европейский опыт. М., 2007. С. 337.

²³⁴ Там же. 336.

²³⁵ *Gagarin P.* Les treize journees ou la Finlande. 1809. (На русском: «Тринадцать дней, или Финляндия». М., 1809).

²³⁶ *Булгарин Ф.В.* Летняя прогулка по Финляндии и Швеции в 1838 г. В 2 т. СПб., 1839.

возвышенное представление было поддержано А.С. Пушкиным, который в 1833 году назвал финляндцев «печальными пасынками природы» в поэме «Медный всадник».

- Лояльный регион империи.

Образ ВКФ среди правящей элиты первой половины XIX века, основывавшийся на благосклонном отношении российских монархов к этой территории. В сравнении с более тревожными регионами империи – Кавказом и Польшей – Финляндия, по словам императора Николая I, «была единственной провинцией большой державы, которая за все годы правления ни на минуту не причинила беспокойства или неудовольствия»²³⁷.

- Либеральная модель в мире российского самодержавия.

Образ, распространенный российскими либералами 1860–1870-х годов, которые представляли Финляндию как пример либерального административного управления, заботы о своем населении и просвещении. Наиболее активно либералы отстаивали права финляндцев в полемике с консерваторами в Государственной думе III созыва при обсуждении антифинляндских законов²³⁸. При этом либеральные круги видели Финляндию единой и неотделимой от Российской империи.

- «Преступная страна», «пороховой склад», «притон для террористов».

Одно из наиболее известных представлений о Финляндии, сложившееся под влиянием обострения русско-финляндских отношений 1880-х – начала XX века в противовес мнению либералов. Проведение прогрессивных реформ в ВКФ (новый таможенный тариф, собственная валюта, возобновление работы сейма и т.д.) позволили русскому обществу иначе посмотреть на финляндцев: вместо мужественных и наивных «детей природы» стал вырисовываться народ, воспринявший основы европейской цивилизации и обладавший

²³⁷ Цит. по: *Туоми-Никула Й.* Императоры на отдыхе в Финляндии. СПб., 2003. С. 29.

²³⁸ *Милюков П.Н.* Воспоминания. М., 1991. С. 316.

выборными органами самоуправления²³⁹. Новый, практически автономный статус Финляндии в составе Российской империи вызвал полемику и критику со стороны консервативных кругов, возглавляемых М.Н. Катковым, редактором издания «Московские ведомости». Консерваторы все больше выступали против финляндской автономии, ратовали за приоритет русских в империи, враждебно относились к любому проявлению самостоятельности на окраинах. Основной тезис «Московских ведомостей» сводился к следующему: «Не желая участвовать в общей жизни Империи, уклоняясь от исполнения общегосударственных повинностей, не разделяя наших затруднений [...], вообще обособляя себя от России, Финляндия желает жить за счёт России. Справедливо ли это?»²⁴⁰. Подобная националистическая риторика прессы 1870–1880-х годов сформировала в российском общественно-политическом пространстве понятие «финляндского вопроса», который поднимал проблему государственно-правового статуса Финляндии в составе империи. Вместе с тем «финляндский вопрос» развивался, скорее, как публичное явление, широко транслируемое в средствах массовой информации и различных юридических сочинениях, что, по мнению исследователя А.П. Петуховой, позволяет охарактеризовать его как «медийный феномен»²⁴¹.

Консервативная концепция по положению ВКФ была продолжена чиновником К.Ф. Ординым, который в своем объемном труде «Покорение Финляндии» (1889 год) показал статус Финляндии как рядовой провинции Российской империи. Постепенно такие взгляды из общественно-политического дискурса перешли в область практического применения, что было отражено в политике русификации, проводимой генерал-губернатором Н.И. Бобриковым в Финляндии с 1898 по 1904 годы. Убийство Бобрикова финляндским чиновником Е. Шауманом, другие покушения на представителей

²³⁹ *Витухновская М.А.* Бунтующая окраина или модель для подражания: Финляндия глазами российских консерваторов и либералов второй половины XIX – начала XX веков // Многоликая Финляндия. Новгород, 2004. С. 100.

²⁴⁰ *Московские ведомости.* 1884. № 176. С. 4.

²⁴¹ *Петухова А.П.* Русское национальное движение и «финляндский вопрос» во второй половине XIX – начале XX вв. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2021. С. 44.

имперского центра, а также содействие революционным элементам в 1905–1907 годах позволили российским властям обвинить всех финляндцев в симпатиях к терроризму²⁴². Националистическая пресса («Новое время», «Окраины России», «Россия» и другие) подогривала интерес к этой теме и создавала новый малопривлекательный образ революционной окраины, называя финляндцев «отступниками от закона», «политическими контрабандистами»²⁴³, а само ВКФ – «местом многих преступлений, заливших кровью Россию»²⁴⁴. Примечательно, что новый отрицательный образ постепенно переносился из сферы политики в социально-культурные отношения, где жители Финляндии представлялись некультурными, вороватыми и безнравственными варварами, продающими своих детей с аукциона²⁴⁵.

- Красный тыл русской революции.

Такое представление о Финляндии набрало силу в начале XX века среди революционных и оппозиционных элементов империи, которые выбрали эту местность своей ближайшим убежищем, где скрывались от преследования властей²⁴⁶. Граница обеспечивала безопасность для проведения конференций и совещаний партий, участники которых не рисковали быть арестованными по причине действовавшей автономной юрисдикции финских властей. Постоянное присутствие русских революционеров в Финляндии поддерживалось разными финляндскими оппозиционными группировками²⁴⁷, активизировавшимися после убийства генерал-губернатора Бобрíkова в 1904 году. Финляндские оппозиционеры «оказывали много ценных услуг» для революционных сил империи: транспортировали нелегальную литературу из

²⁴² Финляндия и Россия: образы общего прошлого. Сб. науч. ст. / Сост. и науч. ред. И.Р. Такала, А.В. Толстикова. Петрозаводск, 2014. С. 195.

²⁴³ Окраины России. 1908. № 4. С. 51.

²⁴⁴ Окраины России. 1908. № 6. С. 83.

²⁴⁵ Земщина. 1910. № 312, 319, 332.

²⁴⁶ Аврех А.Я. Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991. С. 137.

²⁴⁷ Мусаев В.И. Великое княжество Финляндское и русские революционеры (начало XX века) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2004. С. 283.

Швеции через Финляндию, где перевалочными пунктами служили железнодорожные станции и поселения Карельского перешейка, перевозили оружие и динамит, доставляли поддельные финские паспорта, а также обеспечивали жильем²⁴⁸. Образ «тыла русской революции» воспринимался правительством империи в совместном негативном ключе с указанными выше представлениями о «пороховом складе» и «притоне для террористов». Подобный отрицательный образ требовал принятия соответствующих политических мер, которые нашли свое отражение в законе 1910 года, ограничившим права финляндского сейма в пользу властей Российской империи.

Дополнительно порассуждать о пути ВКФ и его месте в составе Российской империи российским изданиям и чиновникам удавалось в дни российских и финляндских юбилеев. Юбилеи представляли собой празднования годовщины определенных знаменательных событий прошлого, память которых могла быть использована в политических интересах настоящего.

Так случилось в преддверии празднования 100-летнего юбилея присоединения Финляндии к Российской империи в 1909 году. Ключевым моментом всей организации являлось определение даты самой годовщины присоединения, которую российская и финляндская стороны обозначали по-разному. Совет министров империи настаивал на дате 5 (18) сентября 1909 года, в день подписания Фридрихсгамского мирного договора, официально закрепившего завоевание шведской Финляндии²⁴⁹. Опасения российских чиновников были связаны с тем, что финляндская сторона предпринимала попытки отнести юбилей этого события к 16 (29) марта 1909 года, «то есть ко дню столетия Борговского сейма, на коем, по превратному толкованию финляндцев, между ними и Всероссийским

²⁴⁸ *Тодрия С.П.* Воспоминания рядового подпольщика // О В.И. Ленине. Воспоминания. 1900–1922. М., 1963. С. 61; *Савинков Б.В.* Воспоминания террориста. М., 1991. С. 183.

²⁴⁹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 172. Дело о праздновании 5 сентября 1909 г. столетней годовщины заключения Фридрихсгамского мирного договора. Л. 1 об.

монархом состоялся договор, силою коего Финляндия получила будто бы государственное бытие»²⁵⁰. Разумеется, такое положение вещей не устраивало имперские власти, стремившееся всеми способами не допустить упрочения финляндской автономии. По указу императора Николая II, официальной датой юбилея было назначено 5 сентября 1909 года, а все остальные торжества 16 марта 1909 года не должны были иметь «значения официального празднования»²⁵¹.

Под запрет попало и празднование другого юбилея, выпадавшего на декабрь 1911 года, – 100-летия присоединения Выборгской губернии к Финляндии. Власти усмотрели в этом стремление финляндских политических кругов к «чествованию памяти слияния, которое избавило от ига обрусения якобы угнетенную до того Выборгскую губернию»²⁵². Официально празднование было запрещено указом императора, хотя пресса сообщала о проведении небольших мероприятий в нескольких городах Великого княжества Финляндского²⁵³.

При этом властями поощрялось участие финляндцев в юбилеях, посвященным большим событиям Российской империи, а именно 100-летнему юбилею Отечественной войны 1812 года, а также 300-летию дома Романовых. Первое событие отмечалось в августе 1912 года в Москве, куда прибыла финляндская делегация из 9 человек, включавшая не только чиновников ВКФ, но и представителей 4-х сословий – из дворян, духовенства, горожан и крестьян²⁵⁴. Юбилей царствующей династии отмечался широко по всей стране, но представители ВКФ принимали участие только в празднествах в Петербурге, которые состоялись в феврале 1913 года. Интересно, что по

²⁵⁰ Там же. Л. 4 об.

²⁵¹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 172. Л. 10.

²⁵² РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 395. Дело о запрещении официального празднования 100-летнего юбилея присоединения Выборгской губ. к Финляндии. Л. 1.

²⁵³ Земщина. 1911. № 848.

²⁵⁴ РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 439. Переписка председателя совета министров с разными должностными лицами по вопросам: об участии депутации из Финляндии в праздновании 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г. Л. 4–4 об.

распоряжению императора, делегация от Финляндии была сокращена до 5 человек, где большинство составляли представители сословий²⁵⁵.

Периодические издания подробно освещали события празднований юбилеев, предлагая свою точку зрения, зависевшую от политической направленности печатного органа. Описание 100-летнего юбилея присоединения ВКФ может быть одним из показательных примеров. Так, крайне правая «Земщина» представляла вхождение Финляндии в состав империи как благо для финляндцев, которые были избавлены от притеснений шведов и окружены «исключительной заботливостью русской власти», сохранившей внутреннее устройство края и избавившей его от несения общих повинностей²⁵⁶. Похожее мнение транслировалось в октябристском «Голосе Москвы», который указывал на значительные дарованные властью привилегии, сравнивая Финляндию с «капризным ребенком-баловнем в русской семье»²⁵⁷. Противоположную позицию занимала кадетская «Речь», выступавшая против притеснений прав жителей Великого княжества Финляндского. Юбилей, по мнению этого издания, имел сильное политическое значение и вместо дружного имперского торжества нес мрачный вызов финляндскому обществу²⁵⁸. Русская консервативная печать неоднократно обвиняла кадетов и их «Речь» в связях с Финляндией – из-за сочувствия П.Н. Милюкова финляндцам, а также, вероятно, из-за издания газеты в типографии «Слово», директором-распорядителем которой являлся приезжий финляндец Рудольф Вальден, ярый борец за независимость Финляндии²⁵⁹.

Множество публикаций в прессе по финляндскому вопросу свидетельствовало о попытках проанализировать русско-финляндские отношения, которые вызывали озабоченность в некоторых слоях российского

²⁵⁵ РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 439. Л. 24 об.

²⁵⁶ Земщина. 1909. № 80. С. 3.

²⁵⁷ Голос Москвы. 1909. № 204. С. 1.

²⁵⁸ Голос Москвы. 1909. № 206. С. 2.

²⁵⁹ *Ниронен Я.* Финский Петербург. СПб., 2003. С. 169.

общества. Кажется, удачная попытка объяснения длительного периода связей русских и финляндцев была предпринята в рубрике «Революция и народности России» газеты «Утро России». Проведя анализ разных исторических этапов сосуществования обеих сторон, авторы пришли к выводу, что «финны всегда обладали большими политическими правами, чем коренное русское население, и даже нарушенная финляндская конституция давала финнам больше прав, чем конституция России»²⁶⁰. Эти факторы возвращали в русском обществе некоторую обиду и зависть, которые свою очередь служили укреплению отчужденности между финской и русской общностями.

Представления о финляндцах и ВКФ в целом фиксировались не только в политической повестке, но также в областях науки и культуры. Научное изучение жителей Финляндии наиболее подробно отражено в разнообразной этнографической литературе: народоописаниях²⁶¹, учебниках²⁶² и публицистических очерках²⁶³. В сфере культуры образ ВКФ пытались поймать и передать живописцы и литераторы: И.И. Левитан, И.Е. Репин, Н.К. Рерих, А.П. Остроумова-Лебедева, А.А. Блок, О.Э. Мандельштам, С. Черный, Л.Н. Андреев, Е.Г. Гуро и многие другие²⁶⁴. Свою долю в складывание образа финляндцев также приносила разного рода туристическая литература, представленная путеводителями, брошюрами и справочниками.

Такое обилие мнений позволяет подробно рассмотреть представления о финляндцах и Финляндии со стороны разных социальных слоев. При этом нужно учитывать, что во всех указанных случаях представленный образ, вероятно, не будет полностью беспристрастным. Область политики

²⁶⁰ Утро России. 1917. № 120. С. 3.

²⁶¹ Меч С. Финляндия. Географический очерк. М., 1887; Кюн К. Народы России. СПб., 1888; Руднев Я.И. Русская земля (Природа страны, население и его промыслы): сборник для народного чтения. Финляндия, Озерная область и Прибалтийский край. М., 1904. Т. 2.

²⁶² Коропчевский Д.А. Первые уроки этнографии. М., 1903; Иловайский Д. История России. М., 1906–1907.

²⁶³ Водовозова Е.Н. Финляндия. Страна и народ // Мир Божий. 1892. № 9–11; Петров Г.С. Страна болот (Финляндские впечатления). М., 1910.

²⁶⁴ Соини Е.Г. Образ Финляндии в русском искусстве и литературе конца XIX – первой трети XX в. // Многоликая Финляндия. Новгород, 2004. С. 192–238.

преследовала свои цели, показанные выше; этнографические очерки часто имели повторяющиеся этнокультурные стереотипы, а также демонстрировали мнение сильного (изучающего), что могло приводить к искажениям²⁶⁵. Что касается культуры, то ее произведения тем более несли авторское и субъективное представление.

Изучение образа финляндцев в данной работе выстраивается по географическому принципу, при котором появляется возможность сравнения трех соседних пространств – Петербурга, Ингерманландии и Выборгской губернии. Такой подход может продемонстрировать взаимосвязь этих территорий для различных национальностей и социальных слоев: например, образ чухонца (ингерманландца) особо «расцветал» в пространстве имперской столицы при противопоставлении с другими приезжими. Политизированный образ финляндцев оставался в Российской империи магистральным, при этом жители Финляндии в этом образе не всегда рассматривались современниками «чужими» – восприятие складывалось из различных деталей, зависевших от места и ситуации личного взаимодействия людей.

§ 5. Численность финляндцев Санкт-Петербурга и особенности статистики.

С момента возникновения Петербурга для него была характерна этническая и языковая пестрота, по воспоминаниям петербуржцев, достигшая пика к концу XIX века²⁶⁶. Существовали немецкие и французские слободы, районы проживания поляков, евреев, эстонцев и других. Какова же была доля финляндцев среди иностранцев города?

Вопрос о численности финляндского населения на территории Российской империи был поднят еще в начале XX века правительством страны, а точнее его председателем – П.А. Столыпиным. В 1908–1910 годах во время разработки антифинляндских законов власти рассылали запросы в

²⁶⁵ *Лескинен М.* Поляки и финны в российской науке второй половины XIX века: «Другой» сквозь призму идентичности. М., 2010. С. 188.

²⁶⁶ *Григорьев М.* Петербург 1910-х годов. Прогулки в прошлое. СПб., 2005. С. 67.

различные учреждения империи (статс-секретариат ВКФ, почтовое ведомство, Святейший Синод, канцелярию учреждений императрицы Марии, министерство путей сообщения) с целью «выяснения состоящих на службе финляндских уроженцев или русских служащих, знающих финский и шведский языки»²⁶⁷. Однако уже на данном этапе встречались трудности и расхождения в подсчете. Так, по данным центрального статистического комитета, по состоянию на 1908 год в империи, за пределами ВКФ, числилось 20 248 финляндских уроженцев, что не сходилось с данными финляндской паспортной экспедиции, которая за 1907 год зафиксировала 24 710 финляндцев²⁶⁸. При этом финляндское учреждение открыто заявляло, что цифры не соответствуют числу проживающих в империи финляндцев, связывая это с проблемой регистрации выходцев из Финляндии в других регионах империи.

Подобные несоответствия численности могли появляться по причине использования разных методов подсчета, бюрократических сложностей, а также неодинаковой самоидентификации национальностей. Во второй половине XIX века основным источником, содержащим данные о численности, составе и движении жителей, являлись переписи населения. Они проводились центральным статистическим комитетом (на местах – губернскими статистическими комитетами и уездными полицейскими управлениями) и отражали текущее состояние наличного населения на определенную дату²⁶⁹. При всей совершенности этого вида подсчета по сравнению с более ранними периодами эти переписи не давали удовлетворительного ответа на вопрос об этническом составе населения, так как в качестве идентификатора учитывался родной язык, что являлось не совсем точным. Во-первых, в переписях указывались разные критерии родного

²⁶⁷ РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 106. Статистические сведения о числе финляндских уроженцев, проживающих в пределах России и роде их занятий. Л. 140.

²⁶⁸ РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 106. Л. 2.

²⁶⁹ Брук С.И., Кабузан В.М. Динамика этнического состава населения России в эпоху империализма (конец XIX–1917 г.) // История СССР. 1980. № 3. С. 74.

языка: в петербургских переписях, начиная с 1881 года, родной язык понимался как разговорный, «тот язык, на котором вы обыкновенно говорите в семье, у себя дома»; а во всероссийской переписи 1897 года понятие «родной язык» было приближено термину «национальность», так как требовалось получить данные именно о национальном составе населения²⁷⁰. Во-вторых, при всей многонациональной пестроте в Петербурге доминировали русский язык и русская культура в целом, что приводило к ускорению языковой ассимиляции в сравнении с этнической²⁷¹. В такой ситуации язык не всегда мог быть достоверным показателем численности этноса: в переписях число «финляндских уроженцев» всегда было выше, чем количество тех, кто указывал своим родным языком финский²⁷². В-третьих, вероятно, в категорию «родного финского языка» могли быть отнесены финноязычные шведы, переселившиеся с территории ВКФ, а также какая-то доля ингерманландцев, проживавших в столице. В целом, в переписях начала XX века могли наблюдаться и другие погрешности, так как они не проводились в полном объеме, а опирались на показатели всероссийской переписи 1897 года и данные высчитанного естественного прироста.

Кроме механических неточностей в подсчете со стороны российских чиновников добавлялась проблема национальной идентификации выходцев из Финляндии – кого считать финляндцем? Наиболее распространёнными категориями идентичности являются язык, религия, происхождение (место рождения), принадлежность к государству (подданство) и чувство принадлежности, которое несет более субъективные критерии²⁷³. По мнению финского историка М. Энгмана, опора только на один критерий приводит к

²⁷⁰ Юхнева Н.В. К методике использования петербургских переписей населения конца XIX – начала XX века. // Этнография Петербурга – Ленинграда: тридцать лет изучения. СПб., 2004. С. 64.

²⁷¹ Многонациональный Петербург: история, религия, народы. СПб., 2002. С. 23.

²⁷² Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1890 года. СПб., 1891–1892. Ч. 1. С. 45, 52; Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1900 года. СПб., 1903–1905. Вып.1. С. 45, 52; Петроград по переписи 15 декабря 1910 года. Петроград, 1914. С. 10, 13.

²⁷³ Бурдые П. Идентичность и репрезентация: элементы критической рефлексии идеи «региона» // *Ab Imperio*. 2002. № 3. С. 58.

искажению данных, поэтому он предложил использовать совокупность всех критериев для построения более полной картины.

Проблема языка как этнического идентификатора уже была описана выше. Что касается сведений о религиозной принадлежности финляндцев, то относительно к многоконфессиональному Петербургу они сложно применимы. Так, лютеранами в столичном городе являлись не только выходцы из ВКФ (финны и шведы), но также немцы, эстонцы и латыши²⁷⁴. Финский лютеранский приход св. Марии и шведский лютеранский приход св. Екатерины были тесно связаны с Финляндией, а также близки между собой, так как до середины XVIII века были едины и составляли один церковный приход. Среди прихожан финского прихода встречались финляндцы (финны и шведы) и ингерманландцы, в шведском – подданные Швеции, а также переселенцы с территории Финляндии, которые могли быть представлены шведами, норвежцами или датчанами²⁷⁵. Случалось также, что состоятельные горожане-финляндцы переходили из одной общины в другую, более статусную, чаще всего немецкую, что еще больше осложняло их выделение в составе других лютеран города.

Идентификация финляндцев по месту рождения или подданству также имела свои неточности. При указании места рождения отсутствовали сведения о родном языке и подданстве: то есть по такому критерию финляндцем мог быть и этнический финн, и швед и, возможно, немец²⁷⁶, если он родился на территории ВКФ. В российских статистических данных начала XX века понятие «уроженец» было близко к значению «гражданин» – «лицо, которое имеет права финляндского гражданства, приписано к одной из финляндских

²⁷⁴ Юхнева Н.В. К методике использования петербургских переписей населения конца XIX – начала XX века. // Этнография Петербурга – Ленинграда: тридцать лет изучения. СПб., 2004. С. 66.

²⁷⁵ Энгман М. Финляндцы в Петербурге. СПб., 2005. С. 311.

²⁷⁶ В Выборге немцы представляли небольшую долю населения, занимавшейся торговлей (Maccallum S. Thought Finland to St. Petersburg. London, 1908. P. 177); Кудрявцева Л. Борьба за “место памяти” в империи: история памятника основателю Выборга Торгильсу Кнутссону // Ab Imperio. 2004. № 2. С. 419.

губерний, вне зависимости от места их рождения»²⁷⁷. При этом, вероятно, в статистике и делопроизводстве XIX века в термин «уроженец» вкладывалось больше связи с местом рождения, что, по замечаниям центрального статистического комитета, приводило к неточности в регистрации²⁷⁸. Что касается подданства приезжих финляндцев, то оно отслеживалось по паспортам, выданным финляндской паспортной экспедицией в Петербурге. Однако полной информации о жителях ВКФ в Петербурге учреждение не имело: лица высших слоев (дворяне, чиновники, офицеры и священники) не обращались в финляндскую паспортную экспедицию за документами²⁷⁹, а после 1903 года сократился обмен документов в целом – по новым правилам бумаги, выданные на территории Финляндии, были действительными для проживания в империи²⁸⁰.

Самоидентификация или чувство принадлежности также стоят в ряду ключевых факторов, с помощью которых можно идентифицировать этнос. Норвежский антрополог Ф. Барт предлагает использовать самоидентификацию в качестве главного определителя нации, так как первичным для человека является понимание собственной принадлежности, изменение которой зависит от различных социально-экономических обстоятельств²⁸¹. Что касается самоидентификации приезжих финляндцев, то стоит отметить некоторые моменты. Так, вероятно, в большом городе некоторая часть выходцев из Финляндии (наиболее экономически успешная) приобретала, кроме национальной, еще и городскую, петербургскую

²⁷⁷ ЦГИА СПб. Ф. 254. Оп. 1. Д. 2142. О числе финляндских уроженцев в Петербургской губернии. Л. 32–32об.

²⁷⁸ РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 106. Статистические сведения о числе финляндских уроженцев, проживающих в пределах России и роде их занятий. Л. 1об.

²⁷⁹ *Энгман М.* Финляндцы в Петербурге. СПб., 2005. С. 179.

²⁸⁰ РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 106. Статистические сведения о числе финляндских уроженцев, проживающих в пределах России и роде их занятий. Л. 25об.

²⁸¹ *Barth F.* *Ethnic Groups and Boundaries.* Oslo, 1969. P. 25; Важную роль самоопределения в формировании национальной идентичности подчеркивали и английские исследователи: *Franklin S., Widdis E.* *National Identity in Russian Culture.* Cambridge, 2004. P. 87.

идентичность²⁸². По этой причине эти приезжие могли менять подданство²⁸³, переставать ассоциировать себя с ВКФ²⁸⁴ или попадали в группы неопределившихся, которые при переписях указывали противоречивые сведения, например, записывая себя в несколько групп по языку. При этом существовала оставшаяся, бóльшая часть финляндцев, у которой процесс самоопределения, вероятно, мог быть связан с противопоставлением себя доминирующему этносу – на чужой земле и в чужом социуме приезжие еще сильнее сближались с земляками и точно идентифицировали себя финляндцами.

При всех описанных сложностях и погрешностях в подсчете определенные цифры численности финляндцев Петербурга были зафиксированы статистикой.

Год переписи	Родной язык: финский	По сословию: финляндский уроженец
Городская перепись 1890 г. ²⁸⁵	16,7 тыс.	21,3 тыс.
Городская перепись 1900 г. ²⁸⁶	18,3 тыс.	21,3 тыс.
Городская перепись 1910 г. ²⁸⁷	14,7 тыс.	17,1 тыс.

²⁸² Историк А.С. Мыльников отмечал даже формирование петербургской **этничности**, которая имела наднациональный статус // Мыльников А.С. О формировании петербургской этничности: историко-этнографические размышления // Этнография Петербурга – Ленинграда: тридцать лет изучения. СПб., 2004. С. 224.

²⁸³ РГИА. Ф. 1284 Оп. 101 Д. 3251. Дело Департамента общих дел МВД о подданстве: Папмель Э., финляндский уроженец.

²⁸⁴ *Редигер А.Ф.* История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. I–II. М., 1999. С. 252.

²⁸⁵ Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1890 года. СПб., 1891–1892. Ч. 1. С. 45, 52.

²⁸⁶ Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1900 года. Население. СПб., 1903–1905. Вып.1. С. 45, 52.

²⁸⁷ Петроград по переписи 15 декабря 1910 года. Петроград, 1914. С. 10, 13.

Всеобщая перепись 1897 г. ²⁸⁸	21 тыс.	35,6 тыс.
---	---------	-----------

Скорее всего, в реальности численность финляндцев была еще выше, так как в сведениях официальной статистики учитывалось наличное население и не фиксировались приезжавшие на несколько дней на заработки или в гости²⁸⁹. Именно эта категория «временных посетителей» могла создавать впечатление численной массивности финляндских уроженцев, которых, по мнению обозревателя «Петербургского листка», в 1899 году насчитывалось чуть более 70 тысяч²⁹⁰. Такая неточность исчисления приезжих также может быть связана с тем, что иностранцев часто путали между собой. Например, об этом упоминает художник Александр Бенуа в своих воспоминаниях: директора частной гимназии Карла Ивановича Мая ученики по происхождению считали «скандинавом» – не то шведом, не то датчанином, с виду он походил на финна, на чухонца, но на самом деле был чистокровным немцем²⁹¹.

Таким образом, приведенные сведения содержат цифры не только по количеству финнов Финляндии. Из-за этнического разнообразия жителей ВКФ и неточностей в подсчетах учитывались также финноязычные шведы, часть ингерманландцев, а, возможно, и скандинавские народы. Кажущаяся незначительной численность финляндцев тем не менее свидетельствует о силе притяжения большого города, в котором они составляли немалую часть горожан. По состоянию на 1897 год жители, говорившие на финском языке, занимали третье место среди других иностранцев, уступая по численности только немцам (50,8 тыс.) и полякам (36,7 тыс.)²⁹².

²⁸⁸ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Город Санкт-Петербург. Под ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1903. С. 20–21, 52–53.

²⁸⁹ Юхнева Н.В. Этнические состав и этносоциальная структура населения Петербурга: вторая половина XIX – начало XX века. Л., 1984. С. 170; Энгман М. Финляндцы в Петербурге. СПб., 2005. С. 62.

²⁹⁰ Петербургский листок. 1899. № 178. С. 2.

²⁹¹ Бенуа А. Мои воспоминания. М., 1980. Кн. 2. С. 477.

²⁹² Сравнение приводится по языку, так как данные о немецких и польских уроженцах не приводятся // Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Город Санкт-Петербург. Под ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1903. С. 52–53.

§ 6. Итоги.

В очерченных пространствах Петербурга, Ингерманландии и Выборгской губернии развивались свои, особые русско-финляндские связи. При этом каждый из этих регионов имел определенные этнические особенности, которые заключались в многообразии финских народностей. Вычленить из них строго этнических финнов не представляется возможным по причинам несоответствий в способах идентификации и погрешностей в статистическом подсчете. Такая ситуация приводит к расширению поля исследования, где будут представлены несколько условных типов финляндцев.

Так, одной из основных категорий для петербуржцев были финноязычные и/или шведоязычные приезжие с территории ВКФ, которых официально на рубеже XIX–XX веков было зафиксировано в районе 20–30 тысяч. С ними петербуржцы чаще всего сталкивались в пространстве столичного мегаполиса, где выходцы из Финляндии занимали небольшую, но заметную нишу. При этом в первом типе отдельно выделяются финляндцы, проживавшие на территории Выборгской губернии. Выделение этой группы жителей ВКФ важно при рассмотрении перемещений русского населения на территорию Финляндии. Петербуржцы знали финляндцев из окрестностей Выборга из-за дачных и туристических поездок, особенно набравших силу на рубеже XIX–

XX веков. Близость российской столицы и постоянный контакт с русской публикой влияли на местных жителей Выборгской губернии в социокультурном, экономическом и политическом плане, что создавало отличия в сравнении с другими регионами Финляндии.

Вторым типом финляндца, с которым общалось российское население Петербурга, были финляндцы города и его окрестностей (Ингерманландии), давно поселившиеся в окружении столицы. Таких финляндцев можно идентифицировать ингерманландцами или чухонцами, как это делала значительная часть современников. Установить точную численность этой группы достаточно сложно по причине ее непостоянного проживания в столице: ингерманландцы чаще всего приезжали в Петербург на день для продажи своих товаров. Даже при временном пребывании в городе финляндцы Ингерманландии приносили финский колорит на улицы Петербурга.

Каждый из этих приведенных типов по-разному воспринимался петербуржцами и имел свой образ в их представлении. Чаще всего образ финляндца формировался общественными настроениями и прессой, которые зачастую имели политический подтекст. При этом на складывание образа влияли и личные впечатления, которыми могли оспариваться стереотипные концепции «чужого» в отношении жителей Великого княжества Финляндского.

Глава 2. Финляндские подданные в пространстве столичного города.

Для отражения положения финляндцев в структуре Петербурга требуется рассмотреть комплекс нескольких составляющих: экономической, социальной и культурной. Показателем социально-экономического блока являются предприятия столицы, которые были основаны выходцами из Финляндии или являлись их местом работы. Исследование таких предприятий показывает профессиональный путь финляндцев, а также их связи с разнообразными социальными группами Петербурга рубежа XIX–XX веков. Культурная составляющая прослеживается на примере финляндских обществ, существовавших в столице. Анализ этих общественных объединений в свою очередь раскрывает характер локального городского сообщества (финляндцев) и его попытки приспособления своих социокультурных практик в новом окружении. Поскольку, основывая такие объединения при переезде, «иммигрантские группы» снова могли рассматривать себя в рамках своего этноса²⁹³.

§ 1. Приезжие из Финляндии: мотивация к переезду и документальное оформление.

Финноязычные народности (ингерманландцы) проживали в округе Петербурга еще до его основания, о чем было рассказано в параграфе 1.2. К началу XVIII века связи этих финноязычных групп с новым городом крепили, и их присутствие в нем становилось более постоянным. Параллельно с этим шел процесс массовых перемещений с территории Финляндии в Петербург, что было связано с окончанием Северной войны 1700–1721 годов.

Первые прибывшие в город финляндцы (финны и шведы) состояли из рабочих, ремесленников, а также пленных, чей труд был использован при строительстве новой столицы. Категорию пленных представляли в основном шведские военные, хотя М. Энгман упоминает и о гражданском населении

²⁹³ Хоффманн Ш.-Л. Социальное общение и демократия. М., 2017. С. 94.

Финляндии, которое принудительно или добровольно переселялось на работы в Петербург²⁹⁴.

Изначально местом проживания выходцев из Финляндии была территория возле нынешнего Марсового поля, напротив Петропавловской крепости, в районе так называемых «финских шхер»²⁹⁵. В этом же районе располагался общий шведско-финский лютеранский приход, в котором проходили совместные богослужения. С 1734 года присутствие шведско-финской общины в центре города становилось более заметным, чему способствовало строительство деревянной лютеранской церкви св. Анны на участке Большой Конюшенной улицы. После разделения шведско-финского прихода в 1745 году церковь св. Анны перешла во владение финской общины, которая в 1803 году перестроила ее в каменный храм в честь св. Марии²⁹⁶. Шведская община также не покинула этот район: в 1767 году была построена отдельная церковь св. Екатерины на соседней Малой Конюшенной улице. Разделение церквей позволило общностям развиваться обособлено, однако полностью связи не были разорваны, так как финноязычные и большинство шведоязычных прихожан были выходцами из Финляндии. Оба прихода вплоть до 1917 года являлись своеобразными национальными центрами и местами притяжения для приезжих из ВКФ.

После присоединения Финляндии в 1809 году связь приезжих с Петербургом еще более окрепла. С этого времени для финляндцев столичный город стал доступнее не только в географическом отношении, но и в психологическом восприятии, ведь теперь они являлись частью большой империи и подданными российского монарха. Одним из ключевых факторов переезда для жителей ВКФ служила социально-экономическая привлекательность имперского центра по сравнению с их родными местами жительства. Для приезжих Петербург XIX века виделся внушительным и

²⁹⁴ *Энгман М.* Финляндцы в Петербурге. СПб., 2005. С. 119.

²⁹⁵ *Лапин В.В.* Петербург: Запахи и звуки. СПб., 2007. С. 189.

²⁹⁶ *Иванов М.* Лютеранский квартал в Петербурге. СПб., 2004. С. 69.

процветающим городом, где, помимо широких карьерных возможностей, также были доступны разнообразные общественно-культурные развлечения. Переехать в столицу желали многие жители близлежащих губерний: по мнению Н.В. Юхнёвой, наибольшую миграционную активность по отношению к Петербургу проявляли Ярославская (8,6%) и Тверская губернии (7,6%), а показатели Выборгской и Нюландской губерний оставались на уровне 1,5–2%²⁹⁷. По данным статистики, на протяжении 20 лет (1890–1910 годы) доля неместных уроженцев Петербурга была достаточно высокой и сохранялась на уровне 68% от общей численности жителей города²⁹⁸.

Если более детально рассматривать мотивы переезда финляндцев в Петербург, то можно выделить несколько факторов – получение образования в военном или ремесленном деле, изучение русского языка для дальнейшего продвижения по службе в Финляндии или других частях империи, а также поиск более прибыльной работы или сезонная торговля.

Вопрос русского языка на территории ВКФ стал особенно актуальным после его вхождения в состав Российской империи. Несмотря на использование письменного шведского и разговорного финского языков, русский язык, по мнению имперских властей, тоже должен был войти в употребление на территории края. Для этого в 1840-х годах был учрежден фонд для поездок стипендиатов из ВКФ в крупные города империи для изучения русского языка. Чаще всего такие приезжие обучались в Москве, Казани, Харькове и Петербурге – в последнем было легче справляться с бытовыми нуждами из-за обилия родственников и знакомых²⁹⁹. По этой системе ежегодно до 1917 года принималось до 10 человек из различных

²⁹⁷ Юхнёва Н.В. Этнические состав и этносоциальная структура населения Петербурга: вторая половина XIX – начало XX века. Л., 1984. С. 83.

²⁹⁸ Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1890 года. СПб., 1892. Ч. 1. С. 36–37; Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1900 года. СПб., 1903–1905. С. 32–33; Петроград по переписи 15 декабря 1910 года. Пг, 1914. С. 16–20.

²⁹⁹ Кеттола К. Финны – московские стипендиаты 1812–1917 // Два лика России. СПб., 2007. С. 51.

категорий граждан (студенты, чиновники³⁰⁰) с назначением стипендии от 350 до 750 рублей серебром в разные годы. После окончания обучения стипендиаты были обязаны преподавать русский язык в Финляндии в течение 5 лет, что в финляндской среде считалось непатриотичным, особенно после обострения русско-финских отношений в конце XIX века. Впрочем, если знание русского языка негативно воспринималось на территории ВКФ, то оно помогало в достижении выгодных должностей в других частях Российской империи, поэтому иногда стипендиаты расценивались современниками как «кандидаты в министры статс-секретари» в Петербург³⁰¹.

Помогало владение русским языком и в продвижении по военной службе, где численно выходцы из Финляндии насчитывали сотни человек – Энгман считает, что таких «соотечественников» было очень много и практически каждый представитель высшего сословия ВКФ имел такого родственника или знакомого³⁰². Основной стартовой площадкой для финляндцев был Финляндский кадетский корпус, существовавший во Фридрихсгаме с 1819 по 1903 годы. После окончания этого военного учебного заведения самые способные финляндцы отправлялись дополнительно учиться в Петербург, где существовали «более благоприятные условия и возможность сделать карьеру»³⁰³. Самыми востребованными военными учебными заведениями столицы для выпускников Финляндского кадетского корпуса были Николаевская академия Генерального штаба, Пажеский корпус, Николаевское кавалерийское училище³⁰⁴ и т.д. Судьбы всех воспитанников-финляндцев проследить сложно, однако можно привести яркие примеры таких личностей, о которых подробнее речь пойдет ниже – А.Ф. Редигер (военный министр в

³⁰⁰ ЦГИА СПб. Ф. 254. Оп. 1. Д. 2375. О командировании в Петербургское губернское правление Финляндских должностных лиц, для изучения русского разговорного языка и ознакомления с русским официальным делопроизводственным языком. Л.1–1об.

³⁰¹ *Вихавайнен Т.* Столетия соседства. СПб., 2012. С. 21.

³⁰² *Энгман М.* Соотечественники в России и литературе // Два лика России. СПб., 2007. С. 93.

³⁰³ *Маннергейм К.Г.* Мемуары. М., 1999. С. 11.

³⁰⁴ Список полковникам по старшинству. Сост. по 1-е марта 1912 г. СПб., 1912. Ч. 1–3.

1905–1909 гг.), К.Г. Маннергейм (военный и государственный деятель, президент Финляндии в 1944–1946 гг.), В.А. фон Ден (министр статс-секретарь ВКФ в 1891–1898 гг.), А.Г. Ярнефельт (губернатор Санкт-Михельской, Куопиоской и Вазаской губерний ВКФ 1883–1894 гг.).

Основная масса выходцев из Финляндии испытывала к столице чисто экономический интерес, который выражался в их желании получить более выгодную работу. Это можно было сделать несколькими путями. Первый и более основательный путь пролегал через обучение ремесленному делу в Петербурге, который воспринимался приезжими как своеобразная школа мастерства. Ведущими отраслями для финляндцев были ювелирное, слесарное и медное дело – за вторую половину XIX века финляндской паспортной экспедицией было зарегистрировано более двух тысяч контрактов на обучение, хотя, вероятно, в реальности цифра была выше³⁰⁵. Вторым вариантом было включение в состав семьи со своими товарами и навыками, которые можно было предложить столичным жителям. Например, в Петербурге существовало более гибкое ремесленное законодательство: было проще образовать свой цех, так как они не являлись закрытыми структурами, как в Финляндии³⁰⁶. Больше всего финляндцы были представлены в часовом, трубочистном и булочном цехах, а также на работе в крупных транспортных и промышленных предприятиях, связанных с ВКФ. Столица была в целом лояльна к новым предприятиям, многим удавалось найти свою нишу и покупателя. Третья категория соискателей, являясь одной из самых многочисленных среди приезжих, представляла сезонных работников. Чаще всего они были представлены в сфере оказания бытовых услуг, извоза, услужения и мелкой торговли – продукты питания (молочные изделия, рыба, ягоды), дрова, сани и т.д. Сезонные работники были временными приезжими с Карельского перешейка и окрестностей столицы, и зачастую их официальная фиксация в

³⁰⁵ Многонациональный Петербург: история, религия, народы. СПб., 2002. С. 79.

³⁰⁶ Юнгар С. Финляндские ремесленники в Санкт-Петербурге // Ремесло и мануфактура в России, Финляндии и Прибалтике. Л., 1975. С. 97.

городе была затруднена. При этом у современников не возникало сомнений в массовости этой категории приезжих: «Они наводнили Петербург и говорили о нем как о своем собственном городе. Они считали свои расходы и получали доходы в рублях и копейках»³⁰⁷.

В XIX веке большинство финляндцев являлись переселенцами из Выборгской и Нюландской губерний Великого княжества Финляндского – 42 % и 18 % соответственно³⁰⁸. Примечательно, что доля финляндцев из Выборгской губернии всегда оставалась наибольшей среди общего миграционного потока, что объясняется географической близостью и транспортной доступностью Санкт-Петербурга для жителей этого региона, особенно после открытия финляндской железной дороги в 1870 году.

Переезжая в столицу империи, финляндцы в бытовом и жизненном плане не встречали больших трудностей в сравнении с другими направлениями миграции: в Петербурге были налажены устойчивые социальные связи с земляками, что облегчало приспособление к новой жизни и гарантировало сохранение некоторых традиций жителей Финляндии. Финские исследователи Т. Вихавайнен и Я. Ниронен даже приводят мнения, что приезжий финляндец мог жить в Петербурге «как дома», говоря только на финском языке и получая все необходимые бытовые (одежда, лечение, продукты) и досуговые услуги (книжные магазины, библиотеки) у своих соотечественников³⁰⁹.

Документально приезжие из ВКФ должны были регистрироваться в специальном органе при статс-секретариате Финляндии в Петербурге – финляндской паспортной экспедиции. Орган был создан в 1819 году для отслеживания въезжавших и проживавших на территории Российской империи финляндцев, вне ВКФ. Финляндское учреждение аккумулировало всю информацию о приезжих из Финляндии для передачи сведений на родину:

³⁰⁷ Цит. по: *Вихавайнен Т.* Столетия соседства. СПб., 2012. С. 60.

³⁰⁸ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Город Санкт-Петербург. Тетр. 2. СПб., 1903. С. 20–21.

³⁰⁹ *Ниронен Я.* Финский Петербург. СПб., 2003. С. 13; *Вихавайнен Т.* Столетия соседства. СПб., 2012. С. 57.

профессиональный статус, заключенные браки и родившихся детей, воинскую повинность, уплаченные налоги и пошлины и т.д. Постепенно к учетной функции населения в финляндской паспортной экспедиции добавился надзор по делам беспаспортных, бродячих и других арестованных финляндцев, которых в конце XIX века ежегодно насчитывалось около 800 человек³¹⁰. Нуждавшимся категориям приезжих финляндское учреждение также оказывало денежную помощь, поддерживало шведский и финский церковные приходы и разнообразные общества при них.

Прибывший на территорию империи финляндец должен был в течение трех дней предъявить свой паспорт, выданный в ВКФ, в финляндскую паспортную экспедицию в Петербурге. Там паспорт Финляндии обменивался на паспорт или вид на жительство, которые разрешали пребывание финляндского подданного в Российской империи за пределами ВКФ³¹¹. Примечательно, что обмен паспорта предписывался для лиц «работающих и служащих классов», а лица высших сословий Финляндии только предоставляли свои документы для визирования. По мнению Энгмана, такой порядок сложился со времен Александра I, когда в правовом плане низшие финляндские слои были приравнены к русским крестьянам из внутренних губерний³¹². Паспорт включал сведения об имени, возрасте, месте рождения, профессии, знании языков и особых приметах. Документ выдавался на определенный срок, по истечении которого требовалось очередное посещение органа при статс-секретариате³¹³. В случае полицейской проверки за отсутствие паспорта мог быть выписан штраф до 10 рублей.

Кроме того, при регистрации требовалось произвести оплату в пользу города по званию лица: уроженцы Царства Польского и Финляндии относились к непривилегированным лицам, и с них взималась плата в размере

³¹⁰ Энгман М. Финляндцы в Петербурге. СПб., 2005. С. 51.

³¹¹ Чернуха В.Г. Паспорт в России, 1719–1917 гг. СПб., 2007. С. 234.

³¹² Энгман М. Финляндцы в Петербурге. СПб., 2005. С. 42.

³¹³ См. прил. № 2 // ЦГИА СПб. Ф. 254. Оп. 1. Д. 14210.; См. прил. № 3 // ЦГИА СПб. Ф. 1888. Оп. 1. Д. 1067.

20 копеек. Эта категория была социально выше студентов, отставных солдат и вдов, однако стояла ниже первой привилегированной группы, к которой относились русские и иностранные дворяне, купцы и почетные граждане³¹⁴. Положение финляндцев на территории империи было необычным: они были подданными Великого княжества Финляндского, и, находясь на уровне русского податного сословия, не воспринимались иностранцами. Более того, по мнению Н.В. Юхнёвой, они имели статус «полуиностранцев»³¹⁵. Ситуация менялась, если финляндец переходил под российское подданство. Такая процедура осуществлялась через взаимодействие министерства внутренних дел Российской империи и финляндской паспортной экспедиции: в случае отсутствия препятствий с обеих сторон МВД давало санкцию на выдачу новых документов, а финляндское учреждение исключало заявителя из списков финляндских граждан³¹⁶. Подобные случаи не были очень распространенным явлением и чаще происходили при возможности получить более выгодный социальный статус на территории империи.

К началу XX века посещение приезжими финляндской паспортной экспедицией перестало быть обязательным, так как документы, выданные в ВКФ, стали признавать действительными и для проживания в других частях империи. Такая ситуация могла возникнуть из-за большого количества временных пребывающих, регистрация которых была трудоемка. Несмотря на это, финляндское учреждение наравне с церковными лютеранскими приходами Петербурга продолжало играть значимую роль в жизни выходцев из ВКФ и оставалось связующим звеном между приезжими и их родиной, подданными которой они являлись.

³¹⁴ Домбровский Ф.В. Полный путеводитель по Петербургу и всем его окрестностям. СПб., 1896. С. 4; Раевский Ф. Петербург с окрестностями: с подробным планом и описанием всех достопримечательностей в Петербурге и окрестностях. СПб., 1902. С. 53.

³¹⁵ Юхнева Н.В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга: вторая половина XIX – начало XX века. Статистический анализ. Л., 1984. С. 27.

³¹⁶ РГИА. Ф. 1361. Оп. 1. Д. 93. Отношение финляндской паспортной экспедиции о порядке перечисления граждан Финляндии в Россию. Л. 1–1об.

§ 2. Профессиональный путь финляндцев в Петербурге.

Основной мотивацией выходцев из ВКФ для переезда в столичный город являлось получение выгодной работы. В Санкт-Петербурге финляндцы представляли самые разнообразные слои: среди женщин большая часть работала прислугой (горничные, кухарки), мужчины были подмастерьями, рабочими, батраками; встречались также «лица порядочного звания» – офицеры, чиновники, священники; и люмпенизированные финны – нищие, шабашники, проститутки³¹⁷. На рынке труда выходцы из Финляндии конкурировали с другими иностранцами, прежде всего с немцами, и русским населением, обгоняя последних по уровню грамотности, что являлось преимуществом при устройстве на работу. Высоко ценились услуги финляндских служанок, работу которых хотели получить русские крестьянки, и поэтому специально коверкали свою речь, предлагая «масля-ливки». Приезжие из ВКФ имели репутацию трудолюбивых и добросовестных работников, хотя местами отмечались их неприятный характер, сварливость и даже склонность к пьянству³¹⁸.

Финляндцы были неплохими мастерами-ювелирами, которые первоначальную квалификацию получали в Великом княжестве Финляндском, а затем приезжали оттачивать свое мастерство в крупные ювелирные мастерские, например, Фаберже или Тилландера³¹⁹. Пользовались спросом финляндцы и в инженерно-строительных специальностях – здание Финляндского вокзала, железнодорожные станции финляндской железной дороги, городские предприятия, владельцами которых были выходцы из ВКФ (например, акционерное общество «Крейтон и Ко» по строительству военных

³¹⁷ *Энгман М.* Финны и шведы в Санкт-Петербурге в XIX – начале XX в. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2004. С. 185.

³¹⁸ *Лапин В.В.* Петербург: Запахи и звуки. СПб., 2007. С. 190; *Ниронен Я.* Финский Петербург. СПб., 2003. С. 175.

³¹⁹ *Скурлов В.В.* Михаил Евлампиевич Перхин, мастер-ювелир фирмы «Фаберже» // Личность в истории Петербурга. СПб., 2012. С. 94.

и торговых кораблей, «Общество финляндского легкого пароходства» и др.), обслуживались преимущественно лицами финляндского происхождения³²⁰.

По данным первой всеобщей переписи населения 1897 года, занятия жителей Петербурга с родным финским языком распределялись следующим образом³²¹:

Профессиональная сфера	Количество занятых самостоятельных мужчин	Количество занятых самостоятельных женщин
Деятельность и служба у частных лиц	6,3%	61,3%
Доход с капитала и недвижимого имущества	менее 1%	4%
Доход от казны, частных лиц	2,5%	6,3%
Наука, литература, искусство	менее 1%	менее 1%
Обработка дерева	4,6%	менее 1%
Обработка металлов	20%	менее 1%
Ювелирное дело	6,5%	менее 1%
Изготовление одежды	12,1%	7%
Железные дороги	3,7%	менее 1%
Извозный промысел	13,7%	менее 1%
Стирка и прачечные	менее 1%	6,4%
Другие профессии	29,4%	14,5%

³²⁰ Востров А. Финляндская железная дорога в 1870–1917 гг. как нереализованный фактор сближения двух столиц // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Выборг, 2016. № 17. С. 30–31; Мусаев В.И. Миграционные контакты между Петербургской и Выборгской губерниями // Санкт-Петербург и Страны Северной Европы. СПб., 2006. С. 277.

³²¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Город Санкт-Петербург. Тетр. 2. СПб., 1903. С. 216.

Итого:	100%	100%
---------------	------	------

На доход от указанных профессий жили не только сами работники, но и члены их семей, находившееся у них на обеспечении. Обработка металлов, услужение и изготовление одежды являлись самыми крупными сферами по численности: на средства от этих занятий содержалось почти 50% всех членов семей финноязычных работников – 29,2%, 11,6% и 8% соответственно.

Профессиональные занятия шведоязычных жителей Петербурга выглядели следующим образом:

Профессиональная сфера	Количество занятых самостоятельных мужчин	Количество занятых самостоятельных женщин
Деятельность и служба у частных лиц	7,9%	41,3%
Доход с капитала и недвижимого имущества	4,6%	15,7%
Доход от казны, частных лиц	2,6%	11,5%
Наука, литература, искусство	2,3%	менее 1%
Обработка металлов	19,7%	менее 1%
Ювелирное дело	9,9%	–
Изготовление одежды	7,8%	9,9%
Железные дороги	4,9%	менее 1%
Другие профессии	40%	21,5%
Итого	100%	100%

Занятия финноязычных и шведоязычных жителей были достаточно схожи: основная доля работников была занята в сфере услужения (41,3% женщин), обработки металлов (19,7% мужчин), ювелирного дела (9,9%), а

также изготовления одежды (7,8% мужчин и 9,9% женщин). При схожести отраслей шведоязычные приезжие финансово чувствовали себя более уверенно и могли жить на доходы с недвижимого имущества – 4,6% мужчин и 15,7% женщин, а также 2,3% мужчин являлись представителями профессий в науке, литературе и искусстве³²². В целом шведоязычное население воспринималось высшим по положению³²³, на что влияли несколько факторов. Так, шведоязычные лица были избавлены от уничижительного сравнения с чухонцами, которое на себе испытывали финноязычные приезжие. Кроме того, в понимании современников этой группе добавляла статусности ее причастность к нобилитету ВКФ, в число которого входили нефтепромышленник Э. Нобель, ювелир К. Болин, придворный портной И. Лидваль и другие шведы-предприниматели.

Из указанных данных профессионального устройства финляндцев встречались и те, кто имел собственные торговые предприятия. Масштабы фирм сильно различались: чаще всего в Петербурге были представлены небольшие магазинчики и лавки, а более крупные объединения являлись единичными случаями. По данным адресной и справочной книги «Весь Петербург» за 1900 год, было найдено 77 промышленных и торговых предприятий, которыми владели финляндские подданные³²⁴.

Поиск и отбор сведений происходил по двум критериям: через выявление типичных финских фамилий (оканчивающихся на -нен), и/ или через отбор информации о связях фирм с Финляндией. Таким образом на основании второго критерия в список попали некоторые представители с нетипично финскими фамилиями, а, вероятно, шведскими – Линдерберг, Сигнеус, Тиландер. При сложных случаях проводился дополнительный поиск, который

³²² Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Город Санкт-Петербург. Тетр. 2. СПб., 1903. С. 214.

³²³ *Carlback H.* Swedes in Russia in the late 19th and early 20th century. URL: https://www.academia.edu/23863881/Carlback_Swedes_in_Russia (дата обращения: 14.05.2022).; *Ниронен Я.* Финский Петербург. СПб., 2003. С. 111.

³²⁴ *Весь Петербург на 1900 год: адресная и справочная книга г. С. Петербурга.* СПб., 1900. Отдел 2. С. 1027–1263.

помогал выявить новую информацию о связях предпринимателя с ВКФ. Например, по первичным данным, Александр Михайлович Тайвалант работал торговым агентом на Симбирской улице 35. Дополнительно найденные сведения о его работе в качестве старшего бухгалтера на финляндской железной дороге, а также членство в благотворительном обществе при финском лютеранском приходе³²⁵ позволили идентифицировать его финляндцем и включить в список. В спорных случаях при отсутствии дополнительных подтверждений о связях с Финляндией фамилия не учитывалась. Безусловно этот перечень не включает все финляндские предприятия столицы, однако позволяет приблизиться к примерному порядку цифр и определить географию присутствия финляндцев в городе.

§ 2.1. Транспортные предприятия.

Финляндские фирмы в Санкт-Петербурге рубежа веков охватывали разнообразные сферы: транспортные перевозки, пошив одежды, изготовление и торговля ювелирными изделиями, промышленные заводы разных направленностей и многое другое. Наиболее близко петербуржцы были знакомы с финляндскими транспортными предприятиями, с которыми сталкивались чаще всего. Одной из таких компаний было «Общество финляндского легкого пароходства».

В конце XIX века перевозки по воде были хорошо развиты и входили в общую систему городского транспорта. В то время среди основных перевозчиков по Неве и каналам современниками упоминались два конкурирующих предприятия: «Общество финляндского легкого пароходства», одним из основателей которого был шведоязычный финн Рафаэль фон Гаартман (Haartman), и пароходы купца Шитова³²⁶. Примечательно, что финские пароходы ассоциировались у жителей города с энергичностью и предприимчивостью, а пароходы купца Шитова слыли не

³²⁵ Весь Петербург на 1908 год: Адресная и справочная книга г. С. Петербурга. СПб., 1908. Стб. 1004.

³²⁶ Засосов Д.А, Пызин В.П. Из жизни Петербурга 1890–1910-х годов. Л., 1991. С. 5; Добужинский М. Воспоминания. М., 1987. С. 15.

очень хорошей транспортной компанией: «Пароходы Шитова были сильно изношены, эксплуатация их сопровождалась с риском. Был несчастный случай, когда перевозной пароход с Охты на Калашниковскую набережную во время ледохода получил пробоину и затонул, причем погибли пассажиры»³²⁷.

История финляндских перевозок началась в 1872–1873 годах, когда Рафаэль фон Гаартман приобрел два парохода, которые начали курсировать по маршруту Васильевский остров – Сенатская (Петровская) площадь – Летний сад – Финляндский вокзал. Со временем количество судов увеличивалось, а маршруты расширялись – к 1890 году «Финляндское пароходство» курсировало по 12 линиям, включая Неву, Фонтанку, петербургские каналы, а также Каменный, Крестовский, Елагин острова и Новую Деревню³²⁸. Пароходики носили названия по порядку их изготовления: «Первый», «Второй» и т.д., по оценкам современников, были небольшими (вмещали от 70 до 150 человек) и имели свой отличительный темно-синий цвет. Поездки стоили: две копейки за поперечные рейсы, десять копеек – за продольные (от 13-й линии Васильевского острова до Финляндского вокзала и от Летнего сада на Острова), пять копеек – по реке Фонтанке. После оплаты пассажиры проходили через контрольный турникет, кроме полиции и нижних чинов войск, которые могли ездить даром³²⁹.

По воспоминаниям современников, на пароходах «Финляндского общества» команда состояла обычно из финнов, сдававших особый экзамен при управлении Торгового порта. Капитан и машинист набирались из отставных флотских. Языком общения команды и обслуживающего персонала был русский, который вызывал у финляндцев сложности в произношении, за что их любила дразнить русская публика: «Тихий кот», «Перет!», «Садний кот!»³³⁰. При этом у исследователей нет единого мнения насчет родного языка

³²⁷ Пискарев П.А., Урлаб Л.Л. Старый милый Петербург. СПб., 2007. С. 212.

³²⁸ Мусаев В.И. Финляндское Речное пароходство в Санкт-Петербурге // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2009. С. 113.

³²⁹ Светлов С.Ф. Петербургская жизнь в конце XIX столетия (в 1892 году). СПб., 2008. С. 37.

³³⁰ Григорьев М.А. Петербург 1910-х годов. Прогулки в прошлое. СПб., 2005. С. 93.

персонала финляндских пароходов – отмечалось, что это были только шведоязычные или наоборот финноязычные финны, а также финляндцы, которые владели шведским, финским и русским языками³³¹. Вероятно, этот вопрос не сильно волновал пассажиров, так как и без знания о родном языке команды, они ассоциировали ее с Финляндией.

Финское предприятие пользовалось спросом и было довольно популярным среди горожан: общее количество судов росло, пассажиропоток за год составлял около 10 миллионов человек³³², а в 1896 году удобные парходики появились и на Волге, в Нижнем Новгороде, где их долгое время называли «финляндчиками»³³³. В этом же 1896 году Гаартман выступил с предложением организации парходного сообщения между Ялтой, Севастополем и Феодосией, которое не встретило возражений³³⁴. Высокий статус, надежность и профессионализм финской парходной компании были также отмечены на официальных мероприятиях империи – члены Первой государственной думы после приема в Зимнем дворце в апреле 1906 года отправились по Неве к Таврическому дворцу на маленьких финских парходиках, поданных к царской пристани³³⁵.

Не обходилось предприятие и без некоторых конфликтов с конкурентами. Так, в августе 1888 года арендатор яличных перевозок через Большую Неву, отставной рядовой и временный Петербургский 2-ой гильдии купец, Р.Е. Еремеев обратился в городскую думу с просьбой о воспрещении «Обществу Финляндского легкого парходства» производить пассажирское

³³¹ Янгфельдт Б. Шведские пути в Санкт-Петербурге. СПб., 2003. С. 230; Ниронен Я. Указ. соч. С. 73; Мусаев В.И. Финляндское Речное парходство в Санкт-Петербурге // Указ. соч. С. 114.

³³² Отчет С.-Петербургской городской управы в 1896 году. Ч. 1. СПб., 1897. С. ХLI.

³³³ Тарасов Л.К. От расшивы до крылатых кораблей: Путеводитель по музею речного флота. Горький, 1988. С. 34.

³³⁴ РГИА. Ф. 95. Оп. 3 Д. 408. Департамент торговли и мануфактур. VII отделение. По вопросу об организации владельцем Финляндского парходства фон Гартманом парходного сообщения по побережью Черного моря, между Ялтой, Феодосией и Севастополем. Л. 2.

³³⁵ Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988. С. 339.

сообщение через Б. Неву, так как он несет большие убытки³³⁶. Подобных жалоб от Еремеева поступало несколько, однако город посчитал их безосновательными, и все они были отклонены. При этом городские власти не всегда выступали на стороне финляндского предприятия. В апреле 1905 года «Общество Финляндских пароходов» представило коллективное прошение жителей столицы об установке пристани у Елагина острова и ходатайствовало о разрешении на её устройство³³⁷. Петербургский градоначальник нашел постройку пристани нежелательной по причине того, что с установлением дешевого пароходного сообщения с островом состав гуляющей публики на нем неизбежно изменится, а значит появится необходимость в увеличении полицейских постов, что «при современной ситуации в столице невозможно»³³⁸.

Занимался транспортными перевозками по воде и другой выходец из ВКФ, купец 1-ой гильдии, Брор Ялмар Хеккерт. Его контора «Финляндского пароходства» располагалась на Николаевской набережной В.О.³³⁹ (совр. набережная Лейтенанта Шмидта) и занималась грузоперевозками различных товаров внутри империи и в Финляндию. Семья Хеккертов, вероятно, была шведоязычной, о чем свидетельствует факт крещения их сына Георгия в шведской лютеранской церкви св. Екатерины³⁴⁰, а также язык делопроизводства его предприятия³⁴¹. Кроме водных перевозок, Ялмар Хеккерт владел строительным магазином на Невском проспекте.

Еще одним финляндским транспортным предприятием города были Финляндский вокзал и финляндская железная дорога в целом. Строительство

³³⁶ ЦГИА СПб. Ф. 792. Оп. 1. Д. 4734. По жалобе С.-Петербургского купца Р.Е. Еремеева на отказ городской управы в просьбе его о воспрещении обществу Финляндского легкого пароходства производить пароходное пассажирское движение через р. Большую Неву. Л. 1–1 об.

³³⁷ ЦГИА СПб. Ф. 2075. Оп. 5. Д. 46. По ходатайству правления общества финляндского легкого пароходства о разрешении на устройство пристани. Л. 1.

³³⁸ Там же. Л. 4 об.–5.

³³⁹ Весь Петербург на 1900 год. СПб., 1900. Отдел 2. С. 1102.

³⁴⁰ Загадка Хеккерта // Санкт-Петербургские ведомости. URL: https://spbvedomosti.ru/news/nasledie/zagadka_khekkerta/ (дата обращения: 10.10.2022).

³⁴¹ ЦГИА СПб. Ф. 1621. Экспедиторская и агентурная контора Я.Г. Хеккерта. Оп. 1.

железной дороги Рийхимяки – Санкт-Петербург велось с 1867 по 1870 годы, ее протяженность составила 394 километра, из которых 32 километра проходили по русской территории, от Петербурга до Белоострова. Этот участок, как и вся железнодорожная ветка, до 1894 года находились в ведении Управления финляндской железной дороги, располагавшемся в Гельсингфорсе, а после вошла в состав казенных дорог империи³⁴². Финляндцы полностью взяли процесс строительства на себя: все работы велись по планам, разработанными финскими инженерами, а деятельность контролировалась офицерами путей сообщения ВКФ. Общая сумма, затраченная на постройку, немного превышала 28 млн. рублей, из которых около 10 млн. рублей золотом российское правительство выделило Финляндии³⁴³.

Здание Финляндского вокзала было возведено к 1870 году Выборгским купцом Павлом Яковлевым, взявшим подряд на строительные работы, по проекту Купинского, а внутренняя отделка была осуществлена по проектам финляндских архитекторов В. Вестлинга и П. Дагенаера. Вокзал расположился на Симбирской улице (сейчас ул. Комсомола) Выборгской стороны и стал вторым центром притяжения для финляндцев Петербурга. Территория вокруг этого транспортного узла стала быстро застраиваться различными служебными постройками железной дороги – склады, кассы, железнодорожные и таможенные службы, а немного позже и домами для обслуживающего персонала³⁴⁴. Следом появилась и бытовая инфраструктура, представленная разнонаправленными лавками и конторами хозяйственных услуг, где можно было приобрести товар, зная только финский язык.

Современники подмечали перемену и особую атмосферу этих мест: «Вокзал содержался аккуратно, поезда везли красивые финские паровозы,

³⁴² Свешникова В.Н. Линия Рихимяки – Санкт-Петербург Финляндской железной дороги (от Санкт-Петербурга до Белоострова) // Памятники истории и культуры Петербурга. СПб., 1994. С. 34.

³⁴³ Там же. С. 35.

³⁴⁴ Богданов И.А. Вокзалы Петербурга. СПб., 2004. С. 178

окрашенные темно-синей эмалью»³⁴⁵; «вся дорога обслуживалась финнами в голубых кепи и в форменных тужурках»³⁴⁶; паровозы на Финляндской железной дороге «пели» дискантом, тогда как русские ревели басисто, словно пароходы³⁴⁷. Герой романа Мамина-Сибиряка «Черты из жизни Пепко» несколько в шуточной форме рассуждал о преимуществах финляндской железной дороги: «Я обнял бы всех железнодорожных чухонцев и наконец выпил бы, и съел весь буфет первого класса. Мне нравится вокзал и суетившаяся на нем публика, и чистенькие чухонские вагоны»³⁴⁸.

Финляндская железная дорога была достаточно прогрессивным предприятием, которое не только создавало необходимую для путешествий инфраструктуру, но и обеспечивала финляндцев рабочими местами, даже женщины могли работать кондукторами пассажирских вагонов, что в других частях империи стало доступно позже. Железная дорога связывала приезжих финляндцев с их родиной при различных обстоятельствах: после смерти некоторые выходцы из ВКФ хотели быть похороненными у себя дома, что обеспечивалось финляндским транспортным предприятием, на путях которой можно было видеть «покойницкую с цинковыми гробами на стеллажах», отпевание по лютеранскому обряду и погрузку гроба в товарные вагоны³⁴⁹.

Особенным видом пассажирского транспорта Петербурга являлись финляндские извозчики – вейки, массово стекавшие в столицу на масленую неделю с целью подзаработать. Вейками считались крестьяне-ингерманландцы, проживавшие в окрестных селениях города. Вейки также именовались петербуржцами «чухной» или «чухонцами», что являлось более общим понятием для обозначения приезжих с территории Ингерманландии. Точное количество приезжих извозчиков нигде не фиксировалось и диапазон цифр мог быть разным: Энгман указывал, что финляндская газета «Inkeri»

³⁴⁵ Григорьев М.А. Петербург 1910-х годов. СПб., 2005. С. 80.

³⁴⁶ Засосов Д.А., Пызин В.П. Из жизни Петербурга 1890–1910-х годов. Л., 1991. С. 115.

³⁴⁷ Цит. по: Латин В.В. Петербург: Запахи и звуки. СПб., 2007. С. 172.

³⁴⁸ Мамин-Сибиряк Д.Н. Черты из жизни Пепко // Собр. соч. в 6 томах. Т. 5. М., 1981. С. 153.

³⁴⁹ Успенский Л.В. Записки старого петербуржца. Л., 1970. С. 49.

сообщала о 15 тысячах на 1884 год³⁵⁰, современник Успенский на 1900 год упоминал о 4,5 тысячах³⁵¹.

По воспоминаниям современников, финляндские возницы приезжали на своих «маленьких бойких лошадах с низенькими саночками, которые были увешаны бубенцами и развевающимися разноцветными лентами»³⁵² в воскресенье перед масленичной неделей. Они приносили в столицу ощущения романтизма, свободы и веселья – чопорный Петербург преображался, наполнялся веселым и праздничным звоном бубенчиков, «погремушки будили аппетит к веселью, и являлось желание предаться какой-то чепухе и дурачеству»³⁵³. Вейки использовались для развлекательных целей: днем родители катали своих детей, вечером ездили влюбленные пары, а в более поздний час возвращалась домой загулявшая в ресторане публика. Нередко прогулки сопровождалась риском – по Невскому санки носились наперегонки, случались переворачивания на крутых поворотах и перегрузы, однако публика принимала такие авантюры с оживлением и даже прибавляла извозчику денег «за храбрость»³⁵⁴. Финляндцы плохо говорили по-русски и плохо знали город, поэтому за поездку в любой конец брали «ривенник» или «ридцать копеек», что было очень дешево и вызывало недовольства со стороны их конкурентов³⁵⁵.

Петербургцы ассоциировали вейку с запахом свежего сена, крепкого финского табака и звуками коверканной ингерманландско-русской речи («Ридцать копеек – райний сэна!»). Например, житель Петербурга, писатель Л.В. Успенский, самого извозчика описывал так: «На козлах или на куче сена сидел закутанный карьялайнен (житель Карельского перешейка) в кожаной

³⁵⁰ *Энгман М.* Финляндцы в Петербурге. СПб., 2005. С. 107.

³⁵¹ *Успенский Л.В.* Указ. соч. Л., 1970. С. 205.

³⁵² *Добужинский М.В.* Воспоминания. М., 1987. С. 17.

³⁵³ *Бенуа А.* Мои воспоминания. М., 1980. Кн. 2. С. 290.

³⁵⁴ *Ключева М.* Страницы из жизни Санкт-Петербурга 1880–1910 // Невский архив. СПб., 1997. Вып. 3. С. 184.; *Оболенский В.* Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988. С. 13.

³⁵⁵ *Добужинский М.В.* Воспоминания. М., 1987. С. 18.

ушастой шапке с меховым шариком наверху, с короткой трубкой в зубах, молчаливый, мрачноватый, сущий угрюмый "пасынок природы"»³⁵⁶.

Вейки нравились горожанам, всего на неделю, но они становились важным элементом жизни столицы: «Никто не хотел в эти семь дней ездить на скучных извозчиках, хотя самые дошлые из них тоже пускались на хитрости, подвязывая к дуге какой-нибудь жалкий шарок или вплетая в лошадиную гриву цветную тряпочку»³⁵⁷. Финляндские возницы хорошо вписывались в пространство города-праздника: Петербург любил общественные заведения, публичность, улицу и гулянье³⁵⁸. Традиционные русские гуляния и праздники являлись массовыми городскими событиями, которые приобретали оттенки полиэтничности, вовлекая не только русских жителей, но и представителей других этнических групп Петербурга³⁵⁹.

§ 2.2. Промышленные предприятия.

Другой профессиональной сферой, где можно было встретить финляндскую фамилию, была область промышленного производства. Такие предприятия не имели столь массовых повседневных контактов с петербуржцами как транспортные компании, были единичными, хотя и достаточно масштабными по размеру. Одним из таких примеров являются предприятия финляндского купца из Куопиоской губернии ВКФ Ивана (Иоганна) Семеновича Парвиейнена. Точная дата его переезда не установлена, однако по данным «Первой столичной справочной книги» за 1886 год, в списке купцов Петербурга Парвиейнен уже значился³⁶⁰. К 1894 году финляндский купец владел заводом оцинковочного железа и вел хлебную торговлю на Николаевской набережной. Постепенно дело предпринимателя из Финляндии расширялось и в 1900 году им было получено разрешение на строительство алебастрового завода на 2-м участке Петербургской части по ул. Бармалеевой,

³⁵⁶ Успенский Л.В. Записки старого петербуржца. Л., 1970. С. 202.

³⁵⁷ Там же. С. 204.

³⁵⁸ Берар Е. Империя и город: Николай II, «Мир искусства» и городская дума в Санкт-Петербурге. 1894–1914. М., 2016. С. 127.

³⁵⁹ Келлер Е.Э. Праздничная культура Петербурга: Очерки истории. СПб., 2001. С. 85.

³⁶⁰ Англин А. Первая столичная справочная книга, 1886 – июнь – 1887. СПб., 1886. С. 26.

д. 36³⁶¹. На следующий год делец получил другое свидетельство – на открытие механического завода с отделением цинкового железа во 2-м участке Выборгской части, по Выборгской набережной, д. 15 с численностью рабочих до 360 человек. Примечательно, что второе разрешение уже было выдано на имя торгового дома «Парвиайнен и Ко»³⁶², которое финляндский купец основал вместе с коммерции советником Иоганном Вильгельмом Окерстедтом. Кроме указанных заводов и оптовой хлебной торговли, фирма «Парвиайнен и Ко» имела торговое пароходство³⁶³. Однако И.С. Парвиайнен недолго участвовал в этом партнерстве. В 1902 году он скончался, и на общем собрании правления был выведен из состава акционеров. Управление фирмой постепенно менялось, Окерстедт также перестал принимать в нем участие, и ведение дел к 1906 году перешло к директору-распорядителю Рудольфу Виттингу и директору Отто Брунстрёму³⁶⁴, которые в 1910 году на базе заводов Парвиайнена основали «Русское общество для изготовления снарядов и военных припасов» с акционерным капиталом в 1,8 млн. рублей. Финляндский след предприятия некоторое время фигурировал в названии, но к 1917 году исчез окончательно.

С фамилией Парвиайнен были связаны и другие компании столицы. Кроме Иван Семеновича Парвиайнена, в справочнике за 1901 год упоминался Иоганн Генрихович Парвиайнен, который владел чугунолитейным заводом в районе Б. Охты³⁶⁵. К 1913 году этим владельцем было создано товарищество «Парвиайнен и наследники», включавшим в себя не только чугунолитейный,

³⁶¹ ЦГИА СПб. Ф. 1314. Оп. 1. Д. 6. Свидетельство, выданное Парвиайнену на право постройки алебастрового завода во втором участке Петербургской части по Бармалеевой улице, дом 20 / 36. Л. 2.

³⁶² ЦГИА СПб. Ф. 1314. Оп. 1. Д. 7. Свидетельство Городской управы, выданное торговому дому "Парвиайнен и Ко", на открытие механического завода по Выборгской набережной дом 15. Л. 1.

³⁶³ *Шустов А.С.* Санкт-петербургское купечество и торгово-промышленные предприятия города к 200-летию юбилею столицы. СПб., 1903. Ч. 1. С. 64.

³⁶⁴ ЦГИА СПб. Ф. 1314. Оп. 1. Д. 21. Циркулярные письма об учреждении Акционерного общества заводов "Парвиайнен", списки акционеров. Л. 5.

³⁶⁵ *Весь Петербург на 1901 год: адресная и справочная книга г. С. Петербурга.* СПб., 1900. Отдел 3. С. 433.

но и механический заводы. В 1916 году управление предприятием перешло к сыновьям Иоганна Генриховича – Карлу Ивановичу и Вернеру Ивановичу Парвиайнен, из которых последний также активно участвовал в спортивной жизни Петербурга. По мнению исследователя Я. Ниронена, владельцы всех описанных предприятий являлись дальними родственниками, идентификация которых вызывала сложности из-за разных форматов записи на финском и русском языках³⁶⁶.

Обеспечивало российские военные нужды и другое финляндское предприятие – акционерное общество «В-м Крейтон и Ко». Фирма «Крейтон и Ко» базировалась в Великом княжестве Финляндском в городе Або, занималась постройкой пассажирских и буксирных судов, канонерских лодок, минных крейсеров и миноносцев³⁶⁷. Финляндская фирма использовала современные технологии обработки металла и изготовления паровых машин, что обеспечивало получение заказов. Так, первый контракт Морского министерства с заводом В. Крейтона на постройку двух миноносцев «из самой мягкой» судостроительной стали был подписан 18 октября 1888 года³⁶⁸. С ростом заказов было решено открыть филиал фирмы в Петербурге, численность которого составляла около 600 человек. В 1896 году разрешение на право «безвозмездного 35-летнего пользования бывшей Охтенской верфи с находящимися на ней зданиями» было предоставлено Морским министерством. Такая сделка была выгодна российским властям, так как отдельным пунктом прописывалось обязательство общества «капитально исправить существующие постройки и сооружения, вновь построить необходимые каменные мастерские и по окончании срока пользования безвозмездно вернуть Морскому ведомству в полной исправности»³⁶⁹. Однако «Крейтон и Ко» не стали брать на себя лишние расходы и использовали

³⁶⁶ *Ниронен Я.* Финский Петербург. СПб., 2003. С. 234.

³⁶⁷ *Шустов А.С.* Санкт-петербургское купечество и торгово-промышленные предприятия города к 200-летию юбилею столицы. СПб., 1903. Ч. 2. С. 9.

³⁶⁸ *Грибовский В.Ю.* Финляндские верфи – морскому флоту // Военно-исторический журнал. М., 2019. №7. С. 65.

³⁶⁹ Отчет по морскому ведомству за 1894–1896 годы. СПб., 1898. С. 164.

старые верфи Петербурга минимально, продолжая изготовление основных деталей в Финляндии. Например, изготовление двух паровых катеров для императора Николая II, по сведениям Морского ведомства, велось в Финляндии, и стоимость каждой единицы с полным оснащением и доставкой до Петербурга равнялась 50 тысячам рублей³⁷⁰. Предприятие активно участвовало в нескольких выставках, где представляло свои изделия и получало за них награды: в Москве и Нижнем Новгороде был получен Государственный герб, а в 1900 году в Париже – золотая медаль. Деятельность общества «Крейтон и Ко» в Петербурге была прекращена в 1913 году, когда компания была признана несостоятельным должником из-за накопившихся долгов, превышавших 23 тысячи рублей³⁷¹.

Крупных промышленников среди финляндцев насчитывалось немного, чаще всего на предприятиях они являлись наемными сотрудниками – рабочими или инженерами. Приезжие из Финляндии могли трудоустроиваться в русские и иностранные компании, из которых последние составляли крупный сегмент промышленности Петербурга второй половины XIX века. Среди типичных предприятий, где трудились финляндцы, упоминаются заводы шведской семьи Нобелей или немцев Лесснеров. По сведениям Энгмана, выходцы из ВКФ неоднократно возглавляли предприятия Нобеля: Харальд Берг-старший был директором завода с 1872 по 1888 годы, а Цезарь Холмстрем руководил машинным отделением с 1887 по 1893 годы³⁷². Последний, вероятно, после ухода с должности продолжил заниматься промышленностью. В документах РГИА фонда № 1102 (Документы разных лиц, изъятые из сейфов частных банков и кредитных обществ) содержится купчая, по которой финляндский уроженец, инженер Цезарь Густавович Гольмстрем, в феврале 1907 года за 115 тысяч рублей приобрел у вдовы

³⁷⁰ РГИА. Ф. 1276 Оп. 3 Д. 972. Дело о разрешении заказа Обществу "В. Крейтон" в городе Або (Финляндия) постройки двух паровых катеров для Николая II. Л. 2.

³⁷¹ ЦГИА СПб. Ф. 243. Оп. 1. Д. 369. Дело о признании несостоятельности Акционерного общества «В. Крейтон и Ко». Л. 17–19.

³⁷² Энгман М. Финляндцы в Петербурге. СПб., 2005. С. 195.

лейтенанта Яковлева по Большой Спасской улице недвижимое имущество, включавшее машиностроительный и чугунно-меднолитейный заводы со всем оборудованием³⁷³. Эти постройки стали частью крупного машиностроительного предприятия Вулкан, просуществовавшего до конца XX века.

§ 2.3. Ювелирное дело.

Выходцы из Финляндии считались хорошими специалистами и в более изысканных производствах, а именно – в ювелирном деле. Финляндские подмастерья и мастера получали первоначальную квалификацию на родине, а затем приезжали оттачивать свое мастерство в крупные ювелирные мастерские столицы³⁷⁴. По данным ремесленной управы, в 1905–1906 гг. в серебряно-позументном цехе мастерами были записаны 94 финляндских уроженца³⁷⁵, что составило 8,2% от общего количества, подмастерьев было чуть больше – 133 человека³⁷⁶, или 11,8%. Ювелиры происходили из разных уголков Финляндии, но наиболее были представлены Выборгская, Куопиоская и Абосская губернии.

Некоторым из приезжих удавалось открыть свое дело. Одним из таких ювелиров стал Александр Густавович Тилландер (Александр Эдвард Тилландер). Тилландер приехал из Финляндии в Петербург в первой половине XIX века для улучшения своих навыков, в 1860 году основал собственную ювелирную мастерскую, а вскоре и фирму «А. Тилландер и Ко», которая обслуживала императорскую семью, высших чиновников, прима-балерин Мариинского театра. Обороты фирмы росли: к 1881 году в ней насчитывалось около 30 сотрудников, а годовой объем составлял 70 тысяч рублей. Следующее

³⁷³ РГИА. Ф. 1102 Оп. 1 Д. 1264. Гольмстрем Цезарь Густавович, финляндский уроженец, инженер. Купчая на машиностроительный и меднолитейный завод вдовы и лейтенанта С.П. Яковлевой в Петербурге, приобретенный Ц.Г. Гольмстремом. Л. 1.

³⁷⁴ Скурлов В.В. Михаил Евлампиевич Перхин, мастер-ювелир фирмы «Фаберже» // Личность в истории Петербурга. СПб., 2012. С. 94.

³⁷⁵ ЦГИА СПб. Ф. 223. Оп. 1. Д. 5423. Списки мастеров и подмастерьев серебряно-позументного цеха (1905–1906). Л. 1–44 об.

³⁷⁶ Там же. Л. 45–80.

достижение – статус поставщика императорского двора – было получено в начале XX века, однако владелец предпочел публично нигде не упоминать этого из-за своей «финской гордости»³⁷⁷. Кроме мастерской золотых и серебряных вещей, Тилландер также содержал богато обставленный ювелирный магазин, который располагался в престижных местах Петербурга – сначала на Большой Морской³⁷⁸, а с 1911 года – на Невском проспекте³⁷⁹. Успехом у покупателей пользовались украшения в виде животных, цветов, букетов из цветных камней, а также пасхальные яйца в стиле Фаберже. Примечательно, что вывеска магазина дублировалась на русский, немецкий и французский языки, принадлежность к Великому княжеству Финляндскому не афишировалась. Однако семья Тилландер не забывала своих земляков в столичном городе: через пожертвования для шведской церкви Св. Екатерины они оказывали помощь нуждавшимся³⁸⁰. Кроме материальных связей с финляндскими уроженцами, сохранялись и духовные. Интересен эпизод празднования 50-летнего юбилея фирмы в 1910 году, проходившем в Зимнем саду гостиницы «Европейская»: на нем выступал хор, который исполнял песни на шведском, финском, датском и немецком языках, а по-русски не пелось ни одной песни³⁸¹.

В начале XX века семейный бизнес перешел к Александру Тилландеру-младшему, которому пришлось столкнуться с трудностями на фоне изменившейся общественно-политической ситуации. Несмотря на увеличивавшийся спрос, производственный потенциал фирмы сильно ослаб – сотрудники требовали сокращения рабочего дня, многие ювелиры уезжали в Финляндию, случались и кражи драгоценных изделий. Все эти факторы

³⁷⁷ *Ниронен Я.* Финский Петербург. СПб., 2003. С. 36.

³⁷⁸ *Шустов А.С.* Санкт-петербургское купечество и торгово-промышленные предприятия города к 200-летию юбилею столицы. СПб., 1903. С. 39.

³⁷⁹ *Весь Петроград: Адресная и справочная книга г. Петрограда на 1916 год.* Петроград, 1916. Стб. 1479.

³⁸⁰ *Шрадер Т.* Семья финляндских ювелиров Тилландер в Санкт-Петербурге (XIX – начало XX в.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2010. С. 24.

³⁸¹ Там же. С. 25.

привели к закрытию фирмы накануне революции 1917 года, а сама семья Тилландер из Петрограда перебралась в Финляндию³⁸².

Многие из приезжих финляндцев-ювелиров являлись сотрудниками известной петербургской ювелирной фирмы Фаберже, располагавшейся в собственном здании в центре города, на Большой Морской улице³⁸³. Компания была основана Густавом Фаберже в 1842 году в Петербурге, а в 1870 году перешла к его сыну Карлу, который значительно расширил ювелирное дело отца. Продукция К. Фаберже была популярна, славилась своим качеством и изяществом, что увеличивало количество заказов. Для решения этой задачи управление фирмы создало автономные мастерские, которые работали по заказам и эскизам Фаберже. Среди владельцев, мастеров и дизайнеров этих мастерских было много выходцев из Финляндии – Август и Альберт Хольмстрём, Кнут и Алма Пиль, Х. Вигстрём, А. Неволайнен, А. Ялмар, С. Вяквиве, А. Тилеман и другие³⁸⁴. Предприятия Фаберже в целом являлись многонациональными по составу работников, включая не только приезжих финляндцев, но и русских, немцев, шведов и латышей.

Выходец из Финляндии Август Хольмстрём переехал в Петербург в первой половине XIX века для обучения ювелирному делу. В 1857 году, став золотых дел мастером, он начал сотрудничать с Фаберже, который назначил Хольмстрёма старшим мастером³⁸⁵. Ювелир готовил разнообразные эскизы (табакерки, портсигары, пасхальные яйца с сюрпризами), которые потом превращались в изделия. В 1903 году после смерти Августа мастерская перешла к его сыну Альберту Хольмстрёму, который продолжал сотрудничество с фирмой Фаберже. Работы Альберта отличались миниатюрностью и проработанностью деталей: одно из изготовленных им

³⁸² Шрадер Т. Указ. соч. С. 27.

³⁸³ В это здание фирма переехала в 1900 году.

³⁸⁴ К. Фаберже и петербургские ювелиры. Под ред. В.В. Скурлова. СПб., 1997. С. 39–40.

³⁸⁵ Кузнецова Л.К. Петербургские ювелиры XIX – начала XX в. Династии знаменитых мастеров императорской России. М., 2017. С. 437.

пасхальных яиц «Зимнее» в 1913 году было подарено императором Николаем II своей матери³⁸⁶.

Учеником мастерской Августа Хольмстрёма был другой финляндский ювелир – Кнут-Оскар Пиль, приехавший из южной Финляндии, в поисках финансового благополучия. Пиль был способным и исполнительным учеником, за что Хольмстрём порекомендовал его Фаберже на должность главного мастера только что открывшегося филиала фирмы в Москве в 1887 году. Кнут Пиль окончательно сблизился с семейством Хольмстрём, взяв в жены старшую дочь Августа, Фанни, от брака с которой в 1888 году родилась Алма-Терезия Пиль³⁸⁷. После неожиданной смерти Кнута Пиль в 1897 году семья переехала обратно в Петербург, где Алма стала развивать свои способности к рисованию. А. Пиль продолжала «ювелирный путь» своей семьи: с 1903 года она трудилась рисовальщицей у своего дяди, Альберта Хольмстрёма, а с 1909 года работала дизайнером в ювелирной фирме Карла Фаберже. Одной из ее первых разработок стали эксклюзивные украшения (броши, браслеты, серьги, ожерелья) в зимней тематике, которые были изготовлены по заказу нефтепромышленника Эммануила Нобеля в 1911 году. Ледяная коллекция была совершенно новой и необычной для компании, однако имела успех. Финляндскому ювелиру также принадлежали идеи и дизайн двух императорских пасхальных яиц – «Зимнего», о котором уже говорилось выше, и «Мозаичного», изготовленного в 1914 году качестве подарка для императрицы Александры Федоровны³⁸⁸. Стоимость последнего составляла 23 800 рублей, что было значительно выше стоимости других подобных ювелирных предметов Фаберже.

Трудились финляндские ювелиры не только на предприятиях Фаберже. Так, уроженец Нюландской губернии ВКФ Карл Бланк сделал успешную

³⁸⁶ *Ниронен Я.* Финский Петербург. СПб., 2003. С. 34.

³⁸⁷ *Перевышко А.И., Скурлов В.В., Фаберже Т.Ф.* Петербург Карла Фаберже. СПб., 2005. С. 27.

³⁸⁸ *Тилландер-Гуденгельм У.* Ювелир Алма Пиль // Размышляющий пейзаж. СПб., 2017. С. 123.

карьеру в ювелирной фирме Карла Гана. Само предприятие Гана было открыто в Петербурге в 1873 году как мастерская по производству золотых и бриллиантовых изделий. Компания не имела размахов Фаберже, насчитывая около 30 сотрудников, что, впрочем, не сказывалось на качестве изготовленных изделий. Карл Бланк работал мастером фирмы с 1892 по 1909 год, а после стал компаньоном. После закрытия фирмы «К. Ган» в 1911 году Бланк продолжал самостоятельно работать для Кабинета его императорского величества, изготавливая в своей небольшой мастерской бриллиантовые орденские и фрейлинские знаки, а также наперсные кресты³⁸⁹.

Значительное место в ювелирном мире Петербурга занимала фирма Карла Болина на Большой Морской. Швед Болин приехал из Финляндии в Петербург в первой половине XIX века, где удачно женился на дочери придворного ювелира А. Ремплера и получил в приданое часть ювелирного дела. Болин активно включился в развитие предприятия, которое стало изготавливать заказы для императорской семьи (например, бриллиантовая диадема для жены Николая I), что принесло фирме статус поставщика императорского двора. После смерти Болина-старшего ювелирное дело перешло к его сыновьям, Эдуарду и Густаву, продолжавшим успешное ведение бизнеса до революции 1917 года³⁹⁰.

Семейство Хольмстрём и Пиль, Карл Бланк и Карл Болин являются наиболее известными ювелирами-финляндцами, хотя и представляют небольшую часть всех золотых и серебряных дел мастеров из ВКФ. Деятельность финляндцев в этом ремесле была шире: в адрес-календаре за 1900 год из 77 финляндских предприятий было выявлено 10 фирм, связанных с торговлей или изготовлением ювелирных изделий³⁹¹, и еще 8 мастерских занимались серебряными изделиями³⁹². Несмотря на достаточное присутствие финляндцев в этой отрасли, скорее, для современников их имена оставались в

³⁸⁹ К. Фаберже и петербургские ювелиры. Под ред. В.В. Скурлова. СПб., 1997. С. 114.

³⁹⁰ *Ниронен Я.* Финский Петербург. СПб., 2003. С. 31.

³⁹¹ *Весь Петербург на 1900 год.* СПб., 1900. С. 1078.

³⁹² Там же. С. 1239.

тени – покупатели приобретали изделие у определенного бренда, не обращая внимания на инициалы в клейме изготовителя.

§ 2.4. Малые предприятия выходцев из ВКФ и неквалифицированный труд окрестных финляндцев.

Перечисленные в предыдущих параграфах предприятия являются примерами крупных и средних структур с большим количеством рабочих и капиталами, чьи товары и услуги были известны за пределами локального финно-шведского сообщества. Представители мелкого производства не выполняли крупных общественных задач, и их предприятия были менее узнаваемы, однако они занимали другую важную нишу – оказывали разнообразные бытовые услуги жителям города. Чаще всего это было значительное количество маленьких магазинов, контор или лавок, историческая судьба которых прослеживается сложнее.

Например, заметным было присутствие финляндцев в портняжном и сапожном деле: в 1900 году из 77 предприятий первым ремеслом занимались 9 фирм³⁹³, вторым – 8³⁹⁴. Среди них можно выделить швейные мастерские Карла Густавовича Суоминена и Андрея Андреевича Лютикяйнена, располагавшиеся в центре города около памятника Екатерины II на Невском проспекте и на углу Большой Морской и Кирпичного переулка соответственно³⁹⁵. Обувной магазин и мастерскую в приходском доме финской церкви св. Марии по Большой Конюшенной № 6–8 содержал другой уроженец ВКФ, Абрам Адамович Сиканен. Его фирма существовала с 1875 года, а сам Сиканен был награжден министерством финансов серебряной медалью за трудолюбие и искусство³⁹⁶.

Встречаются уроженцы Финляндии и в содержании продуктовых магазинов и булочных, хотя доля этого занятия среди прочих была небольшой:

³⁹³ Весь Петербург на 1900 год. СПб., 1900. С. 1193–1195.

³⁹⁴ Там же. С. 1156–1161.

³⁹⁵ *Шустов А.С.* Санкт-петербургское купечество и торгово-промышленные предприятия города к 200-летию юбилею столицы. СПб., 1903. Ч. 3. С. 5.

³⁹⁶ Там же. С. 23.

из 77 предприятий было выявлено 4 таких магазина³⁹⁷. Несмотря на незначительный процент участия в кондитерском деле, финляндский промысел по изготовлению выборгских кренделей был выделен как отдельное мастерство ремесленного булочного цеха Петербурга. Среди продукции выборгско-крендельного мастерства отмечались молочные булки с маслом и сахаром, выборгские крендели и тонкий чайный товар, продаваемый на вес³⁹⁸. Таких заведений в Петербурге было немного, но они были особенно заметными для современников, так как выбивались из привычной городской обстановки. Похожую ситуацию из детства с некоторой ностальгией описывал писатель Успенский: «На булочной против Военно-медицинской академии висела вывеска: “Суомаляйелей пякауппа”³⁹⁹, и двое старичков-финнов – булочники, – отлично знавшие меня, приветливо улыбаясь бело-розовыми улыбками, отвешивали мне балабушку душистого, совсем особенного, полубелого хлеба...В финских булочных продавались “финские сэпики”, “финский крэкер”, выборгские, удивительно вкусные, кренделя – лиловато-коричневые с поверхности, с угольками и соломинками, припекшимися к их нижней светлой стороне»⁴⁰⁰. Помимо названных сфер, финляндские приезжие единично занимались содержанием слесарных мастерских, мебелированных комнат, контор торговых посредников, а также ренсковых погребов⁴⁰¹, где можно было приобретать алкогольные напитки на любой вкус.

Отдельно стоит выделить обширную категорию торговли, которой по большей части занимались жители окрестных селений Петербурга, постоянно не проживавшие в пределах столицы. Ингерманландские крестьяне ежедневно привозили в город разнообразные продукты, продавая их во дворах с

³⁹⁷ Весь Петербург на 1900 год. СПб., 1900. С. 1043–1044, 1263–1264.

³⁹⁸ Цеховые знамена ремесленных цехов Санкт-Петербурга конца XVIII – начала XX века из собрания ГМИ Санкт-Петербурга: альбом-каталог/ сост. Кузнецова С.И. СПб., 2019. С. 96.

³⁹⁹ Вероятно, в оригинале было написано «Suomalainen pääkauppa» – финский главный магазин.

⁴⁰⁰ Успенский Л.В. Записки старого петербуржца. Л., 1970. С. 37, 152.

⁴⁰¹ Шустов А.С. Указ соч. С. 4.

многочисленных воев или на рынках⁴⁰². Самым распространённым товаром была молочная продукция (молоко, сметана, сливки, масло), которая свозилась на Охтенский рынок, и там скупалась молочными торговками, охтенками. Кроме молочных продуктов, была популярна торговля раками и рыбой (корюшка, салака, ряпушка), которых жители окрестностей столицы вылавливали в Финском заливе и озерах. Эта продукция сбывалась на Андреевском рынке Васильевского острова, куда ее доставляли «чухонцы-прасолы» (перекупщики) для продажи, либо крестьяне привозили сами. Другие продукты и товары (ягоды, грибы, овощи, дрова, посуда и проч.) продавались в центре Петербурга, на Сенном рынке, где некоторые из приезжих имели свои небольшие лавочки⁴⁰³. Обычно ингерманландцы реализовывали свою продукцию за день, закупали в столице необходимые для себя вещи (греча, чай, сахар, водка) и возвращались домой.

Кроме торговли, ингерманландские крестьяне были заняты другим неквалифицированным трудом, включавшим колку льда, вывоз снега, а также очистку отхожих мест города. Последний вид работ обычно осуществлялся ночью, чтобы не беспокоить местных жителей, а отходы вывозились в окрестные селения с целью продажи в качестве удобрений. За сами работы по очистке ингерманландцы получали от 100 до 200 рублей ежегодно⁴⁰⁴. Еще одним занятием крестьян из окрестностей столицы стал так называемый «питомнический промысел», особенно распространённый в Петербургской губернии на рубеже XIX–XX веков. Основной целью этого занятия являлось содержание и воспитание незаконнорождённых детей столицы. Такие дети попадали в Воспитательный дом Петербурга, откуда их распределяли по приемным семьям соседних губерний. Многие сирот определяли в семьи ингерманландцев, потому что они считались более зажиточными, а также были обеспечены молоком, что являлось важным для содержания грудных детей.

⁴⁰² Бахтиаров А.А. Брюхо Петербурга. СПб., 1994. С. 169.

⁴⁰³ Весь Петербург на 1900 год. СПб., 1900. С. 1235.

⁴⁰⁴ Бахтиаров А.А. Брюхо Петербурга. СПб., 1994. С. 159.

Сами чухонские крестьяне не отказывались, ведь это приносило им определенный заработок. По сведениям журналиста и современника А.А. Бахтиарова, на уход сирот выделялось: 30 рублей в год – за детей до 2 лет, 24 рубля – до 6 лет, 18 рублей – до 10 лет, 12 рублей – до 15 лет⁴⁰⁵. Питомцы воспитывались в среде приемной ингерманландской семьи, впитывая лютеранскую веру, финский язык, а также инородную, нерусскую культуру. Такая ситуация позволяла приемным детям идентифицировать себя финляндцами, что, по мнению исследователя С.Е. Глезерова, приводило к увеличению удельного веса финского населения в Петербургской губернии⁴⁰⁶.

Петербургцы узнавали окрестных крестьян по запоминавшейся косноязычной речи («карошие ливки», «рицать копеек путылка»⁴⁰⁷) и мешковатой одежде – смурым кафтанам или тулупам, с огромными рысьими треухами на голове. В представлении горожан чухонцы слыли мрачными, угрюмыми и часто несговорчивыми людьми, которые, например, отказывались продавать свой товар по дороге, боясь продешевить. Подмечали современники и чухонское пьянство, которое, впрочем, настраивало крестьянина на общительный и разговорчивый лад, нередко сопровождавшийся пением песен. Случалось, что распитие происходило в компании местных жителей⁴⁰⁸, при этом негативный порок приписывался только приезжим ингерманландцам.

§ 3. Известные финляндцы в Петербурге.

Встречались среди финляндцев те, кто смог добиться значительных успехов в своей карьере, чьи имена становились известными не только в Финляндии, но и в других регионах империи. Как правило, эти люди были заняты в военном деле или гражданской службе – сферах, которые могли обеспечить быстрый статусный рост. Представители этой группы были хорошо интегрированы в высшее столичное общество, где проявление

⁴⁰⁵ Бахтиаров А.А. Брюхо Петербурга. СПб., 1994. С. 175.

⁴⁰⁶ Глезеров С.Е. Петербургские окрестности: быт и нравы начала XX века. СПб., 2013. С. 179.

⁴⁰⁷ Бахтиаров А.А. Современный Петербург // Родник. 1903. № 5.

⁴⁰⁸ Салтыков-Щедрин М.Е. Дневник провинциала в Петербурге. М., 1986. С. 99, 132.

национальных черт и демонстрация этнической принадлежности не являлись первостепенными.

Одним из таких деятелей был военный министр Российской империи в 1905–1909 годах генерал Александр Федорович Редигер, который родился в 1853 году в семье потомственного дворянина Великого княжества Финляндского немецкого происхождения. Сознательное детство и юность он провел в восточной Финляндии, в Выборге, куда его семья переехала из Москвы в 1859 году. Редигер вспоминал, что изначально языком его семьи был русский, с переездом стал проникать и немецкий, на котором говорили родители между собой и старшие сестры⁴⁰⁹. Обучение в немецкой школе Бема помогло Редигеру в освоении этого языка, а чуть позже он овладел и шведским, для изучения которого отец определил его в шведский лицей города. В 1866 году будущий военный деятель поступил в финляндский кадетский корпус, где знание шведского ему очень пригодилось, так как основное преподавание велось именно на этом языке. В корпусе русскому языку больше уделяли внимание со стороны грамматики, не практикуя произношение и обороты повседневной речи, что позже доставляло Редигеру неудобства при общении с русскими в Пажеском корпусе⁴¹⁰. Только после нескольких лет проживания в Петербурге, где Редигер в 1870-х годах продолжал образование в Пажеском корпусе и академии Генштаба, он полностью перешел на русский, отказавшись от шведского языка в письменной и устной речи. При продвижении по карьерной лестнице финляндский военный все больше отдалялся от своей родины, о чем упоминал в своих воспоминаниях: «Мой бывший товарищ Мунк 4 марта 1897 пригласил меня на обед, где были почти все финляндцы ... Общество это мне было совершенно чуждо; Лобко меня предупредил, что теперь в ходу масса сплетен, поэтому было бы осторожнее избегать такого общества, а может быть и отказаться от финляндского подданства. Меня с

⁴⁰⁹ Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. I–II. М., 1999. С. 26.

⁴¹⁰ Там же. С. 48.

Финляндией ничего не связывало, и я уже наводил справки, как мне выйти из финляндского подданства, но затем решил, что не стоит об этом хлопотать»⁴¹¹. Вероятно, эти мысли были связаны с политической ситуацией в русско-финских отношениях рубежа XIX–XX веков, которая требовала более четкой позиции от финляндцев по этому вопросу. Несмотря на эти обстоятельства, Редигер продолжил службу и еще более укрепил свое положение среди высших чинов империи, став в 1905 году военным министром. Он сохранил некоторые связи с ВКФ, где периодически навещал родственников, однако уже не ассоциировал себя с этой частью империи – «можно было попасть в междоусобицу в чужой стране, среди чужого народа, языком которого мы даже не владели»⁴¹² – такого мнения о Финляндии придерживался военный чиновник незадолго до 1917 года.

Нашел свое место в столичном Петербурге и другой известный финляндский военный шведского происхождения – Карл Густав Маннергейм. Многие представители его семьи занимали высокие военные и гражданские посты на службе, что обеспечило видное положение в обществе, а позже и графское достоинство, нисходящее к потомкам. Как и многие выходцы из ВКФ, Маннергейм обучался в финляндском кадетском корпусе, однако не окончил его, потому что был отчислен за дисциплинарный проступок. Этот случай, по словам Маннергейма, сильно повлиял на его жизнь, так как именно после этого он решил поступать в Николаевское кавалерийское училище в Петербурге, чтобы стать кавалергардом⁴¹³. Основные сложности при поступлении были связаны с русским языком, который Маннергейм знал недостаточно хорошо и брал дополнительные уроки у своего родственника Бергенгейма в Харькове. Это принесло свои плоды: 1887 году он был зачислен в училище, а через два года успешно завершил обучение и был произведен в корнеты.

⁴¹¹ Редигер А.Ф. Указ. соч. С. 252.

⁴¹² Там же. С. 449.

⁴¹³ Маннергейм К.Г. Мемуары. М., 1999. С. 9.

Петербург открыл Густаву Маннергейму многие двери и дал новые возможности, к которым он так стремился. В столице Маннергейм вел роскошную жизнь, подобающую молодому офицеру гвардейской кавалерии – посещал различные светские мероприятия, на которых был желанным гостем, общался с нужными людьми и завязывал полезные знакомства в высшем обществе. Кроме этого, случались в жизни гвардейского офицера и кутежи, сопровождавшиеся азартными играми и скачками, а также неудачные биржевые сделки, которые, по мнению биографа Маннергейма, вводили его в большие долги⁴¹⁴. При этом современники отмечали профессионализм, упорство и чувство долга, с которыми Маннергейм нес службу. Сам военный вспоминал, что иногда несение караула при Зимнем дворце казалось ему «прикосновением к частичке истории России»⁴¹⁵.

В 1891 году не без помощи своих родственников, семейства Скалон, Маннергейм получил место кавалергарда в Петербурге, открывшее ему дальнейший путь в придворную администрацию. Денежные вопросы финляндского военного решились в 1892 году после удачной женитьбы на дочери генерала Николая Арапова, Анастасии, которая была наследницей большого приданого. Внутри семьи, при общении с женой и дочерьми, в устной и письменной речи использовался французский язык – русский и немецкий Маннергеймы употребляли в имениях в Подмосковье и Курляндии⁴¹⁶. Такое многоязычие было в целом характерно для высших столичных кругов, где смешение языков было естественным, и шведский акцент Маннергейма не был так заметен. Интересно, что финским языком военный деятель владел крайне плохо и говорил на нем с сильным акцентом⁴¹⁷.

Маннергейм был активно вовлечен в жизнь империи: входил в свиту императора Николая II на его коронации, принимал участие в праздновании

⁴¹⁴ *Мери В.* Карл Густав Маннергейм, маршал Финляндии. М., 1997. С. 12.

⁴¹⁵ *Маннергейм К.Г.* Мемуары. М., 1999. С. 15.

⁴¹⁶ *Клинге М.* Густав Маннергейм // Сто замечательных финнов. Коллекция биографий. URL: https://kansallisbiografia.fi/pdf/kb_ru.pdf (дата обращения: 15.10.2022).

⁴¹⁷ *Виноградов К.Б., Новикова И.Н.* Маршал Финляндии Карл Густав Маннергейм // Военно-исторический журнал. 2003. № 8. С. 43.

200-летия Петербурга, руководил одной из операций во время русско-японской войны, за что ему был присвоен чин полковника. При этом финляндец редко вспоминал о своей родине и мало интересовался ее возрастающими политическими проблемами. Исследователи приводят сведения, что подпольная газета пассивного сопротивления в 1905 году включила Маннергейма в черный список финнов, которые продолжали служить русскому царю⁴¹⁸. В начале 1906 года Густав Маннергейм как представитель своего рода посетил последний финляндский сейм, однако не участвовал в политических прениях и, скорее, использовал это мероприятие для налаживания полезных контактов. Примечательно, что в своих воспоминаниях финляндский военный называет себя «финном и убежденным противником русификации»⁴¹⁹. Вероятно, Маннергейм был не совсем честным в этом суждении и старался крепче связать свою столичную молодость с делами Финляндии, которую через несколько десятков лет он возглавил. Окончательное решение о возвращении на родину военный деятель принял в 1917 году, когда атмосфера столичного Петрограда перестала способствовать достижению новых карьерных вершин.

Представители финской семьи Ярнефельт были тесно связаны со столицей империи начиная с 1850-х годов. Глава семьи Август Александр Ярнефельт, дворянин, родился в селении Тохмаярви в восточной Финляндии. Окончив финляндский кадетский корпус, молодой военный поступил в Михайловское артиллерийское училище Петербурга, а позже был направлен в академию Генерального штаба. С 1860-х Ярнефельт занимался геодезическими работами, руководил астрономическими и топографическими съемками в ВКФ, Болгарии и других регионах Балкан. Сделав себе имя, Ярнефельт получил возможность послужить на благо своей родины – с 1883

⁴¹⁸ *Мери В.* Карл Густав Маннергейм, маршал Финляндии. М., 1997. С. 53.

⁴¹⁹ *Маннергейм К.Г.* Мемуары. М., 1999. С. 46.

до 1894 года он занимал посты губернатора в Санкт-Михельской, Куопиоской и Вазаской губерниях⁴²⁰.

Финляндскому военному удалось сблизиться с петербургским светским обществом благодаря женитьбе на Елизавете Клодт, семья которой представляла творческую интеллигенцию столицы. К Петербургу Ярнефельт относился прагматично, завязывая нужные ему связи, оставаясь при этом ярким феноменом, мечтавшим служить своей родине⁴²¹. Основным языком семейства оставался финский, на преимущественном использовании которого настаивал Ярнефельт-старший, хотя при этом женой и старшими детьми, обучавшимися в империи, употреблялись немецкий и русский. Так, Арвид Ярнефельт в конце 1880-х был стипендиатом от Финляндии в Московском университете, где получил юридическое образование, а позже занялся литературой и переводами с русского на финский язык. Ээро (Николай) Ярнефельт связал свою жизнь с искусством, которому обучался в Императорской академии художеств Петербурга под присмотром своего дяди Михаила Клодта, известного пейзажиста⁴²². Финский живописец сблизился с видными русскими художниками того времени – Ильей Репиным, Сергеем Коровиным, с которыми после продолжал дружить многие годы.

Семья Ярнефельт покинула Петербург в 1880-х и окончательно переехала в ВКФ, чего требовала губернаторская служба главы семейства. Елизавета Ярнефельт, выросшая в интеллектуальных кругах имперской столицы, ощущала нехватку культурного общества в Финляндии и старалась создать похожую атмосферу в своем новом доме. Ее литературный салон стал центром обсуждения русской и финской литературы, вопросов политики и религии, что оказало благотворное влияние на зарождавшиеся интеллектуальные финноязычные круги ВКФ⁴²³. При этом Елизавета тяготилась пребыванием в

⁴²⁰ Костоломов М.Н. *Wibrogiana: Краеведческие очерки*. СПб., 2018. С. 538–540.

⁴²¹ Там же. С. 541.

⁴²² Хямяляйнен П. Матери финской культуры: Элизабет Ярнефельт и Айно Сибелиус // *Размышляющий пейзаж*. СПб., 2017. С. 110.

⁴²³ Там же. С. 102, 104.

Финляндии и даже планировала возвращение в Петербург, особенно после ухудшения отношений с мужем, с которым многие годы они практически жили отдельно. «Я чувствую себя крайне несчастливой. Если бы я не оказалась в Финляндии все было бы по-другому. Здесь я чужая, мне кажется, у меня нет права находиться в этой стране»⁴²⁴ – писала в 1890-х скучавшая по столице Елизавета Ярнефельт.

Многим приезжим финляндцам военная служба открывала дальнейший карьерный путь. Не стал исключением и министр статс-секретарь ВКФ Владимир фон Ден. Выходец из южной Финляндии после выпуска из финляндского кадетского корпуса был зачислен в Николаевскую академию Генерального штаба, откуда позже был распределен на Кавказ. Хорошо проявив себя на военной службе, фон Ден продолжал свой путь на гражданском поприще, где служил губернатором Ставропольской (1877–1883) и Выборгской губерний (1883–1885), а также занимал должность министра статс-секретаря по делам Финляндии с 1891 до 1898 годы⁴²⁵. Хотя у немецкого рода фон Дена, как и у многих финляндских семей, не было финской крови, они были очень привязаны к земле, на которой родились и считали своей. Служба фон Дена в Финляндии, по воспоминаниям его друга, финляндского архитектора Якоба Аренберга, была крайне полезна его родине. Министр статс-секретарь выступал за развитие ВКФ, но при этом, придерживался сохранения добрых отношений с Петербургом, особенно во времена императора Александра III, благоволившего фон Дену. Несмотря на свои связи с ВКФ, фон Ден практически не владел финским языком, изъясняясь по-шведски, а в кругу семьи, в основном, использовались русский и английский языки⁴²⁶. После отставки военного чиновника контакты с Финляндией для семьи фон Денов прервались – он и его жена, княжна Нина Святополк-

⁴²⁴ Цит. по: *Хямяляйнен П.* Матери финской культуры: Элизабет Ярнефельт и Айно Сибелиус // *Размышляющий пейзаж.* СПб., 2017. С. 113.

⁴²⁵ Список генералам по старшинству. Сост. по 1-е января 1898 года. СПб., 1898. С. 209.

⁴²⁶ *Аренберг Я.* Из новейшей истории Финляндии // *Голос минувшего.* 1916. № 9. С. 156.

Мирская, переехали жить в Италию, а дети служили в армии или во флоте в разных частях империи.

Многоязычие было в целом характерно для приезжих финляндцев и их семей. Так о своем петербургском детстве вспоминал Тито Коллиандер – финляндский шведоязычный писатель, родившийся в Петербурге в 1904 году. Отец Коллиандера был финляндским военным, офицером императорской армии, возглавлявшим отдел военной цензуры во время Первой мировой войны. Семья Коллиандер была шведоязычной, хотя в их доме царил смешение русского, финского и немецкого языков. В школе при церкви Св. Екатерины Тито и его сестра Маргарете изучали шведский и немного русский, на котором преподавались некоторые предметы. Русский нецензурный язык брат и сестра выучили на улице, давая отпор местным хулиганам⁴²⁷. Столица, привыкшая к культурному и языковому разнообразию, в годы Первой мировой войны стала нетерпимой к проявлению иностранных черт, особенно немецких. С таким случаем столкнулся Коллиандер и его сестра: «Везде в публичных местах запрещалось говорить по-немецки, мы с Муссей по дороге в школу говорили по-шведски. Очень часто нам делали замечание и скандалили “по-шведски, по-немецки, какая разница?”»⁴²⁸.

Список финляндских личностей, вхожих в высшие круги петербургского общества, является довольно обширным и полностью представлен в исследовании не будет. Приведенные примеры позволяют проследить некоторые тенденции в поведении финляндцев в целом. Петербург использовался приезжими в качестве стартовой площадки для своей карьеры, где они могли продолжить свое образование, завязать полезные знакомства или удачно жениться. Столичное общество охотно делилось своим опытом с выходцами из ВКФ, было лояльным и гибким, легко принимая приезжих в свои круги. При этом финляндцы имели возможность индивидуально выстраивать

⁴²⁷ Коллиандер Т. Петербургское детство: Главы из воспоминаний // Невский архив. М.; СПб., 1995. Вып. 2. С. 11, 29.

⁴²⁸ Коллиандер Т. Указ. соч. С. 21.

отношения с городом и сообществом внутри его: находились те, кто полностью погружался в петербургскую жизнь и делал выбор в ее пользу; другая же часть финляндцев, которых, вероятно, было большинство, предпочитали служение своей родине и возвращались в Финляндию.

§ 4. Финляндский социум Петербурга: география и досуг.

Вместе с модернизацией и урбанизацией столичного города второй половины XIX века менялась локация проживания многих социальных групп, так как некоторые места становились слишком дорогими или непригодными для жизни. В свою очередь развитие инфраструктуры и новые виды экономической деятельности стимулировали перемещения горожан на окраины города, которые имели низкую плотность населения. Районы проживания финноязычных жителей отражены в городских переписях населения, при сопоставлении которых можно выявить некоторые тенденции пространственной мобильности финляндцев внутри Петербурга.

Район города/ Год	1869 г. ⁴²⁹		1890 г. ⁴³⁰		1900 г. ⁴³¹		1910 г. ⁴³²	
	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%	чел.	%
Казанская часть	2,4 тыс.	13,2%	1,3 тыс.	7,7%	1,1 тыс.	6%	630 чел.	4,2%
Спасская часть	2 тыс.	11%	1,7 тыс.	10,1%	1 тыс.	5,4%	630 чел.	4,2%
Московская часть	1,6 тыс.	8,8%	1,2 тыс.	7,1%	1 тыс.	5,4%	620 чел.	4,2%
Выборгская часть	2,2 тыс.	12,1%	3,5 тыс.	20,9%	4,5 тыс.	24,5%	3,8 тыс.	25,8%
Петербургская часть	1,3 тыс.	7,1%	1,9 тыс.	11,3%	1,9 тыс.	10,3%	1,7 тыс.	11,5%

⁴²⁹ Санкт-Петербург по переписи 10 декабря 1869 года. СПб., 1872. Вып. 1. С. 57.

⁴³⁰ Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1890 года. СПб., 1891–1892. С. 52.

⁴³¹ Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1900 года. СПб., 1903–1905. Вып.1. С. 52.

⁴³² Петроград по переписи 15 декабря 1910 года. Петроград, 1914. С. 10.

Василеостровская часть	2 тыс.	11%	1,6 тыс.	9,5%	1,6 тыс.	8,7%	1,1 тыс.	7,4%
Оставшиеся части	6,6 тыс.	36,4%	5,5 тыс.	32,9%	7,2 тыс.	39,3%	6,3 тыс.	42,8%
Всего	18,1 тыс.	100%	16,7 тыс.	100%	18,3 тыс.	100%	14,7 тыс.	100%

Из приведенных данных видно, что в 1870–1910е годы основное перемещение финляндцев шло из центра города на его окраины, что подтверждалось уменьшением их численности в центральных районах города (Казанская, Спасская и Московская части) и одновременно увеличением на периферии города – в Выборгской и Петербургских частях. Такой «отход» финноязычных жителей из центра столицы, по мнению Н.В. Юхнёвой, был связан со сменой профессиональной деятельности. В 1860–1870-х годах среди выходцев из ВКФ было много тех, кто приезжал повышать свою квалификацию в различные военные учебные заведения или в ремесленные мастерские, располагавшиеся в центре города. К 1910-м годам численность таких приезжих упала, так как более востребованными стали профессии рабочих на заводах и фабриках⁴³³.

К началу XX века не только по данным статистики, но и по ощущениям петербуржцев, стало заметным преобладание финляндцев на Выборгской стороне города, где проживало «три четверти всех питерских финнов»⁴³⁴. Это связывали с близостью Финляндского вокзала и Выборгского шоссе, обеспечивавшими транспортное сообщение с Финляндией, а также с удобством для финляндских рабочих, старавшихся поселиться ближе к местам своей работы⁴³⁵ – заводам Нобеля, Лесснера и Парвиайнена. Как правило, такие места жительства обрастали разнообразной инфраструктурой, включавшей магазины, аптеки и даже культурно-просветительские дома с

⁴³³ Юхнёва Н.В. Этнические состав и этносоциальная структура населения Петербурга: вторая половина XIX – начало XX века. Статистический анализ. Л., 1984. С. 179.

⁴³⁴ Успенский Л.В. Записки старого петербуржца. Л., 1970. С. 48.

⁴³⁵ Засосов Д.А., Пызин В.П. Из жизни Петербурга 1890–1910-х годов. Л., 1991. С. 20.

библиотеками и школами для детей рабочих. В целом, близко к своему заводу или фабрике жили не только финляндцы, но и другие рабочие Петербурга с целью экономии своего времени, а также денег на проезд и питание⁴³⁶.

В то же время, по состоянию на 1900 год, сохранялась остаточная концентрация приезжих из ВКФ и в центре Петербурга (Казанская, Спасская части), что видно на карте в приложении № 4. На карте отмечено расположение 77 финляндских предприятий, выявленных из адресной книги «Весь Петербург». Расположение магазинов и мастерских в центре Петербурга было связано с топографией спроса столичных жителей, так как Невский проспект, Садовая, Гороховая и соседние с ними улицы являлись основным торговым ареалом города. Зачастую помещение, где располагалось финляндское предприятие, являлось также и местом жительства владельца этого бизнеса. Исследователь Д. Батер приводит мнение, что для торговой и ремесленной прослойки горожан (ремесленники, ювелиры, булочники и т.д.) не было характерным разделение дома и работы и, следовательно, не происходило частых поездок на транспорте⁴³⁷. Лишь небольшая часть владельцев предприятий жила отдельно от своих рабочих мест, однако расстояние не превышало 1,5 километров и оно, вероятно, преодолевалось пешком.

Кроме экономических причин, центр города оставался притягательным для финляндцев, так как там располагались важные для них места – финский лютеранский приход на Малой Конюшенной с массой обществ при нем, а также статс-секретариат по делам Финляндии на Екатерингофском проспекте (совр. проспект Римского-Корсакова).

Таким образом, основными местами концентрации финляндского населения в Петербурге рубежа веков являлись Выборгская сторона и центральные районы города. При этом вряд ли можно говорить о закрытых гетто, так как ареалы проживания финляндцев были достаточно широко представлены в городе. Вероятно, из-за малой заселенности Выборгской

⁴³⁶ *Bater J.H.* St. Petersburg: Industrialization and Change. London, 1976. P. 283.

⁴³⁷ *Ibid.* P. 137, 287.

стороны в целом в восприятии петербуржцев финляндский элемент в этом районе выделялся отчетливее, чем в центре города, где происходило смешение с представителями другими национальных групп.

§ 4.1. Финляндские объединения.

Финляндские общества Петербурга конца XIX – начала XX века были достаточно разнообразными: они состояли из обществ трезвости, различных спортивных объединений, благотворительных обществ и других организаций при финском церковном приходе. Рост количества финляндских объединений отражал общую тенденцию увеличения подобных организаций в России и в мире в целом. Такие общественные ассоциации и союзы занимали важное место в структуре городов, так как «они все в большей степени определяли лицо локального городского общества»⁴³⁸.

Множество финляндских объединений были открыты при лютеранской церкви св. Марии, которая играла в жизни выходцев из ВКФ немалую роль: среди общего количества протестантов Петербурга финляндцы насчитывали почти 18 тысяч человек, уступая по численности только немцам (40 тысяч человек)⁴³⁹. Церковный лютеранский приход св. Марии являлся своеобразным социальным центром для приезжих из Финляндии, включая не только церковь, но и школу для детей, финский книжный магазин, контору финляндского банка, где можно было поменять рубли на финские марки и перевести деньги в банк ВКФ, кассу взаимопомощи и другое⁴⁴⁰.

Финская школа давала начальное образование: первые 3 года были подготовительными, затем следовало еще 3 года высшей школы, которую представляло главное училище финской церкви св. Марии на Большой Конюшенной. Высшая школа предлагала более сложные для изучения предметы: в 5 классе главного училища финской церкви изучали русский,

⁴³⁸ Хоффманн Ш.-Л. Социальное общение и демократия. М., 2017. С. 90.

⁴³⁹ Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1900 года. СПб., 1903–1905. Вып.1. С. 152–153.

⁴⁴⁰ Энгман М. Финляндцы в Петербурге. СПб., 2005. С. 314.

финский, шведский, немецкий языки, алгебру и историю⁴⁴¹. Школы располагались в определенной близости от мест концентрации финляндского населения: одна из них находилась недалеко от прихода, на Мещанской улице (совр. Гражданская), а две других в районе Финляндского вокзала – на Оренбургской улице и Полюстровской набережной⁴⁴² (совр. Свердловская набережная). При этом существовали финские школы и при лютеранских приходах в окрестностях Петербурга – в Лахте, Лемболове, Мустолове, Старожиловке и других местах⁴⁴³. По соседству с финской школой в «лютеранском квартале» существовали учебные заведения при немецком и шведском приходах. Примечательно, что среди них существовала определенная иерархия, по которой немецкая школа занимала лидирующие позиции – в ней обучались русские, немцы или обеспеченные петербургские шведы, промежуточную ступень занимала шведская школа – для шведоязычных семей со средним достатком, замыкала список финская школа⁴⁴⁴.

Вместе со школами в финских лютеранских приходах Петербурга и его окрестностях образованию содействовали книжные магазины, лавки и библиотеки, в которых можно было найти книги и журналы на финском языке. В столице на финском языке издавалось несколько периодических изданий. Только одна газета "Inkeri" просуществовала долгое время, с 1884 по 1905 и с 1907 по 1917 годы, однако, по мнению обозревателя «Петербургского листка», не имела сильной популярности: «Нераспространенность газеты объясняется тем, что в Петербурге мало интеллигентных финнов и газета выходит еженедельно и сильно запаздывает со своими известиями»⁴⁴⁵.

⁴⁴¹ ЦГИА СПб. Ф. 168. Оп. 1. Д. 1. Дневник учеников училища за 1913/1914 учебный год с указанием годов рождения, адресов проживания и фамилий опекунов. Л. 5об.–6.

⁴⁴² Весь Петербург: Адресная и справочная книга г. Санкт-Петербурга на 1908 год. СПб., 1908. Стб. 503.

⁴⁴³ Памятная книжка С.-Петербургской губернии на 1900 год. СПб., 1900. Ч. 2. С. 42.

⁴⁴⁴ Шрадер Т.А. Шведская школа при церкви св. Екатерины в Петербурге (новые архивные материалы) // Этнография Петербурга – Ленинграда: тридцать лет изучения. СПб., 2004. С. 231.

⁴⁴⁵ Петербургский листок. 1899. № 178. С. 3.

При приходе также велась благотворительная деятельность, руководил которой главный пастор Адольф Матвеевич Хаккарайнен, а почетным патроном был чиновник, министр статс-секретарь ВКФ, Август Федорович Лангоф. Финский приход содержал богадельню, а также детский приют для мальчиков в деревне Старожиловка (ст. Парголово), которым ведала Матильда Хаккарайнен, жена пастора⁴⁴⁶. Примечательно, что вся деятельность семьи Хаккарайнен была связана с Финляндией: Адольф и Матильда были заняты делами прихода и благотворительного общества при нем, а их сын, Рафаэль, трудился старшим секретарем, а позже переводчиком в финляндской Е.И.В. канцелярии⁴⁴⁷. Совмещали членство приходского благотворительного общества с основной работой уже упомянутый владелец швейной мастерской Сиканен, а также старший бухгалтер и агент на финляндской железной дороге Александр Тайвалант.

В целом, в Петербурге рубежа XIX–XX веков была распространена деятельность различных локальных обществ помощи, так как это являлось определенной связующей нитью приезжих с земляками. Интересно, что в скандинавском (шведском) благотворительном обществе вице-председателем являлся Александр Тилландер-старший⁴⁴⁸, вероятно больше ассоциировавший себя с финляндскими шведами.

Кроме приходских организаций существовали и автономные, одной из которых являлось крупное по численности финское общество трезвости «Алку» ("Alku"). Общество появилось в Петербурге в 1885 году, а его устав был утвержден 7 марта 1887 года товарищем министра внутренних дел Российской империи⁴⁴⁹. Основная цель общества заключалась в противодействии чрезмерному употреблению всяких опьяняющих напитков

⁴⁴⁶ Весь Петербург: Адресная и справочная книга г. Санкт-Петербурга на 1908 год. СПб., 1908. Стб. 1004.

⁴⁴⁷ Весь Петербург: Адресная и справочная книга г. Санкт-Петербурга на 1908 год. СПб., 1908. Отдел III. Стб. 800.

⁴⁴⁸ Весь Петербург... на 1908 год. Стб. 746.

⁴⁴⁹ ЦГИА СПб. Ф. 254. Оп. 1. Д. 8676. О разрешении доверенному чтений среди финского населения губернии финского общества трезвости «Алку». Л. 3.

среди финляндских уроженцев, проживающих в Петербурге и Петербургской губернии. Средствами борьбы с этим пороком избиралось распространение и чтение книг нравственного и побуждающего к трезвости содержания, устройство народных чтений и бесед о трезвости, устройство гостиниц без крепких напитков, устройство читален и лечебниц⁴⁵⁰. Многим финляндцам Петербурга и его окрестностей цели общества пришлись по душе, о чем свидетельствовали цифры регистрации членов общества: с 1887 по 1898 год в обществе числилось 1307 членов⁴⁵¹, с дальнейшим приростом около 200 человек в год. Состав членов был разнообразным и включал литейщиков, швейных мастеров, рабочих, поваров и многих других. Кроме того, в общество вступали и женщины⁴⁵².

Разросшееся общество трезвости имело свое отделение в пригороде Петербурга (участок Лесной), библиотеку на 230 томов⁴⁵³, а также свой певческий и музыкальный хоры⁴⁵⁴. Одним из основателей, а потом и руководителем (более 15 лет) являлся уже упоминавшийся Карл Густавович Суоминен, мастер портного цеха и владелец швейной мастерской⁴⁵⁵. Среди активных членов общества также числился портной Андрей Андреевич Лютикайнен.

В целом, пример «Алку» был благотворным: к 1891 году начало действовать общество трезвости «Инкери» ("Inkeri"), которое ставило себе схожие цели, только основные действия были направлены на финские приходы Петербургской губернии⁴⁵⁶. Существовали и другие национальные общества

⁴⁵⁰ ЦГИА СПб. Ф. 254. Оп. 1. Д. 8676. Л. 3 об.–4.

⁴⁵¹ РГИА. Ф. 1361. Оп. 1. Д. 129. Книга регистрации членов финского общества трезвости «Алку», проживающих в Петрограде. Л. 146.

⁴⁵² Там же. Л. 29.

⁴⁵³ Весь Петербург: Адресная и справочная книга г. Санкт-Петербурга на 1908 год. СПб., 1908. Стб. 1014.

⁴⁵⁴ Весь Петроград: Адресная и справочная книга г. Петрограда на 1916 год. Петроград, 1916. Стб. 1025.

⁴⁵⁵ ЦГИА СПб. Ф. 254. Оп. 1. Д. 8676. О разрешении доверенному чтений среди финского населения губернии финского общества трезвости «Алку». Л. 8.

⁴⁵⁶ Устав общества сорежнователей трезвости «Инкери». СПб., 1891. С. 3.

трезвости Петербурга, например, эстонское общество трезвости «Верность» ("Ustavus"), первое упоминание о котором встречается в 1896 году.

Не были чужды финляндцы и спорту, который особенно набрал силу к началу XX века. Одним из ярких проявлений спортивного интереса стало основание в 1893 году Петербургского финского гимнастического общества. По уставу, утвержденному в 1901 году министром внутренних дел Российской империи, финское гимнастическое общество «учреждалось с целью способствовать развитию и поддержанию в здешних финнах стремления ко всякого рода гимнастическим упражнениям и спорту»⁴⁵⁷. Для достижения этих целей финское гимнастическое общество проводило упражнения в гимнастике и спорте, устраивало чтения и беседы по названным предметам, проводило для своих членов катания на коньках, лыжах, лодках, организовывало состязания, спектакли и вечера. В общество допускались лица, достигшие 15-летнего возраста и уплатившие годовой взнос в размере 20 рублей; женщины также могли быть членами этого общества.

Хотя численно финское спортивное общество не могло сравниться с «Алку» (к 1908 году в нем состояло около 60 членов⁴⁵⁸), оно было достаточно активным и известным среди других спортивных обществ города. Так, в августе 1915 года финское гимнастическое общество провело открытое состязание по легкой атлетике на поле спортклуба «Унитас». Проводились соревнования по бегу, метанию ядра и по прыжкам в длину, где представители финского спортивного общества поделили призовые места с участниками других спортивных клубов Петербурга⁴⁵⁹. Постоянным финляндским участником являлся совладелец промышленного товарищества «Парвиайнен и наследники» спортсмен Вернер Парвиайнен, также возглавлявший Петербургское финское гимнастическое общество в 1916 году.

⁴⁵⁷ ЦГИА СПб. Ф. 254. Оп. 1. Д. 9456. Об утверждении проекта устава Шуваловского финляндского гимнастического общества Петербургского уезда. Л. 34 об.

⁴⁵⁸ Весь Петербург: Адресная и справочная книга г. Санкт-Петербурга на 1908 год. СПб., 1908. Стб. 1020.

⁴⁵⁹ Вечернее время. 1915. № 1221. С. 2.

Схожее спортивное финское гимнастическое общество пытались учредить в марте 1905 года в селении Шувалово Петербургского уезда финляндские уроженцы с целью популяризации спорта. Организаторами общества выступали сотрудники финляндской железной дороги, уроженцы Выборгской губернии, А. Шеблом и И. Эклев, а также уроженец Гельсингфорса Ф. Шмидт, занимавшийся сапожным делом⁴⁶⁰. Несмотря на положительные отзывы об учредителях и отсутствие препятствий со стороны полиции, рассмотрение дела достаточно затянулось. К концу 1906 года открытие общества перестало быть актуальным, так как двое из его учредителей, Шеблом и Эклев, были назначены по делам службы в разные пункты железной дороги, а вслед за ними отказался Шмидт⁴⁶¹. Возможно, подобная тактика затягивания была задумана властями намеренно, однако это может быть только предположением, потому что других подобных случаев в отношении финляндских объединений не встречалось. Наряду с финскими спортивными обществами в 1915 году в Петербурге было открыто отделение шведского спортклуба «Камратерна» ("Kamraterna"), которое поддерживало физическое развитие в среде молодежи, говорящей по-шведски⁴⁶².

В целом, интерес к спорту активизировался в преддверии летних Олимпийских Игр 1912 года, проходивших в Стокгольме. Примечательно, что сборная Финляндии на Олимпиаде была представлена отдельно от Российской империи⁴⁶³. Подробное изложение ситуации приводится в очерке Г.А. Дюперрона, активного сторонника спорта и олимпийского движения в России.

Еще в 1896 году для определения участников в регламент Олимпийских Игр было введено понятие «нация», под которым понималась страна, имевшая своего представителя в МОК или та страна, которая на последних Играх уже

⁴⁶⁰ ЦГИА СПб. Ф. 254. Оп. 1. Д. 9456. Об утверждении проекта устава Шуваловского финляндского гимнастического общества Петербургского уезда. Л. 6.

⁴⁶¹ Там же. Л. 20 об.

⁴⁶² Устав спортивного общества "Kamraterna". Петроград, 1915. С. 3.

⁴⁶³ Вечернее время. 1912. № 165. С. 2.

была признана за «нацию»⁴⁶⁴. В МОК была представлена только Россия, а Финляндия своего представителя не имела, значит принимать участие в Играх не могла. Положение изменилось, когда в 1908 году из состава представителей от России был выведен князь Сергей Белосельский-Белозерский, и заменен финляндцем бароном Виллебрандтом для облегчения отношений с ВКФ. «Постепенно при фамилии Виллебрандта в официальных изданиях МОК стала появляться отметка Finlande, а затем и уже Финляндия появилась в качестве самостоятельной “поднации” со своим представителем»⁴⁶⁵, – сообщал Дюперрон. Историк И.Н. Новикова приводит другие сведения о начале складывания финляндского олимпийского спорта. По ее мнению, успехи финляндцев на внеочередной афинской Олимпиаде 1906 года⁴⁶⁶ стали причиной того, что МОК поставил вопрос о введении в его состав финляндских представителей, которым и стал Виллебрандт⁴⁶⁷.

Окончательно с таким положением вещей пришлось считаться, когда на Олимпиаде в Лондоне в 1908 году Финляндия выступила самостоятельно, а официальных представителей от России не было. При этом сложившаяся ситуация не виделась Дюперрону ненормальной – наоборот он находил это правильным, так как финляндский спорт развивался сам и был во многих областях сильнее российского.

В сравнении с финнами сборная Россия выступила на Играх в Стокгольме скромно, завоевав 5 медалей (16 место в общем зачете) против 26 финских (4 место). Такая ситуация привлекла внимание обозревателей к спортивной сфере: «В то время как финляндцы заняли одно из первых мест на Олимпиаде, мы, к своему стыду, оказались далеко в хвосте. В некоторых видах спорта мы

⁴⁶⁴ Сунник А. Российский спорт и олимпийское движение на рубеже XIX–XX веков. М., 2004. С. 366.

⁴⁶⁵ Цит. по: Сунник А. Российский спорт и олимпийское движение на рубеже XIX–XX веков. М., 2004. С. 466.

⁴⁶⁶ Считаются Внеочередными олимпийскими Играми, не признаются МОК как официальные и не входят в перечень Игр (Большая олимпийская энциклопедия. М., 2006. Т. 1. С. 200).

⁴⁶⁷ Новикова И.Н. Россия и участие Великого княжества Финляндского в олимпийском движении в начале XX в. // Новейшая история России. СПб., 2018. Т. 1. С. 145.

вообще не имели представителей, где-то потерпели фиаско, в других не послали лучших представителей. Надо признаться, что до последнего момента спортом в России совершенно не интересовались»⁴⁶⁸. Для получения соревновательной практики Россия решила проводить свои внутренние спортивные Олимпиады, которые состоялись в 1913 году в Киеве и в 1914 году в Риге. Кроме того, предлагалось использовать опыт иностранных спортсменов, которые часто приводились в пример: «Английские и шведские бойскауты совершенствуются на свежем воздухе, в этом направлении пошла и Финляндия. Они усиленно занимаются всяким спортом не только в городах, но и деревнях, где через каждые 5–6 верст вы встретите народный дом со всеми возможными гимнастическими упражнениями»⁴⁶⁹.

Успех финляндцев в олимпийском движении повысил их престиж в глазах столичных спортивных организаций, которые стали все чаще приглашать финляндцев на совместные турниры. Соревнования русских и финских команд проводились в Петербурге и на территории Финляндии, в Выборге и Гельсингфорсе, охватывая различные виды спорта – хоккей, футбол, конькобежный спорт и легкую атлетику. Заинтересованность в таких состязаниях прослеживалась и со стороны спортивных обозревателей, тщательно следивших за анонсами и результатами каждой встречи⁴⁷⁰.

Финляндцы считались серьезными соперниками и периодически одерживали победу над российскими командами: «Вчера в Петрограде играла выборгская команда “Камратерна”. Матч с гостями являлся реваншем лучшей петроградской команды “Невы” за поражение, нанесенное выборжцами ранее в этом году»⁴⁷¹. О профессионализме финских спортсменов также вспоминал известный российский и советский лыжник Николай Максимович Васильев, который в 1913 году стал чемпионом России, но в этом же году в Петербурге проиграл на других соревнованиях финнам – братьям Ниска и Сантери Тазе.

⁴⁶⁸ Вечернее время. 1912. № 190. С. 3.

⁴⁶⁹ Там же. № 190.

⁴⁷⁰ Вечернее время. 1913. № 445. С. 4; 1917. № 1762. С. 3.

⁴⁷¹ Вечернее время. 1915. № 1045. С. 2.

Васильев тогда же впервые увидел финскую технику бега и мази для лыж, обнажившим недостатки русского лыжного спорта⁴⁷².

Некоторые соревнования между русскими и финскими клубами описывались прессой как международные: в сентябре 1912 года в Петербурге прошел международный футбольный матч Россия – Финляндия, где Россию представлял Петербургский кружок любителей спорта, а за финскую сторону выступало Выборгское спортивное общество «Рейпас»⁴⁷³. Такой же статус был присвоен состязаниям по конькобежному спорту в 1915⁴⁷⁴ и 1916 годах⁴⁷⁵, прошедшим в Выборге. Примечательно, что единых положений о статусе финских команд в Российской империи не было, правила каждого турнира устанавливались организаторами самостоятельно.

Так, обновился регламент и в Кубке национального первенства по конькобежному спорту, проходившем в Петрограде в феврале 1916 года, где «не разрешалось участие иностранных спортсменов». Для того, чтобы обойти это условие, в состязание национального первенства был включен кубок А.Я. Щитова, который разрешал участие иностранных конькобежцев, дав «возможность сравнить силы финских конькобежцев с нашими»⁴⁷⁶. Схожая ситуация сложилась вокруг Кубка «Вечернего времени» по легкой атлетике, который проводился в сентябре 1916 года в столице империи. В регламенте прописывалось, что «к участию допускаются исключительно русские спортивные организации, входящие в число членов всероссийского союза легкой атлетики»⁴⁷⁷. При этом среди судей этого соревнования были финляндец Вернен Парвиайнен и легкоатлет Павел (Пауль) Иванович Лидваль, который вырос в семье выходца из Швеции, известного петербургского портного.

⁴⁷² *Васильев Н.М.* Воспоминания. Как я проиграл финнам // Физкультура и спорт. 1935. № 2.

⁴⁷³ Русский спорт. 1912. № 38. С. 3.

⁴⁷⁴ К спорту! 1915. № 10. С. 2.

⁴⁷⁵ Вечернее время. 1916. № 1391. С. 3.

⁴⁷⁶ Вечернее время. 1916. № 1395. С. 2.

⁴⁷⁷ Вечернее время. 1916. № 1600. С. 2.

Таким образом, к 1910-м годам сфера спорта стала в какой-то мере новой вехой в русско-финских отношениях. Именно в этой области длительное стремление финляндцев к самостоятельности раньше всех дало плоды и выразилось в обособленности команды ВКФ на Олимпийских Играх 1908 и 1912 годов. Такое положение постепенно охватывало и уровень локальных соревнований, где спортсмены и команды из Финляндии приобретали новый статус иностранцев и не могли участвовать во внутренних состязаниях Российской империи. При этом финляндцы Петербурга и их спортивные объединения не воспринимались в столице чуждыми – они выступали организаторами общих соревнований, развивали городской спорт, а также могли входить в состав русских команд⁴⁷⁸.

§ 5. Преступность среди финляндцев.

Не всегда приезжим финляндцам удавалось добиться успеха в большом городе, находились среди них и те, кого жизнь в столице заставляла приспособливаться разными способами, иногда нарушая закон. Основными пороками выходцев из ВКФ являлись попрошайничество, представлявшее различные изощренные формы, проституция, нелегальное пребывание в Петербурге, а также множественные виды краж⁴⁷⁹.

Темы, связанные с опасностями большого города для финляндских девушек, часто транслировались в финноязычной прессе Петербурга в 1870–1890-х годах. В основном такие рассказы строились по схожему сценарию: молодая финляндка приезжает в Петербург для поиска работы прислугой, после получения должности приезжая увлекается жизнью большого города, перестает посещать церковь и завязывает непристойные отношения со своим работодателем, что в конце приводит ее к жизни на улице, больнице или даже смерти⁴⁸⁰. В 1840-х годах проститутки предлагали свои услуги недалеко от Сенной площади, где можно было встретить не только многочисленные

⁴⁷⁸ Вечернее время. 1915. № 1205. С. 2.

⁴⁷⁹ *Энгман М.* Финляндцы в Петербурге. СПб., 2005. С. 285.

⁴⁸⁰ Там же. С. 283.

торговые лавки и ремесленников, но и «чухонских нимф»⁴⁸¹. Подобная тенденция локализации проституток и публичных домов в центральных районах города (Казанская и Спасская части) сохранилась и в 1870-е годы. Примечательно, что по сведениям статистики процент финляндских проституток среди представительниц этой профессии был не так высок. По данным на 1889 год, в Петербургской губернии (вместе со столицей) насчитывалось около 2,5 тысяч проституток. Основную часть составляли русские девушки – 2,1 тысячи, или 84 %. Что касается представительниц других национальностей, то из них было 89 финляндок – 3,5 %, 121 немка – 4,8 %, 56 поляк – 2,2 %⁴⁸². Большая часть девушек из ВКФ предпочитала работать в одиночку, в домах терпимости трудилось меньше одной трети от их общего количества. Основная часть женщин до перехода в проституцию являлась крестьянками, занятыми в сфере обслуживания – горничные, прислуга и белошвейки⁴⁸³.

Среди других проступков, за которые финляндцы были осуждены, чаще всего встречалась кража (конокрадство или со взломом), причинение телесных повреждений, умышленные и непредумышленные убийства. При этом процент преступников-финляндцев среди общего количества был также невысок. По сведениям статистики за 1904 год, окружными и мировыми судами в Санкт-Петербургском округе было осуждено 5659 мужчин и женщин, из которых выходцы из ВКФ составляли 69 человек или 1,2 %. Для сравнения: доля поляков была равна 2,4 %, немцы же представляли менее 1 % от всех осужденных⁴⁸⁴. Интересно, что в 1904 году кроме указанных выше деяний, также со стороны финляндцев встречалось оскорбление и неуважение

⁴⁸¹ *Гоголь Н.В.* Невский проспект // Полное собрание сочинений. М., 1938. Т. 3. С. 36.

⁴⁸² Проституция: по обследованию 1-го августа 1889 года // Под ред. А. Дубровского. СПб., 1890. С. 28.

⁴⁸³ *Лебина Н.Б., Шкаровский М.В.* Проституция в Петербурге (40-е гг. XIX в.– 40-е гг. XX в.). М., 1994. С. 76.

⁴⁸⁴ Свод статистических сведений о подсудимых, оправданных и осужденных по приговорам общих судебных мест, судебно-мировых установлений и учреждений, образованных по законоположениям 12 июля 1889 года, за 1904 год. СПб., 1907. Ч. 2. С. 157. Ч. 3. С. 64.

власти⁴⁸⁵, что, вероятно, могло быть связано с активизацией пассивного сопротивления, направленного против имперской политики. В 1910 году процент небольшого участия в преступлениях среди нерусского населения в Санкт-Петербургском округе сохранялся: 1,4 % приходилась на финляндцев, 2 % – на поляков, немцы удерживали показатель ниже 1 %⁴⁸⁶.

Не все проступки и преступления финляндцев попадали под уголовную ответственность, встречались и менее серьезные правонарушения. Например, определенный вид денежного обмана был зафиксирован на Митрофаниевском финском кладбище в 1887 году. Заведующий кладбищем финляндский уроженец Вильгельм Кастегрейн «самовольно распорядился разрыть могилу, где был похоронен гроб с телом покойного Алениуса, перенести его в другое место и похоронить в общей могиле с другими покойниками. Могилу Алениуса засыпал, чтобы похоронить в ней другого»⁴⁸⁷. За подобные деяния Кастегрейн был приговорен к штрафу в 100 рублей. Другое дело было связано с обвинением финляндского уроженца Абосской губернии, бывшего золотых и серебряных дел мастера, Иоганна Лагерта в поджоге своего дома, совершенного им 25 августа 1880 года. Лагерт облил керосином сарай и чердак означенного дома, оставаясь на месте происшествия и не принимая участия в тушении пожара. После инцидента финляндский уроженец «получил денежную выгоду от страховой премии за застрахованный в коммерческом страховом от огня обществе дом»⁴⁸⁸.

Обвинялись представители Финляндии также в провозе контрабанды и нарушении таможенного устава на границе между Петербургской губернией и Великим княжеством Финляндским. Такие дела рассматривались в

⁴⁸⁵ Там же. Ч. 2. С. 152.

⁴⁸⁶ Свод статистических сведений о подсудимых, оправданных и осужденных по приговорам общих судебных мест, судебно-мировых установлений и учреждений... за 1910 год. СПб., 1913. Ч. 1. С. 161. Ч. 2. С. 72.

⁴⁸⁷ ЦГИА СПб. Ф. 792. Оп. 1. Д. 4627. По заявлению гласного В.И. Коростцова о беспорядках, обнаруженных на Митрофаниевском финском кладбище. Л. 3.

⁴⁸⁸ ЦГИА СПб. Ф. 254. Оп. 1. Д. 14210. О заключении в исправительное арестантское отделение финляндского уроженца И. Лагерта за поджог. Л. 2–2об.

Ратгаузском суде города Выборга, куда под расписку вызывались обвиняемые⁴⁸⁹. Ввозимые товары на таможене довольно строго досматривались, так как многие из них облагались таможенными пошлинами (кофе, пиво, мед, табак и т.д.), доход от которых составлял немалую часть бюджета ВКФ, полностью тратившийся на нужды края⁴⁹⁰.

Встречались финляндские имена и в делах, касавшихся участия в революционном движении, что было обусловлено обострившейся политической ситуацией в ВКФ. Так, летом 1905 года финляндский уроженец Нюландской губернии Николай Браск «был задержан в нетрезвом виде за передачу рядовому Карасеву, находившемуся в наряде на Обуховском заводе, прокламации, озаглавленной “Долой воровскую мобилизацию”, издательства РСДРП»⁴⁹¹. Наказанием за такие преступления обычно служили высылка и запрет на проживание в пределах Санкт-Петербургского генерал-губернаторства. Иногда случались и оправдательные приговоры, как в деле Густава Лоухелайнена, задержанного весной 1905 года за участие в собрании рабочих в районе Старой деревни. Вероятными причинами освобождения от наложенного наказания стали несовершеннолетие финляндского уроженца, доказанная незначительность его вины, а также поручительство матери, содержательницы мастерской золотых изделий, Марии Тиандер, которой он был отдан на поруки⁴⁹².

В целом, содействие финляндцев революционным событиями 1905 и 1917 годов был довольно значительным. Кроме помощи с территории Финляндии в виде провоза нелегальной литературы, оружия и укрывательства русских революционеров, определенные действия проводились финляндцами

⁴⁸⁹ ЦГИА СПб. Ф. 254. Оп. 1. Д. 2085. Переписка с канцелярией Финляндского генерал-губернатора Выборгским губернатором и другими учреждениями о вызовах в суд разных лиц, о взыскании недоимок, штрафов и по другим вопросам. Л. 14, 106.

⁴⁹⁰ Путеводитель по Финляндии под ред. Карелина. СПб., 1911. С. 45.

⁴⁹¹ ЦГИА СПб. Ф. 2075. Оп. 6. Д. 306. О высылке за пределы столицы финляндского уроженца Н.Ф. Браска. Л. 7.

⁴⁹² ЦГИА СПб. Ф. 2075. Оп. 6. Д. 193. О высылке за пределы столицы финляндского уроженца А. Лоухелайнена. Л. 4–4 об.

в самом Петербурге. Так, в рамках октябрьской политической стачки 1905 года одним из первых финляндских предприятий, принявшим в ней участие, стала «Петербургская станция финляндских казенных железных дорог». По отчету офицера Генерального штаба, в течение ночи забастовка дошла до Выборга, а после распространилась на весь край, где остановилась вся железнодорожная сеть, фабрики, заводы и магазины⁴⁹³. Даже после спада забастовочных настроений финляндские рабочие продолжали быть частью революционного движения Петербурга. Например, в годовщину стачки в 1914 году завод Парвайнена (800 чел.), мастерские общества Финляндского пароходства (170 чел.), завод Нобеля (900 чел.) и завод Лесснера (600 чел.) приостановили свою работу, выражая солидарность событиям 9 января 1905 года⁴⁹⁴.

§ 6. Итоги.

Разнообразие профессиональных сфер, где были заняты финляндские приезжие, было довольно широким. Финляндцы были трудолюбивыми и предприимчивыми в ведении дел своих компаний, которые могли существовать не один десяток лет. За свои труды они получали соответствующие награды и знаки отличия: например, в 1898 году владелец «Финляндского пароходства» Ялмар Хеккерт и его сотрудники, капитаны Арвид Лунден и Густав Тенгстрем, за продолжительную службу и особое содействие в доставке экспонатов на Стокгольмскую выставку 1897 года были представлены к золотой и серебряным медалям для ношения на груди на Станиславской ленте⁴⁹⁵. Звание личного почетного гражданина было получено другим финляндским уроженцем, Эдуардом Мальстедтом, за его работу и «немаловажные услуги отечественной промышленности» на Сампсониевском вагоностроительном заводе и в правлении предприятий Нобеля⁴⁹⁶.

⁴⁹³ ГАРФ. Ф. 499 Оп. 2. Д. 5. Краткий очерк о революционном движении в Финляндии с 16 по 25 октября 1905 г., составленный полковником Генерального штаба Ниве П.А. Л. 2об.–3.

⁴⁹⁴ Копейка. 1914. № 1970.

⁴⁹⁵ РГИА. Ф. 20 Оп. 2 Д. 1211. О награждении за общепользную деятельность по Министерству финансов за майскую треть 1898 г. Л. 236, 257.

⁴⁹⁶ Там же. Л. 200.

Финляндские предприятия, как и другие компании столицы, были органично встроены в городскую структуру, чьему развитию власти не препятствовали и даже способствовали. Это подтверждается примерами фирм «Парвиейнен и Ко» и «Крейтон и Ко», получившими разрешения на открытие заводов. Городским властям было выгодно сотрудничество с этими компаниями, так как они обеспечивали выполнение казенных заказов, привлекали капитал и внедряли новые технологии. Например, в 1893 году департамент торговли и мануфактур при Министерстве финансов выдал финляндскому уроженцу Л. Миллеру привилегию на изобретение совершенно нового способа изготовления особого сорта пива под названием «Шампанское пиво»⁴⁹⁷. Удовлетворяли финляндские компании и растущий спрос петербуржцев на определенные услуги. Так, новую главу в перевозках открыло «Общество Финляндского пароходства» Гаартмана, распространив их не только на столицу, но и на ряд других городов империи – Нижний Новгород, Ялту и Севастополь.

Фирмы выходцев из ВКФ задавали высокую планку, служили некоторым примером для конкурирующих предприятий и имели хорошую репутацию в городе: например, ювелирная мастерская Тилландера на выставке 1885 года была единственной, кто представил исключительно бриллиантовые изделия⁴⁹⁸. Скорее всего, такая ситуация сложилась не без влияния общественных настроений публики, которая зачастую считала товары и услуги нероссийского производства более качественными, чем отечественные. При этом вклад в военные сферы российской промышленности действительно был немалым: «Крейтон и Ко» построил около 15% российского минного флота на Балтике⁴⁹⁹, а элементы производства «Парвиейнен и Ко» продолжили свое существование

⁴⁹⁷ РГИА. Ф. 24 Оп. 6 Д. 1427. О выдаче привилегии на 10 лет финляндскому землевладельцу Л. Мюллеру на способ изготовления нового пива названия «шампанским». Л. 8.

⁴⁹⁸ Цеховые знамена ремесленных цехов Санкт-Петербурга конца XVIII – начала XX века из собрания ГМИ Санкт-Петербурга. СПб., 2019. С. 139.

⁴⁹⁹ Грибовский В.Ю. Финляндские верфи – морскому флоту // Военно-исторический журнал. М., 2019. № 7. С. 70.

под именем Ленинградского механического завода им. Карла Либкнехта, функционирующего до сих пор.

Для самих предпринимателей из Финляндии их производственная деятельность, помимо получения прибыли, помогала им сохранять связи со своими земляками и другими иностранными подданными, с которыми им удавалось общаться в процессе работы. Такие контакты облегчали процесс адаптации в чужом городе, а также в какой-то мере поддерживали домашние привычки и нравы⁵⁰⁰. При этом предприятия финляндских уроженцев являлись частью жизни Петербурга и были ориентированы на потребности его жителей, которые охотно принимали разнообразные новшества и привнесенные извне элементы.

Выходцы из ВКФ представляли и другие профессиональные и бытовые сферы, которые имели более скромные объемы, чем крупные заводские и транспортные предприятия. Как правило, такая деятельность была связана с оказанием различных повседневных услуг – портняжное, сапожное, трубочистное и кондитерское дело. Отмечались финляндцы (в большей степени ингерманландцы из окрестностей столицы) и в ежедневной доставке продуктов питания, на которые в Петербурге имелся спрос – разнообразная молочная продукция, рыба и раки, грибы и ягоды.

Финляндский социум столицы рубежа XIX–XX веков имел сложную и неоднородную структуру – он был представлен высшими слоями, в которых преобладал шведский элемент, ремесленниками и торговцами средней руки, а также приезжими гостями, постоянно не проживавшими в Петербурге. Каждый из этих социальных слоев имел свои подходы для интеграции в городское пространство.

С одной стороны, финляндское население Петербурга представлялось достаточно замкнутым сообществом, которое имело свои школы для детей, книги и журналы на финском языке, разнообразные спортивные, духовные

⁵⁰⁰ Вишняков-Вишневецкий К.К. Иностранцы в промышленной жизни Санкт-Петербурга во второй половине XIX века. СПб., 2008. С. 10.

объединения и многое другое. В пользу узости этого национального общества говорит факт повторяющихся финляндских имен, которые могли возглавлять сразу несколько организаций – владельцы заводов или мастерских также являлись председателями и активными участниками нескольких финляндских обществ (Карл Суоминен, Андрей Лютикайнен, Вернер Парвиайнен), а члены одной семьи могли быть связанными с Финляндией в разных профессиональных сферах (Хаккарайнен). Многие предприятия, имевшие отношение к финляндцам и Финляндии, независимо от их значения (крупная фабрика или спортивный кружок), облегчали приезжим из ВКФ восприятие большого столичного города, в котором они уже были не одни. При этом наличие большого количества таких объединений говорило о существовании гражданского общества в городе, которое было свободно при выборе своих занятий.

В то же время финляндцы из высшего слоя (офицеры и предприниматели), скорее, имели более гибкие границы общения, так как им чаще приходилось устанавливать контакт с высшим обществом Петербурга, которое могло помочь в достижении карьерного успеха. В этих кругах национальность и язык не играли определяющей роли и вхождение новых лиц в эту группу происходило легче, чем в среде обычных горожан. Рядовые ремесленники и рабочие из финляндцев, скорее, больше взаимодействовали внутри круга своих земляков и жили по более типичному сценарию: переезд в столицу с целью заработка, поддержание культурных связей своего сообщества, отъезд или приобретение более высокого положения и возможность остаться.

При этом складывалась необычная и где-то парадоксальная ситуация – вероятно, для основной массы петербуржцев наиболее заметными были именно рядовые финляндцы (сотрудники железной дороги и пароходов, вейки, торговцы и прислуга). С этой категорией приезжих ВКФ местные жители имели более частые бытовые контакты в некоторых районах города (Выборгская сторона, «лютеранский квартал»), что в свою очередь

формировало определенные географические ассоциации в образе финляндцев. Указанные локации были наиболее «привычными» для выходцев из ВКФ, но при этом не единственными – финляндцы проживали во многих районах города и не были закрыты от других участников городского пространства. Вместе с географическими представлениями на формирование образа влияло и повседневное общение, которое создавало механизм более простой идентификации, в связи с чем, вероятно, понятие «чухонец» с точки зрения петербуржцев было наиболее удобным.

Можно сказать, что в быту и при личном контакте к финляндцам относились нейтрально: они качественно выполняли свою работу, достаточно редко фигурировали в делах о преступлениях и правонарушениях, хотя и могли быть замеченными за употреблением алкоголя, но вряд ли были самыми пьющими жителями столицы. Случалось, что петербуржцы высмеивали их угрюмый характер и ломаную речь, но, вероятно, такая практика вошла в некую привычку, так как местные подшучивали над многими иностранцами, а не только финляндцами⁵⁰¹.

Проживание в столичном мегаполисе отражало уникальную ситуацию: город накладывал свой отпечаток столичного ритма жизни, давал новые профессиональные возможности, но при этом не мешал и даже сохранял проявление собственных национальных и культурных традиций для приезжих. Скорее, пример финляндцев столицы отражал сосуществование нескольких идентичностей – и финляндских подданных и петербургских жителей одновременно, которые чаще всего спокойно сочетались.

⁵⁰¹ *Кони А.Ф.* Петербург. Воспоминания старожила. СПб., 1922. С. 60.

Глава 3. Город Выборг и дачные местности Выборгской губернии в представлениях русских приезжих.

Географическое пространство между столичным Петербургом и финляндским Выборгом, обозначенное в этой работе, являлось пограничной областью, на которой происходили активные миграционные перемещения русских и финляндских жителей. Мотивы переезда в Петербург выходцев из ВКФ и их восприятие остальными петербуржцами, уже рассмотренные в этой работе, представляли собой одну из сторон пограничных миграций. В то же время второй стороной этого общего процесса являлись встречные перемещения столичных жителей в Выборгскую губернию, которым уделяется внимание в этой главе. Приезжий русский элемент привносил в этот регион аспекты своей нефинской культуры, к которым некоторые местные жители были восприимчивы. Это позволяет задать вопросы о степени влияния столичных приезжих на эти территории, а также об уровне интеграции и ориентированности Выборгской губернии в составе Российской империи.

Основными мотивами посещения русскими жителями территории Карельского перешейка на рубеже XIX–XX веков являлись дачный отдых и туристическо-экскурсионные поездки, о чем говорилось в параграфе 1.1. Вероятно, самым популярным и многочисленным из этих составляющих было дачное пребывание, которое стало значительной составляющей образа жизни петербуржцев благодаря влиянию столичного мегаполиса.

Загородный усадебный, а позже и дачный отдых развивался как часть культурной среды города, а также в определенной степени являлся продуктом урбанизации⁵⁰². Развитие путей сообщения способствовало этому процессу. При этом появление многочисленных объектов железнодорожной инфраструктуры, рост промышленных предприятий на городских окраинах Петербурга, а также загрязнение городской среды побуждали жителей ехать в более отдаленные местности, которые позже сформировались как дачные

⁵⁰² *Ловелл С.* Дачники: история летнего житья в России 1710–2000. М., 2013. С. 6.

пригороды. Дачная жизнь становилась своеобразным «промежуточным состоянием» между городом и деревней⁵⁰³, а также воспринималась в качестве убежища, где можно было отдалиться от суеты, но при этом не потерять связей с городом.

Одним из таких относительно близких, но в то же время достаточно отдаленных мест считалась Финляндия, которая имела особый статус не только в политической повестке, но и в восприятии петербуржцев: своеобразное идеальное загородное поместье, одновременно знакомое и экзотическое⁵⁰⁴. Интерес к путешествиям на территорию ВКФ, а особенно в Выборгскую губернию, у русской публики сложился в 1830-е годы и, постепенно набирая обороты, к концу XIX века стал модным увлечением разнообразных социальных слоев⁵⁰⁵.

Свое пребывание в Финляндском крае и впечатления от него русские приезжие фиксировали в различного рода письменных источниках, корпус которых в виде мемуаров, воспоминаний, периодических и этнографических очерков, путеводителей, поэмах и стихах назывался финским историком Н. Минар-Төрмянен травелогом⁵⁰⁶. Примечательно, что именно этот комплекс литературы влиял на формирование образа финляндцев в сознании других жителей Российской империи, которые не бывали на этих землях. В то же время такие мнения часто являлись личными и довольно часто были предвзятыми. Например, в них присутствовало романтизированное восхищение «обыкновенными» финнами из Терийоки, их силой, упорством и трудолюбием, которые противопоставлялись русскому, не всегда правильному

⁵⁰³ *Марасинова Е.Н., Каждан Т.П.* Культура русской усадьбы // Очерки русской культуры XIX века. Т. 1. М., 1998. С. 320.; *Размышляющий пейзаж: Русская Финляндия и финский Петербург.* СПб., 2017. С. 202.

⁵⁰⁴ *Minard-Törmänen N.* Finland as a borderland in the Russian Empire // Новое литературное обозрение. М., 2020. № 6.

⁵⁰⁵ *Lam K.* Shared space, varied lives: Finnish-Russian interactions in dacha country, 1880s–1920s: a dissertation of the requirements for the PhD degree of History. Michigan, 2013. P. 40.

⁵⁰⁶ *Minard-Törmänen N.* Finland as a borderland in the Russian Empire // Новое литературное обозрение. М., 2020. № 6.

укладу жизни⁵⁰⁷. Встречались и описания личного негативного опыта, который, впрочем, был аргументирован, и полностью не вторил мнениям, которые транслировались на страницах правоконсервативной прессы империи о жителях ВКФ.

В Выборгской губернии для русской публики существовало несколько центров притяжения, которым травелогии уделяли пристальное внимание. Одним из них являлся город Выборг, который раньше других мест был включен в процесс русско-финляндского взаимодействия. Другим популярным местом стало селение Терийоки, сосредотачивавшее крупные массы столичных дачников на рубеже XIX–XX веков. Природные ландшафты Финляндии были наиболее широко представлены в описании окрестностей знаменитого водопада Иматра, который часто становился целью поездок русских и иностранных приезжих.

§ 1. Выборг – «витрина» Великого княжества Финляндского.

Выборг и его окрестности с древних времен являются местом переплетения нескольких культур. Многие путеводители⁵⁰⁸ и современные исследователи⁵⁰⁹ обосновывают этот тезис уникальным географическим положением города, который имел хорошо защищенную естественную гавань, близость к внутренним водным путям и богатым лесным районам. Все это постепенно сформировало Выборг как важный торговый порт, а позже и железнодорожный узел, где происходило взаимодействие многих этносов: местных шведов и финнов, немцев и приезжих русских, что подтверждалось языковым многообразием города.

⁵⁰⁷ *Лескинен М.* Поляки и финны в российской науке второй половины XIX века: «Другой» сквозь призму идентичности. М., 2010. С. 183, 250.

⁵⁰⁸ *Вольперт Г.* Описание г. Выборга с окрестностями Монгерос и водопадами Иматра, Нейц-Ниemi и Кирен-Коски с Саймовским каналом. Выборг, 1874; *Baedeker K.* La Russie. Paris, 1897; *MacCallum Scott A.* Through Finland to St. Petersburg. London, 1908; *Грэнхаген К.* Спутник по Финляндии 1899–1914. СПб., 1914; *Сакслин Т.* Путеводитель по Выборгу и окрестностям. Выборг, 1915.

⁵⁰⁹ *Кенн Е.Е.* Выборг: Художественные достопримечательности. Выборг, 1992; *Мейнандер Х.* История Финляндии. М. 2017.

Вхождение территорий Выборгской губернии в состав Российской империи в 1721 году обусловило ориентацию на восток, где ближайшим соседом был Санкт-Петербург. Новое положение дало толчок укреплению русско-финляндских связей в этой части Финляндии и, при этом до середины XIX века они касались в основном военной и торгово-промышленной областей. По мере развития путей сообщения во второй половине XIX века Выборг и его окрестности стали привлекательными для более широких слоев русского населения, что к рубежу XIX–XX веков активизировало повседневные контакты в социокультурной сфере. Эти факторы внешнего воздействия столичного Петербурга оказывали влияние и на внутригородское развитие Выборга. С увеличением численности жителей финляндского города менялся его облик и устройство – Выборг приобретал европейские черты и комфортную инфраструктуру, что стимулировало перемещения путешественников и дачников.

Феномен Выборга интересен, город эволюционировал и постепенно приобретал некую силу притяжения не только для приезжих извне, но и для жителей восточной Финляндии.

§ 1.1. Городское развитие Выборга в XVIII – начале XX веков.

В 1710 году город Выборг был завоеван русской армией в рамках Северной войны. Для обеспечения безопасности недавно заложенного Санкт-Петербурга требовалось овладеть Карельским перешейком с Выборгом – крупной шведской крепостью восточной Финляндии. Со второй попытки город был взят, горожанам было обещано сохранение их веры и земель, а также помощь в восстановительных работах, так как большая часть домов была разрушена до основания⁵¹⁰. Северная война была закончена подписанием Ништадтского мирного договора 1721 года, в 4-й статье которого закреплялись территориальные изменения. Согласно этим положениям, Швеция уступала России «в совершенное вечное владение и собственность Лифляндию,

⁵¹⁰ *Бородкин М.М.* Двухсотлетие взятие Выборга. СПб., 1910. С. 18.

Эстляндию, Ингерманландию и часть Карелии с дистриктом Выборгского лена»⁵¹¹. В составе Российской империи земли Выборга и окрестностей образовали Выборгскую провинцию Санкт-Петербургской губернии, а с 1744 года – Выборгскую губернию с центром в Выборге⁵¹². Для новых территорий, вошедших в состав империи, сохранялся прежний региональный принцип управления, действовавший при шведской власти. Чиновники империи поддерживали такие порядки и законодательно не стремились к «обрусению» края⁵¹³.

Впрочем, русские нормы и традиции все равно проникали в Выборгскую губернию, проводниками которых являлось переселенное из других регионов империи русскоязычное население. Такие меры предпринимались дворянами и военачальниками (И.А. Мусин-Пушкин, Я.Ф. Долгоруков, П.С. Салтыков и другие), получившими к середине XVIII века значительные земельные наделы в собственность. Главной особенностью пребывания русских крестьян на этих территориях стало распространение крепостнических порядков (запрет покидать земли без разрешения, уплата оброка), с которыми местные финляндцы до этого не сталкивались⁵¹⁴. Кроме того, новые веяния распространились и на религиозную сферу – сразу после взятия Выборга была освещена первая в этом регионе православная Петропавловская церковь. В XVIII веке большинство православных церквей были военными и временными, только в 1790 году был открыт Спасо-Преображенский собор, позже ставший кафедральным для Финляндской епархии⁵¹⁵. Безусловно, такая ситуация добавила городу национальной и языковой пестроты – одновременно со шведской, финской и немецкой культурами стала проникать русская.

⁵¹¹ Цит. по: Ништадтский мирный договор и рождение империи. М., 2021. С. 67.

⁵¹² Исторический очерк Русская Райвола XIX – начала XX века // Русская Райвола XIX – начала XX века: сборник документов / сост. А.Г. Румянцев. СПб., 2015. С. 8.

⁵¹³ *Пааскоски Ю.* Жалованные земли на территории Старой Финляндии 1710–1812 // Русский Сборник: исследования по истории России. Т. XVII: Финляндия и Россия. М., 2015. С. 87.

⁵¹⁴ *Расила В.* История Финляндии. Петрозаводск, 2006. С. 75.

⁵¹⁵ *Латин И.С.* Храмы Карельского перешейка. От старой до новой границы. СПб., 2019. С. 78–80.

Способствовали росту многонациональности города и развивавшееся торговые процессы. Выгодное географическое положение позволяло Выборгу быть в центре торговых путей между русскими, немецкими и шведскими городами. Городской порт также давал возможность устанавливать и поддерживать контакты с другими западными странами, преимущественно с Англией и Голландией⁵¹⁶.

Немалый толчок развитию города дало окончательное «воссоединение» региона: объединение «Старой и Новой Финляндии», которое было предпринято императором Александром I в конце 1811 года. Такая мера была нацелена на унификацию «наименования и самого образа управления»⁵¹⁷, чтобы избежать путаницы, с одной стороны, а с другой, подтвердить финнам лояльность российских верхов, которая была провозглашена манифестом Александра I от 15 марта 1809, данным в Борго: «Признали Мы за благо сим вновь утвердить и удостоверить Религию, коренные Законы, права и преимущества, коими каждое состояние сего Княжества в особенности и все подданные оное населяющие от мала до велика по Конституциям их доселе пользовались, обещая хранить оные в ненарушимости и непреложной их силе и действии»⁵¹⁸. Кроме того, объединение «двух Финляндий» могло улучшить положение крестьян на жалованных землях, которые после 1811 года были встроены в финскую систему управления, что гарантировало им личную свободу⁵¹⁹.

Такие меры позволили региону развиваться с ориентацией на финскую культуру, при этом окончательное воссоединение Финляндии не уменьшило деловой активности и интереса к Выборгской губернии со стороны русскоязычного населения. Финские авторы Н. Башмакофф и М. Лейнонен упоминают, что к 1850-м годам в Выборге русские купцы составляли более

⁵¹⁶ *Адаскина В.И., Вассель И.П.* Выборг. Путеводитель. Л., 1969. С. 16.

⁵¹⁷ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Т. 31. № 24907.

⁵¹⁸ *Шиловский П.* Акты, относящиеся к политическому положению Финляндии. СПб., 1903. С. 10.

⁵¹⁹ *Пааскоски Ю.* Жалованные земли на территории Старой Финляндии 1710–1812 // Русский Сборник. Т. XVII. М., 2015. С. 109.

50% от всего купечества города⁵²⁰. Кроме того, Выборг являлся важной военной крепостью, где был расквартирован русский гарнизон, состоявший из различных частей войск (гарнизонный, артиллерийский, инженерный батальоны и другие). Численность русских военных постоянно менялась, однако их присутствие в многонациональном городе было заметным, так как они транслировали русскую «бытность» – строили православные церкви и вели свою отдельную общественную жизнь⁵²¹.

Финляндский город постепенно рос и развивался как торговый центр с большими капиталами. Современник Ф.К. Дершау в 1840-х годах отмечал, что торговля Выборга находилась «в цветущем состоянии»⁵²², а многие товары (кожи, рыба, полотна, бумажные ткани, дрова) отправлялись в Россию и в заграничные порты. При этом сам город, по его замечанию, был «не великим, с населением в 6 тысяч человек, но весьма опрятным, содержащимся в удивительном порядке»⁵²³. Немного другие данные о численности жителей Выборга давал журнал Министерства народного просвещения за 1839 год: 12 тысяч горожан, из которых чуть более шести тысяч составляли русские⁵²⁴. Кажется, последняя цифра выглядит убедительнее, так как орган имел административные ресурсы для более детального подсчета, а издатель «Финского вестника» Дершау мог высказать собственное предположение. До середины 1860-х годов городская жизнь в Выборге оставалась провинциальной и разобщенной. По воспоминаниям Редигера, главенствующее положение в городском обществе в это время занимала шведско-немецкая часть, представленная массой чиновников и предпринимателей. Русское же общество, преимущественно состоявшее из семей офицеров местного гарнизона и купцов, практически не владело

⁵²⁰ *Baschmakoff N., Leinonen M. Russian life in Finland 1917–1939 // Studia Slavica Finlandensia. T. XVIII. Helsinki, 2001. P. 23.*

⁵²¹ *Luntinen P. The Imperial Russian Army and Navy in Finland. 1808–1918. Helsinki, 1997. P. 247.*

⁵²² *Дершау Ф.К. Финляндия и финляндцы. СПб., 1842. С. 19.*

⁵²³ Там же. С. 15.

⁵²⁴ Журнал Министерства народного просвещения. Ч. XXIV. Отд. V. С. 5.

немецким или шведским языками⁵²⁵, что отдаляло его от остального социума города.

Поворотным моментом в судьбе Выборга и Выборгской губернии в целом, по мнению большинства современников и исследователей, стало развитие транспортного сообщения, которое выразилось в строительстве Сайменского канала и финляндской железной дороги. Эти события второй половины XIX века позволили Выборгу и его окрестностям по-настоящему окрепнуть в статусе экономического, туристического и транспортного узла⁵²⁶ для русской и финляндской сторон.

Первым транспортным нововведением стал Сайменский судоходный канал, который соединил озеро Сайму с Финским заливом. О строительстве канала задумывались еще в XVI веке по причине существовавших в перевозке неудобств: торговые судна должны были выгружать свои товары близ города Вильманстранда в Выборгской губернии, до Выборга везти их сухопутно, где вновь погруженные они отправлялись в новые местности по Финскому заливу⁵²⁷. Это приводило к временным задержкам, а также к увеличению стоимости конечного товара. Возведение канала имело экономические и политические причины – российские власти стремились улучшить торгово-промышленное состояние этого региона, а также продемонстрировать жителям края свою добрую волю. Проект канала и работы на нем контролировались финляндскими чиновниками, а также приглашенным из Швеции инженером Нильсом Эриксоном, тогда известным по сооружению водного канала в Швеции⁵²⁸. Из-за трудно разрабатываемого грунта прокладка Сайменского канала явилась непростым делом и заняла 13 лет, с 1843 до 1856 года. Итоговая стоимость строительства оказалась немного меньше запланированной и составила чуть больше трех миллионов рублей. Выгоды от

⁵²⁵ Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. I–II. М., 1999. С. 24.

⁵²⁶ Сакслин Т. Путеводитель по Выборгу и окрестностям. Выборг, 1915. С. 24.

⁵²⁷ Вольперт Г. Описание г. Выборга с окрестностями Монгерос и водопадами Иматра, Нейц-Ниemi и Кирен-Коски с Саймовским каналом. Выборг, 1874. С. 51.

⁵²⁸ Кенн Е.Е. Выборг: Художественные достопримечательности. Выборг, 1992. С. 111.

нового транспортного пути были очевидны: в 1897 году по нему прошло 5188 судов, в 1910 году – 9402, а доход от канала в 4 раза превышал прибыль от всех подобных сооружений в Финляндии⁵²⁹. Сайменский канал обеспечил транспортное сообщение акватории Сайменского озера с Финским заливом, что увеличило оборот грузоперевозок в Восточной Финляндии. Водная артерия сыграла положительную роль и в перевозке пассажиров, которые с берегов Саймы могли быстрее добраться до портов Балтики и Средиземного моря.

Вторым важным моментом в развитии Выборгской губернии стала постройка в 1870 году железнодорожной ветки Рийхимяки – Санкт-Петербург, проходившей через Выборг. О мотивах и этапах строительства железной дороги подробно рассказывалось в параграфе 2.2.1., поэтому в данной части освещаются лишь преимущества открытия этого транспортного пути.

Наибольшие выгоды от строительства финляндской железной дороги были заметны в сфере торгово-экономических отношений. Железная дорога облегчила и ускорила перевозку многих грузов между ВКФ и другими частями империи. Основными ввозимыми в Финляндию товарами были хлеб, мука, крупы, кормовые составы, удобрения, масла, а также табак. По состоянию на 1899 год их было привезено из России около 110 тысяч тонн⁵³⁰. Что касается вывозимых товаров из Великого княжества Финляндского, то ими были древесные строительные материалы (доски, бревна), которыми был богат этот регион, разнообразное писчебумажное сырье, а также стеклянные и гончарные изделия. Кроме того, развивался товарооборот внутри Финляндии, между Гельсингфорсом, Иматрой, Карелией и Выборгом, где последний укреплял свой статус в качестве одного из крупных торгово-промышленных центров края.

⁵²⁹ Kenn E.E. Указ соч. Выборг, 1992. С. 113.

⁵³⁰ РГИА. Ф. 1361. Оп. 1. Д. 40. О расширении станции Финляндской ж/д "С-Петербург" и рассмотрение вопроса о соединении Финляндской ж/д с имперской. Л. 4.

Кроме экономики, влияние финляндской железнодорожной ветки сказалось на туристических и экскурсионных поездках, количество которых сильно возросло. Российское общество начиная с 1830-х годов постепенно открывало для себя Финляндию, куда любили ездить лечиться, отдыхать или любоваться природой. Прежде такие путешествия были долгими и сопровождались неудобствами, поэтому не были массовыми и популярными. Появление нового вида транспорта стимулировало интерес петербургского общества к Выборгу и Карельскому перешейку в целом, и даже способствовало так называемому «дачному буму» рубежа XIX–XX веков⁵³¹.

Изменилось не только количество русских приезжих, но и их социальный состав. Так, до строительства дороги русскоязычное население в Выборге в основном было представлено торгово-деловыми кругами – купцами и ремесленниками, военными и чиновниками. Открытие железной дороги привлекло в финляндский город новую социальную группу – петербургскую интеллигенцию, которая была достаточно массово представлена путешественниками, дачниками и экскурсантами. Такие перемещения русскоязычного общества привели к тому, что «совершенно национально финский»⁵³² Выборг и Выборгская губерния стали местом наибольшей концентрации русского населения во всей автономной Финляндии. По данным на 1904 год, в Выборгской губернии проживало больше российских подданных, чем в Нюландской губернии с центром в Гельсингфорсе: 39 тысяч против 15 тысяч человек⁵³³. Это были только зафиксированные цифры, в действительности присутствие русских приезжих в этом регионе ощущалось сильнее.

Приезжих из центра Российской империи город привлекал своей новизной и неизведанностью. Для туристов Выборг являлся воротами на запад – через Гельсингфорс и Або можно было попасть в шведский Стокгольм. В

⁵³¹ *Кустов В.М.* «Русская Финляндия»: встреча культур между Западом и Востоком // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Выборг, 2016. № 2. С. 53.

⁵³² *Сакслин Т.* Путеводитель по Выборгу и окрестностям. Выборг, 1915. С. 23.

⁵³³ Статистический ежегодник России 1904. СПб., 1905. С. 71, 88.

Выборге путешественники осматривали памятники и достопримечательности, общались с местными финляндцами, которые «казались не особенно симпатичными из-за своей угрюмости и холодности», и иногда не понимали по-русски. Помимо Выборга, экскурсионные маршруты включали поездку по Сайменскому каналу к городу Вильманstrand, а затем посещение водопада Иматра, которым некоторые туристы были сильно восхищены, и даже ставили на второе место после Ниагарского⁵³⁴. Эти места были достаточно популярны и ориентированы на большой туристический поток – из Выборга туда отправлялось до 10 поездов в день⁵³⁵.

Кроме туризма и экскурсий, русско-финляндским контактам способствовал летний дачный отдых в окрестностях Выборга. Вместе с популярными местами Карельского перешейка (Терийоки, Куоккала и др.) спросом у русской публики также пользовались окрестности Сайменского канала – курорты Юстила и Ловоло⁵³⁶.

В целом, Сайменский канал и финляндская железная дорога открыли новую главу в истории Выборга и его окрестностей. Авторы разнообразных путеводителей едины во мнении, что эти транспортные новшества позволили измениться городу до неузнаваемости: он ожил, обогатился, стал отправной точкой и узлом, соединяющим не только Петербург с Гельсингфорсом, но и другие части Восточной Финляндии⁵³⁷.

Вместе с социокультурными связями усложнялся и облик города. К концу 1880-х быстрый прирост городского населения, развитие коммуникаций, появление заводов и фабрик требовали модернизации городского центра⁵³⁸. Выборг стал застраиваться по новым генеральным планам, и к концу XIX века

⁵³⁴ *Вольперт Г.* Описание г. Выборга с окрестностями Монгерос и водопадами Иматра, Нейц-Ниemi и Кирен-Коски с Саймовским каналом. Выборг, 1874. С. 31.

⁵³⁵ *Сакслин Т.* Путеводитель по Выборгу и окрестностям. Выборг, 1915. С. 65.

⁵³⁶ *Maccallum Scott A.* Through Finland to St. Petersburg. London, 1908. P. 100. P. 115.

⁵³⁷ *Грэнхаген К.* Спутник по Финляндии 1899–1914. СПб., 1914. С. 51; *Сакслин Т.* Путеводитель по Выборгу и окрестностям. Выборг, 1915. С. 24; *Maccallum Scott A.* Through Finland to St. Petersburg. London, 1908. P. 100.

⁵³⁸ *Мошник Ю.И.* Лишь чертеж остался у нас в руках // Страницы Выборгской истории: сб. статей. Кн. 3. Выборг, 2019. С. 120.

в нем появились банки, дома городской знати, в центр города и на окраины проник осветительный газ, а позже электричество, водопровод и телефон.

Торгово-деловая жизнь города концентрировалась на Рыночной площади, куда каждое утро со всех окрестностей приезжали крестьяне для продажи своей фруктово-овощной продукции, а также предметов кустарного производства и где, как писал путешественник Маккалум, «экономная хозяйка в сопровождении прислуги переходила от одной лавки к другой, осматривая их товар»⁵³⁹. Ежегодно в сентябре и в феврале на гласисе Аннинских укреплений проходили ярмарки. В такие дни в город съезжались торговцы из самых отдаленных мест Финляндии, шла распродажа предметов крестьянского обихода, продуктов и лошадей самых разных пород, а после устраивались небольшие балаганчики⁵⁴⁰.

В жизни Выборга стали принимать активное участие и русские приезжие, особенно купцы. Одним из таких дельцов был коммерции советник Константин Павлович Яковлев, сын уже упоминавшегося Павла Яковлева, строителя здания финляндского вокзала в Петербурге. В финляндском городе Яковлев-младший владел спичечной фабрикой, кирпичным заводом и несколькими каменными домами⁵⁴¹. Будучи православным, выборгский купец был активно вовлечен в деятельность православного прихода: с 1888 по 1891 годы он состоял старостой при Спасо-Преображенском соборе, а также вносил значительные пожертвования на содержание и строительство церквей, одной из которых стала церковь Николая Чудотворца в окрестностях Выборга⁵⁴². К началу XX века семейный бизнес расширился, что было зафиксировано созданием акционерного общества «Пивоваренный и

⁵³⁹ *Maccallum Scott A.* Through Finland to St. Petersburg. London, 1908. P. 100. P. 106.

⁵⁴⁰ *Kenn E.E.* Выборг: Художественные достопримечательности. Выборг, 1992. С. 10.

⁵⁴¹ РГИА. Ф. 796 Оп. 438 Д. 5288. Формулярный список о службе чина духовного ведомства Яковлева Константина Павловича, выборгского купца. Л. 1 об.

⁵⁴² РГИА. Ф. 796 Оп. 438 Д. 5288. Л. 3 об.

спиртоводочный завод Яковлева», где в совет директоров, кроме главы семьи, вошли также сын Александр и дочь Елена⁵⁴³.

Другим известным предпринимателем Выборга был выходец из Ярославской губернии Федор Иванович Сергеев. Купец переехал в Финляндию в 1854 году, где поступил на работу к одному предпринимателю, а также начал учить финский и шведский языки. Позднее Сергеев начал строить свое дело, которое выросло в целую империю – к концу XIX века он владел крупной табачной фабрикой с капиталом более 800 тысяч финских марок, мыловаренным и пивоваренным заводами, а также небольшой паровой компанией. Состоя членом дирекции выборгских начальных училищ, Сергеев уделял пристальное внимание делам русских учебных заведений города, равно как и выборгскому православному приходу, куда он жертвовал большие денежные средства на благотворительные нужды⁵⁴⁴.

В 1890-х годах в Выборге насчитывалось около 10 различных учебных заведений: по 3 шведских и русских и 4 финских. Одним из первых русских учебных учреждений стало Выборгское начальное училище, открытое в 1862 году. Это заведение плохо содержалось, учителей практически не было, а здание ветшало. В 1880-х годах вопросом начального училища Выборга занялась супруга генерал-губернатора ВКФ Елизавета Николаевна Гейден. Она смогла привлечь значительные средства на содержание училища, а также добилась строительства нового здания, куда образовательное учреждение переехало в 1896 году, на тот момент насчитывавшее 200 учеников и 10 учителей⁵⁴⁵. Со временем количество русских учебных заведений росло, в городе имелись: женская гимназия, реальное, навигационное и ремесленное училища, а также женские дополнительные курсы⁵⁴⁶.

⁵⁴³ ЛОГАВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 120. Уведомление акционерного Общества «Пивоваренный и спиртоводочный завод Яковлева» о количестве выпускаемой продукции. Л. 3.

⁵⁴⁴ Новоселова З.А. Некоторые аспекты экономического развития Выборга XIX – начала XX вв. // Страницы выборгской истории. Выборг, 2000. С. 250.

⁵⁴⁵ Новоселова З.А. Русские учебные заведения Выборга XIX – начала XX вв. // Страницы выборгской истории. Выборг, 2000. С. 274.

⁵⁴⁶ Грэнхаген К. Спутник по Финляндии 1899–1914. СПб., 1914. С. 53.

К началу XX века местная газета на русском языке давала следующее описание: «Выборг с 40-тысячным населением снабжен электрическим газовым и керосиновым освещением, телефонным сообщением с Санкт-Петербургом и местными окрестностями, многочисленными гостиницами и ресторанами. Год от года город увеличивается и застраивается новыми домами. Население с каждым годом быстро увеличивается и даже прокладывается трамвайное сообщение, что требуется для населения города»⁵⁴⁷. Последний аспект был особенно выдающимся, если учесть, что к 1917 году трамвай ходил по улицам 35 городов России⁵⁴⁸.

Культурная жизнь Выборга также шла в ногу со временем – горожанам были доступны библиотеки, музеи и театр, хотя последний не имел своей труппы. Город удивлял своим досугом: автор путеводителя по Финляндии рекомендовал в зимнее время посетить огромный каток у набережной площади, который Общество конькобежцев устраивало ежегодно. Каток освещали электричеством с 5 до 9 вечера, и пару раз в неделю на катке играл оркестр⁵⁴⁹. Географическое положение города также способствовало развитию парусного спорта, о чем упоминал адмирал Ю.А. Пантелеев, заядлый яхтсмен. Выборгский яхт-клуб возник в 1873 году и был первым в Финляндии, – парусные общества в других городах появились лишь через 20 лет. Выборжцы строили яхты, много плавали и устраивали гонки, на что, по мнению Пантелеева, повлияли заходы яхт Петербургского речного яхт-клуба. Спортсмены из Выборга были успешны в парусных гонках и несколько раз становились победителями соревнований в 1910-х годах⁵⁵⁰. Проходили в Выборге русско-финские соревнования и по другим видам спорта – футболу, хоккею и легкой атлетике. Выборгские команды имели хороший уровень

⁵⁴⁷ Приезжий. Выборг, 1912. № 1. С. 2.

⁵⁴⁸ Кошман Л.В. Город на рубеже столетий // Очерки русской культуры. Конец XIX–XX века. Т. 1. М., 2011. С. 54.

⁵⁴⁹ Грэнхаген К. Спутник по Финляндии 1899–1914. СПб., 1914. С. 60.

⁵⁵⁰ Цит. по: Кенн Е.Е. Выборг: Художественные достопримечательности. Выборг, 1992. С. 104.

подготовки и инвентарь, поэтому зачастую спортивные обозреватели не оставляли шансов на победу их противникам⁵⁵¹.

В целом, Выборг за достаточно короткое время превратился из провинциального военного города-крепости с населением в 3 тысячи человек в «европейский благоустроенный городок»⁵⁵², численность которого достигала 50 тысяч к началу XX века. В середине XIX века железная дорога и Сайменский канал сделали Выборг важным транспортным центром. С 1870-х годов финляндский город стал обладать собственной силой притяжения не только для приезжавших русских путешественников и дельцов, но также и финляндцев из соседних регионов. Выборг постепенно приобретал космополитические черты, которые способствовали объединению различных социальных слоев населения, в состав которого входили финны, шведы, немцы и русские⁵⁵³.

§ 1.2. Финляндский город в представлении русских приезжих.

«Выборг был для многих петербуржцев тогда близкой и вполне доступной Меккой»⁵⁵⁴ – вспоминал о рубеже XIX–XX веков Евгений Мандельштам, младший брат Осипа. Финляндия привлекала современников многими качествами, которых не было в столичном мегаполисе: дешевизной, свежим и здоровым воздухом, природой и необычным северным настроением, выразившимся в национальной самобытности местных жителей. Однако не всегда романтические ожидания путешественников совпадали с финляндской реальностью, встречались и моменты разочарований.

Путешествие начиналось в Петербурге на Финляндском вокзале, откуда уходили все поезда на Выборг. Сама дорога до финляндского города занимала около 4 часов, включая несколько обязательных остановок: в Белоострове – для проверки документов и в Терийоках – для таможенных проверок багажа. Первое знакомство с Выборгом начиналось по прибытии на вокзал и с

⁵⁵¹ Вечернее время. 1912. № 213. С. 3.

⁵⁵² Воспоминания П.И. Щукина // Щукинский сборник. Вып. 10. М., 1912. С. 161.

⁵⁵³ Грэнхаген К. Спутник по Финляндии 1899–1914. СПб., 1914. С. 47.

⁵⁵⁴ Мандельштам Е.Э. Воспоминания // Новый мир. 1995. № 10.

процедуры найма извозчика, которая отличалась от столичных порядков. Особенность состояла в том, что наем извозчика происходил не через самого возницу, а через полицейского, стоявшего на привокзальной площади с номерными бляхами извозчиков⁵⁵⁵. Таким образом соблюдалась очередность возниц, что русскую публику, никогда с таким не встречавшуюся, озадачивало.

Вызывал удивление у приезжих и процесс обслуживания на привокзальном буфете. Финляндский буфет представлял собой открытое помещение с закусками и горячими блюдами, которые пассажиры могли самостоятельно взять в любом количестве, а потом внести плату. Русская публика была впечатлена свободой действий, потому что в этой точке питания не было прислуги, а «белокурые “фрекен”, стоящие за буфетом, вовсе не интересовались происходящим в ресторане»⁵⁵⁶. Похожая система самостоятельного обслуживания встречалась и в городской финской столовой, которую посещали экскурсанты из Нижегородской губернии – «каждый сам себе слуга и хозяин... может брать себе сам, что угодно, и есть, сколько вздумается»⁵⁵⁷. Такая финляндская «личная честность и доверие к честности других» уважалась русскими путешественниками, хотя и была для них необычной, так как они были более привычны к различного рода обманам и подвохам, распространенным в других регионах империи.

При всех бытовых особенностях финляндского города для русской публики наиболее существенным отличием являлось использование различных языков, среди которых не русский занимал доминирующее положение. Многоязычие Выборга было заметным для приезжих еще до личного знакомства с местными жителями – они обращали внимание на название улиц и магазинные вывески, которые были написаны на финском, шведском и русском языках⁵⁵⁸. По замечаниям современников, при личном

⁵⁵⁵ *Грэнхаген К.* Спутник по Финляндии 1899–1914. СПб., 1914. С. 41.

⁵⁵⁶ *Беляев Ю.Д.* В некотором царстве... Пг., [б.г.]. С. 101.

⁵⁵⁷ *Гнушев А.* Пребывание в Выборге // Отчет о состоянии нижегородского дворянского института императора Александра II за 1911–1912. Нижний Новгород, 1912. С. 80.

⁵⁵⁸ *Гнушев А.* Пребывание в Выборге // Отчет о состоянии нижегородского дворянского института императора Александра II за 1911–1912. Нижний Новгород, 1912. С. 77.

общении с финляндцами возникала проблема языкового барьера, приводившая к определенному дискомфорту. Так, экскурсанты из Нижегородской губернии не смогли получить необходимую информацию от Выборгского полицейского по причине того, что он не знал русского языка. Такая же ситуация произошла с ними и в местном магазине, где приезжих «опять не понимали, и дали табличку, на которой в два ряда, по-русски и по-фински, были написаны названия»⁵⁵⁹.

Примечательно, что с финским языком русские путешественники встречались преимущественно на городских улицах, взаимодействуя с финляндскими торговцами и работниками туристической сферы. При этом приезжими и небольшой частью русских жителей Выборга подмечалось сильное языковое влияние шведско-немецкого элемента, который был представлен высшими городскими кругами⁵⁶⁰. Например, Ф.К. Дершау в своем этнографическом очерке отмечал «странное смешение языков и нравов» и рассматривал жителей Выборга как «немцев на финско-шведский лад»⁵⁶¹.

В целом, языковая коммуникация зависела не только от знания или незнания определенного языка, но также от личного отношения и политической ситуации. Многие современники замечали финское упрямство и недоверчивость к приезжим, которые выражались в хитростях и намеренном притворстве финляндцев по поводу непонимания русского языка⁵⁶². Ухудшение политической ситуации в русско-финляндских отношениях рубежа XIX–XX веков обострило чувство финской национальной гордости – случалось, что «финны притворялись глухими, и немыми, и слепыми, едва заслышав русскую речь»⁵⁶³.

Осмотр достопримечательностей и общее знакомство с финляндской культурой были основными занятиями российских туристов. Наиболее

⁵⁵⁹ Гнушев А. Указ. соч. С. 79.

⁵⁶⁰ Воспоминания П.И. Щукина // Щукинский сборник. Вып. 10. М., 1912. С. 153.

⁵⁶¹ Дершау Ф.К. Финляндия и финляндцы. СПб., 1842. С. 16.

⁵⁶² Семенов Д.Д. Отечествоведение. Северный край и Финляндия. СПб., 1873. Т. 1. С. 188.

⁵⁶³ Куприн А.И. Собрание сочинений в 9 томах. Т. 9. М., 1964. С. 154.

посещаемыми местами города являлись: Выборгский замок, заложенный в 1293 году, круглая башня на Торговой площади, памятники Торкелю Кнутссону, Михаилу Агриколе и Петру I, церкви разных конфессий и парк Монрепо⁵⁶⁴. Также приезжие любили проводить время в парке на эспланаде, где помимо прекрасных цветников располагался ресторан, в котором «прислуживали гарсоны, а летом играл оркестр»⁵⁶⁵. Путешествующие наслаждались и простыми прогулками по улицам и бульварам Выборга, отмечая ухоженное городское пространство – красивые зеленые насаждения, чистоту, удобства тротуаров и дорог. Подобное внимание к комфорту горожан «русских, не избалованных на этот счет, особенно поражало»⁵⁶⁶.

Прогуливаясь по городу, приезжие посещали местные магазины и приобретали в них товары, которые в Выборге стоили намного дешевле, чем в столице империи. О торговом разнообразии города можно судить по рекламе, публикуемой на страницах справочных изданий: продовольственные, сувенирные и строительные магазины, обувные мастерские, аптеки, клиника для животных, фотоателье, краски и малярные принадлежности для художников и рисования и многое другое⁵⁶⁷. Вероятно, художественные принадлежности были особенно полезными для приезжих, среди которых часто встречались представители творческой интеллигенции, искавшие вдохновения на землях Финляндии.

Несмотря на интенсивное транспортное движение и большое количество приезжавших русских и иностранных гостей, в Выборге не наблюдалось суеты, крика или толкотни, как в других городах империи. Уклад жизни финляндцев, привыкших во всем следовать порядку и соблюдать правила, сначала удивлял приезжих, а потом и утомлял. Русский журналист Ю.Д. Беляев в начале XX века описывал жизнь русских в Выборге как «пресную» и «тесную», опираясь на мнение служившего там офицера: «Скука.

⁵⁶⁴ Семенов-Тянь-Шанский В.П. Финляндия: общий очерк. Пг., 1918. С. 100.

⁵⁶⁵ Воспоминания П.И. Щукина // Щукинский сборник. Вып. 10. М., 1912. С. 276.

⁵⁶⁶ По Финляндии (из путевых впечатлений) // Саратовский листок. 1912. № 160.

⁵⁶⁷ Гейкель С.М. Как путешествовать по Финляндии? Выборг, 1914. С. 14, 25, 33.

Снаружи будто и приглядно, а заглянули б внутрь. Это все булочки и жизнь здесь – то самое приторно вязкое тесто, из которого пекутся крендели... Днем на ученье, а вечером то в собрание, то у кого-нибудь из полковых. Хорошо, что народ строгий подобрался, а то бы запить можно или в карты затянуться»⁵⁶⁸.

Многими русскими путешественникам финляндцы представлялись не особенно симпатичными: угрюмыми, холодными, с тяжелым и необщительным характером, не знавшие или не желавшие знать русского языка. Эти первичные личные впечатления накладывались на отрицательный образ Финляндии, транслировавшийся в российской прессе того времени, что подводило приезжих к мнению о крайне недружелюбном отношении финского народа к русским⁵⁶⁹. Лишь немногие путешественники указывали, что с финляндцами следует наладить контакт и войти к ним в доверие, тогда «на их дружбу можно положиться, как на каменную стену»⁵⁷⁰.

На финляндскую неприветливость столичные приезжие отвечали покровительственно, с долей снобизма, о котором с сожалением в 1922 году писал публицист А.В. Амфитеатров: «Ну, что такое Выборг? Прихожая Петербурга! В нем только крендели хороши, да и те, поди, у нас на Васильевском острове немцы пекут, а финны их лишь скупают да тайком перевозят в Выборг»⁵⁷¹. На этой волне некоторые путешественники стремились разрушить созданный образ небольшого ухоженного города европейского вида, намеренно ставя его на один уровень с российской провинцией⁵⁷². Вероятно, под этим «колючим» настроением скрывалась некоторая зависть и растерянность русской публики, связанная с незнанием уклада жизни ближайших соседей: их быта, нравов, курса валюты и даже

⁵⁶⁸ *Беляев Ю.Д.* В некотором царстве... Пг., [б.г.]. С. 104.

⁵⁶⁹ *Гастев К.И.* Доклад об экскурсии воспитанников Нижегородского дворцового института императора Александра II в Петербург, Финляндию... в июне 1912 г. // Отчет о состоянии нижегородского дворянского института императора Александра II за 1911–1912. Нижний Новгород, 1912. С. 24.

⁵⁷⁰ *Руднев Я.И.* Русская земля. Т. 2. Финляндия, Озерная область и Прибалтийский край. М., 1904. С. 60.

⁵⁷¹ *Амфитеатров А.В.* Горестные заметы: Очерки красного Петрограда. Берлин, 1922. С. 51.

⁵⁷² *Станиславский К.С.* Письма (1886–1917). Собр. Соч. Т. 7. М., 1960. С. 77.

времени, которое отставало от петербургского на 20 минут. Несмотря на такие разные впечатления, у жителей Российской империи (преимущественно петербуржцев) Выборг и его окрестности вызывали особый интерес – туда ехали, чтобы увериться в каком-то существующем растиражированном мнении или составить свое собственное представление об этой местности.

§ 1.3. Политические события Выборга и его окрестностей.

Помимо активной торговой и культурной жизни, Выборг не обходили стороной и общественно-политические события. Эти эпизоды были связаны с новым русификаторским курсом центра империи по отношению к Финляндии, направленным на сближение финского края с Россией. Основными мерами такой политики стали призыв местных жителей в ряды имперской армии, введение русского языка в административных и учебных заведениях, присутствие русских чиновников в органах управления ВКФ и другое⁵⁷³. Подобные нормы вводились генерал-губернатором Н.И. Бобриковым на рубеже XIX–XX веков повсеместно по Финляндии, однако наибольшее влияние они имели в самых «русских» городах – Гельсингфорсе и Выборге. Именно эти два города наиболее сильно отреагировали на новые меры: происходили стачки, волны пассивного и активного сопротивления, а также покушения на жизнь русских начальников Великого княжества. В июне 1904 года в Гельсингфорсе был смертельно ранен генерал-губернатор Финляндии Бобриков, а через некоторое время, в марте 1905 года, было совершено покушение на Выборгского губернатора Н.А. Мясоедова, который получил раны в голову, спину и ногу, однако остался жив⁵⁷⁴. Произошедшие события не остались без внимания гражданских и полицейских чиновников империи, которые тщательно следили за революционной обстановкой в ВКФ, о чем свидетельствовало множество отчетов 1900-х годов о положении дел в

⁵⁷³ Бородкин М.М. Из новейшей истории Финляндии. Время управления Н.И. Бобрикова. СПб., 1905. С. 68.

⁵⁷⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 233а. Д. 855. О покушении на жизнь Выборгского губернатора Мясоедова.

крае⁵⁷⁵. Эти отчеты содержали сведения о финляндцах и русских, которых подозревали в неблагонадежности и противоправительственной деятельности. Особенно подробно докладные записки сообщали о настроениях разных партийных течений Финляндии (младофинны и старофинны) и о политических событиях ВКФ осенью 1905 года с обстоятельными описаниями действий забастовочного движения.

Другой яркий политический эпизод коснулся Выборга летом 1906 года, связанный с роспуском I созыва Государственной Думы Российской империи. Депутаты распущенного парламента не имели легального права собраться в Петербурге, поэтому в качестве места сбора был предложен Выборг – удобно расположенный в четырех часах езды от столицы, а и в то же время безопасный, поскольку на территорию Великого княжества Финляндского не распространялись российские полицейские порядки. В то же время не все члены Государственной думы считали выбор удачным, так как Выборг воспринимался своего рода заграницей и отъезд туда рассматривался как «подчинение указу о роспуске и уклонение от открытой борьбы»⁵⁷⁶. Несмотря на все опасения, финляндский губернатор и полицмейстер дали разрешение на проведение собрания в гостинице «Бельведер», куда «прибыло большое количество членов распущенной Думы, а затем стало известно и о знаменитом заседании, открытом Муромцевым его заявлением “заседание Государственной Думы возобновляется”»⁵⁷⁷.

Для самих депутатов Выборг представлялся незнакомым городом, который имел множество отличий от Российской империи: «Смотрим с удивлением на тихие, чистенькие улицы, на дома, в архитектуре которых много незнакомого, чуждого. Все в городе оваяно какой-то странной, задумчивой тишиной, мечтательной мягкостью... И нам было завидно смотреть на людей, которые уже имели все то, о чем мечтали мы. Они гуляли по саду и слушали

⁵⁷⁵ ГАРФ. Ф. 499. Оп. 1. Д. 1; Ф. 499. Оп. 2. Д. 5; Ф. 499. Оп. 2. Д. 43.

⁵⁷⁶ *Оболенский В.А.* Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988. С. 392.

⁵⁷⁷ *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919. Париж, 1933. Т. 1. С. 219.

музыку, беззаботные, веселые, смешавшись в шумной, пестрой и демократически-равной толпе – и нарядные, и бедно одетые, и чиновники, и рабочие, и знатные, и простые, а среди них губернатор в пиджачке, такой простенький. А у нас?»⁵⁷⁸.

Результатом заседания в выборгской гостинице «Бельведер» стало принятие «Выборгского воззвания», призывавшего к пассивному сопротивлению правительству в форме неуплаты налогов и отказа от военной службы до созыва новой думы. Эти политические события, происходившие на территории Выборгской губернии, были обсуждаемы в русских и иностранных изданиях, которые пытались спрогнозировать дальнейшее развитие событий, как это делала британская газета: «...Не ожидается немедленного революционного мятежа, но локальные беспорядки могут иметь место»⁵⁷⁹. Локальных беспорядков в Выборге не произошло – наоборот, по воспоминаниям участника событий, члена Государственной думы Н.А. Бородин, в городе на финском языке распространялся текст написанного воззвания, а горожане с овациями провожали отъезжающих депутатов обратно в Петербург⁵⁸⁰. Действительную помощь от горожан получили опоздавшие депутаты, которым не хватило мест в гостиницах города: «Какой-то финн подошел к нам и на своем языке, припоминая русские слова, какие он знал, помогая себе руками и ногами, объяснил, что есть помещение, где мы можем заночевать. Минуты через две он ввел нас в прекрасный подъезд, позвонил в первую квартиру. Тот же услужливый человек разместил нас по диванам, на стульях, на полу, набросав гору тюфяков и подушек»⁵⁸¹.

В Выборге и его окрестностях происходили и другие общественно-политические события: в дачных местностях находили убежище многие русские революционные деятели, в том числе В.Н. Фигнер, В.И. Ленин; в 1907 году в Выборге работала нелегальная типография по изданию газеты

⁵⁷⁸ Крюков Ф.Д. 9–11 июля 1906 (Воспоминания) // Выборгский процесс. СПб., 1908. С. 239.

⁵⁷⁹ The Guardian. 1906. № 18766.

⁵⁸⁰ Бородин Н.А. В Выборге 9–11 июля 1906 // Выборгский процесс. СПб., 1908. С. 243.

⁵⁸¹ Крюков Ф.Д. 9–11 июля 1906 (Воспоминания) // Выборгский процесс. СПб., 1908. С. 237.

«Пролетарий»⁵⁸², там же революционеры хранили свое оружие, бомбы и другие запрещенные предметы.

Происходившие в Выборге политические события были значимы не только для ВКФ, но и для империи в целом. Качественный и количественный состав участников этих политических акций выводил их из-под статуса локального события и придавал общеимперское значение. На некоторое время атмосфера тихого и спокойного Выборга сменилась ощущением совершения «великих исторических событий»⁵⁸³. Пассивное и активное сопротивление политике русификации, воззвание, элементы революционного террора придавали финляндскому городу и всей губернии в целом новую политическую окраску. Одним из символов такой политической активности финской окраины стала гостиница «Бельведер», которую рекомендовали посетить не только путеводители по Финляндии, но и сатирическая пресса, сделав из нее своеобразную туристическую достопримечательность⁵⁸⁴.

§ 1.4. Монумены Выборга.

При таком многообразии событий, контактов и национальностей куда же в итоге был направлен вектор выборгской жизни? Некоторые ответы содержат в себе памятники города, которые активно стали возводиться к началу XX века и были направлены на воспитание «местного патриотизма»⁵⁸⁵. Классическим и первым финским памятником в таком ключе стал монумент Торгильсу Кнутссону на Ратушной площади Выборга, спроектированный финским скульптором Вилле Вальгреном⁵⁸⁶. Сооружение памятника было задумано шведско-финскими кругами города в середине 1880-х годов как идея самоутверждения нации и обращения к истокам, так как Торгильс Кнутссон

⁵⁸² *Тодрия С.П.* Воспоминания рядового подпольщика // О В.И. Ленине. Воспоминания. 1900–1922. М., 1963. С. 61.

⁵⁸³ *Глезеров С.Е.* Петербургские окрестности: быт и нравы начала XX века. СПб., 2013. С. 98.

⁵⁸⁴ *Грэнхаген К.* Спутник по Финляндии 1899–1914. СПб., 1914. С. 42; Путеводитель по Финляндии под ред. Карелина. СПб., 1911. С. 70; Будильник. 1917. № 11–12.

⁵⁸⁵ *Мошник Ю.И.* Лишь чертеж остался у нас в руках // Страницы Выборгской истории. Кн. 3. Выборг, 2019. С. 122.

⁵⁸⁶ *Кенн Е.Е.* Указ. соч. Выборг, 1992. С. 157.

являлся основателем Выборгского замка в 1293 году, с которого началось развитие города. Сбор средств на строительство памятника начался в 1884 году, инициатором и куратором которого выступил известный выборгский архитектор Якоб Аренберг⁵⁸⁷. При всей активности жителей Выборга согласование на возведение монумента затянулось более чем на 20 лет – итоговый вариант эскиза был одобрен императором Николаем II только 11 апреля 1907 года⁵⁸⁸. Тяга Финляндии к шведскому прошлому получала негативный отзыв в российских верхах в начале XX века, однако в ходатайстве императору Кнутссон был представлен не только как шведский маршал и строитель Выборгского замка, но также как человек, который способствовал распространению христианства в Восточной Финляндии⁵⁸⁹. Памятник был открыт 21 сентября 1908 года по старому стилю⁵⁹⁰, а немного позже, 24 октября, впервые состоялось празднование шведского дня в Выборге и в других регионах Финляндии. В Петербурге это было отмечено вторым симфоническим концертом русского музыкального общества, которым дирижировал Р. Каянус из Гельсингфорса⁵⁹¹.

Финско-шведские тенденции продолжились в сооружении памятника основателю финской письменности Микаэлю Агриколе в том же 1908 году. Этот монумент стал местной достопримечательностью, которую посещала приезжая публика⁵⁹². Возведение памятников было отмечено полемикой между несколькими изданиями – «Новым Временем»⁵⁹³ с российской стороны и «Nya Pressen» с финляндской. Суть дискуссии сводилась к уже привычным

⁵⁸⁷ Аренберг Я. Из новейшей истории Финляндии // *Голос минувшего*. 1916. № 7–8. С. 307.

⁵⁸⁸ РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 163. О разрешении сооружения в Выборге памятника Торгилю Кнутссону. Л. 8.

⁵⁸⁹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 163. Л. 7.

⁵⁹⁰ Кудрявцева Л. Борьба за «место памяти» в империи: история памятника основателю Выборга Торгилюсу Кнутссону // *Ab Imperio*. 2004. № 2. С. 427.

⁵⁹¹ Финляндская газета. 1908. № 159.

⁵⁹² Гастев К.И. Доклад об экскурсии воспитанников Нижегородского дворцового института императора Александра II в Петербург, Финляндию... в июне 1912 г. // *Отчет о состоянии нижегородского дворянского института императора Александра II за 1911–1912*. Нижний Новгород, 1912. С. 19.

⁵⁹³ Новое время. 1908. № 11716. С. 3.

обвинениям финляндцев в том, что они оскорбили национальные чувства русского народа, возведя монументы финско-шведской направленности⁵⁹⁴. Финляндское издание напротив указывало, что строительство памятника Т. Кнутссону не могло оскорбить чувств русских, так как полноценно о России как о государстве можно говорить лишь с XV века, в то время как деятельность Кнутссона и основание им Выборга относились к концу XIII века.

Другим монументом, демонстрировавшим уже российское присутствие, стал памятник Петру I, открытый по случаю празднования 200-летнего юбилея завоевания Выборга Россией. Сооружение памятника было инициировано военным ведомством в сентябре 1909 года, о чем военный министр В.А. Сухомлинов сообщал П.А. Столыпину: «Нам было угодно выразить предложение, чтобы 14 июня 1910 года, в день 200-летия взятия шведской крепости Выборга был ознаменован открытием в этой крепости памятника императору Петру Великому и чтобы к этому была приурочена закладка собора на 1000 человек молящихся»⁵⁹⁵. Этот монумент, как и памятник Кнутссону, возводился не без препятствий, однако они уже исходили со стороны властей Выборга. Для сооружения памятника и военного собора требовалось отчуждение участка Петровской горы из собственности города в ведение военного министерства. Город находил эти действия необоснованными, а отчуждение земли считал «экспроприацией»⁵⁹⁶. После некоторых бюрократических противостояний российских и финляндских верхов выбранные земли в Выборге были экспропрированы и в апреле 1910 года по повелению императора были переданы «в собственность военного ведомства за счет имперской казны для строительства военного собора и памятника императору Петру Великому»⁵⁹⁷.

⁵⁹⁴ Финляндская газета. 1908. № 164.

⁵⁹⁵ РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 229. Дело об организации празднования 200-летия взятия Петром I крепости Выборг, исполняющегося 14 июня 1910 г. Л. 1.

⁵⁹⁶ *Кенн Е.Е.* Указ. соч. Выборг, 1992. С. 158.

⁵⁹⁷ РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 229. Дело об организации празднования 200-летия взятия Петром I крепости Выборг, исполняющегося 14 июня 1910 г. Л. 32.

14 июня 1910 года бронзовая статуя Петра I, опирающегося на пушечный ствол, была установлена на самой высокой точке Петровской горы, откуда в 1710 году он вел артиллерийский обстрел замка и города. В тот же день была совершена торжественная закладка фундамента будущего военного собора, который из-за начавшейся Первой мировой войны достроить не удалось. Позже на этом фундаменте финский архитектор У. Ульберг построил здание губернского архива⁵⁹⁸, который ведет свою работу и в настоящее время. Кроме закладки православного собора, в программу празднеств 14 июня входила литургия, крестный ход из кафедрального собора города, парад, развлечения для нижних чинов и вечерний фейерверк⁵⁹⁹.

Программа 200-летних праздничных юбилеев коснулась не только Выборга, но также Риги и Ревеля: там торжественные мероприятия были назначены на 4 июля и 29 сентября соответственно. В каждом из этих городов также были сооружены памятники Петру Великому, которые не только не встретили препятствий по возведению, но и были профинансированы из средств города, местных дворян и благотворительных обществ⁶⁰⁰. В Выборге же ситуация отличалась – памятник был изготовлен на личные средства императора Николая II (5 тысяч рублей), деньги на праздничные мероприятия 12–14 июня 1910 года были частично отпущены из казначейства империи (5,5 тысяч рублей), а оставшиеся 2 тысячи рублей собирал личный состав выборгского гарнизона⁶⁰¹. Город и обеспеченные горожане в финансировании празднеств не участвовали и в целом, по мнению российской прессы, отнеслись к празднованию равнодушно.

⁵⁹⁸ Адашкина В., Вассель И. Выборг. Путеводитель. Л., 1969. С. 69.

⁵⁹⁹ РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 114. О праздновании юбилеев, знаменующих исторические события. Л. 89 об.

⁶⁰⁰ РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 114. Л. 46 об., Л. 48.

⁶⁰¹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 229. Л. 43.

§ 1.5. Открытие отделения Государственного банка в Выборге как фактор русского влияния.

Помимо сферы законодательства, общественно-политических и культурных аспектов, предпринимались попытки сближения Финляндии с остальной империей и в области экономики. Подробно экономические реформы и взаимодействие сторон в этом параграфе не рассматриваются. Однако заслуживает внимания деятельность выборгского отделения Государственного банка России, которое оказывало влияние на жизнь финляндского города, распространяя хождение рубля на территорию этого региона.

Первая попытка открытия отделения Государственного банка в Финляндии была предпринята в Гельсингфорсе в 1905 году с целью увеличения оборота русских денег в крае, а также возможного кредитования местных дельцов. Примечательно, что к тому времени ВКФ уже было ориентировано на западные рынки и инвестиции, чему способствовала отличающаяся от империи валюта – финская марка⁶⁰². Отделение в Гельсингфорсе не встретило поддержки среди финляндских кругов и местных промышленников, результатом чего стало его закрытие в августе 1906 года⁶⁰³.

К обсуждению вопроса открытия отделения Государственного банка в ВКФ власти империи вернулись в 1911 году, начав проводить обширные консультации с сотрудниками банка и генерал-губернатором Финляндии. 19 августа 1911 года совет банка одобрил предложения министерства финансов об открытии отделения в Выборге, которое бы, по их мнению, способствовало сближению Финляндии с «коренной Россией» на экономической почве и оказывало влияние на регулирование денежного обращения⁶⁰⁴. До конца 1913 года чиновниками проводились

⁶⁰² *Правилова Е.А.* Финансы империи: Деньги и власть в политике России на национальных окраинах. 1801–1917. М., 2006. С. 365.

⁶⁰³ *Анисимова Д.В.* Открытие отделений русских банков в Великом княжестве Финляндском в начале XX в. // Исторический журнал: научные исследования. 2016. № 4. С. 464.

⁶⁰⁴ РГИА. Ф. 587 Оп. 33 Д. 950. Дело об открытии отделения Государственного банка в гор. Выборге. Л. 20.

подготовительные мероприятия: определялся порядок операций банка, состав учетного комитета, а также валюта расчета, которой стала финская марка.

Процесс подготовки и открытие подробно освещались финляндской прессой, которая была настроена к этому мероприятию скептически. По мнению обозревателей местных изданий, отделение банка испытывало трудности с набором членов учетного комитета, так как наиболее известные русские коммерсанты Выборга отказались от участия, поскольку уже имели устоявшиеся деловые связи с финляндскими банками⁶⁰⁵. Кроме того, издания считали важным показателем успешности российского банка отношение к нему местного общества, которое, как надеялись журналисты, не стало бы связываться с русским рублем.

Открытие отделения банка в Выборге в торжественной обстановке состоялось 22 декабря 1913 года. Мероприятие посетили местные власти, военные чиновники, русские купцы, генерал-губернатор ВКФ Ф.А. Зейн, директор Государственного банка А.В. Коншин, а также епископ Сердобольский Киприан, совершивший торжественный молебен⁶⁰⁶.

В своей работе новое отделение банка старалось следовать установленным внутри империи правилам, игнорируя особенности финляндского края. Так, российский банк в Выборге осуществлял операции в праздничные для финляндцев дни, отмечавшиеся по новому стилю – Рождество Христово, страстную пятницу, Пасху, Троицу и Духов день. Такое решение одобряли власти империи, считавшие банк учреждением общеимперским, а значит осуществлявшим свою деятельность по старому стилю⁶⁰⁷. Кроме того, в своих докладах директор выборгского отделения фон Мейер отмечал, что кредиты русским и финнам выдавались только на нужды

⁶⁰⁵ Национальный архив Финляндии. Фонд канцелярии финляндского генерал-губернатора. II отдел. Д. 26. Об открытии в Финляндии отделения Государственного банка, 1911 г. Л. 22, 24.

⁶⁰⁶ Финляндская газета. 1913. № 248. С. 1.

⁶⁰⁷ Национальный архив Финляндии. Фонд канцелярии финляндского генерал-губернатора. II отдел. Д. 37. О деятельности отделения Государственного банка в г. Выборг, 1914 г. Л. 6.

тех сфер, которые непосредственно соприкасались с торговлей империи, т.е. на лесную, гранитную и мясную торговлю⁶⁰⁸.

По сведениям управляющего Выборгского отделения Государственного банка, общее количество выданных денег на кредиты к марту 1914 года составило почти 450 тысяч рублей, из которых 291 тысячу взяли русские, 79,5 тысячи – финляндцы и 78 тысяч – евреи⁶⁰⁹. Несмотря на первенство русских торговцев Выборга по суммам займов, общее количество кредитуемых среди русского купечества оставалось низким: из 30 крупнейших оптовых капиталистов только 3 человека подали заявления на получение ссуды. Директор Выборгского отделения связывал это с льготами и более выгодными условиями банка Финляндии, а также с общим отношением торговцев: «появилось убеждение, что русское купечество является здесь больше финляндцами, чем финны»⁶¹⁰. Что касается финляндцев, то среди них находились те, кто был готов пользоваться новыми возможностями и включаться в более тесные экономические отношения с империей. Однако таких желающих было немного, так как подобные операции осуждались местными изданиями, которые даже призывали жителей Выборга бойкотировать российское финансовое учреждение⁶¹¹.

В целом, рассмотренные события из истории Выборга XVIII–XX веков позволяют говорить о параллельности и двусторонности некоторых процессов. Географически расположенный между Санкт-Петербургом и Гельсингфорсом Выборг являлся своеобразной границей между русской и финляндской культурами. Сам город, находясь на стыке этих миров, испытывал влияние с обеих сторон.

В политическом аспекте некоторая часть горожан старалась не вмешиваться в общеимперские события, но при этом находились активные

⁶⁰⁸ Национальный архив Финляндии. Фонд канцелярии финляндского генерал-губернатора. II отдел. Д. 37. О деятельности отделения Государственного банка в г. Выборг, 1914 г. Л. 10 об.

⁶⁰⁹ Там же. Л. 10.

⁶¹⁰ Там же. Л. 12 об.

⁶¹¹ Финляндская газета. 1914. № 73. С. 2.

участники политических акций, выступавших за обособление Финляндии. Похожая ситуация была заметна и по отношению к русскоговорящим приезжим. Некоторые финляндцы имели с ними активные торговые и личные связи, принимали участие в совместных спортивных соревнованиях и воспринимали русских жителей без опаски. В то же время другая часть выборжан могла вести себя неприветливо и относилась к приезжим негативно, видя в их присутствии угрозу для своей культуры. Среди всех регионов ВКФ Выборг и его окрестности были наиболее восприимчивы к влиянию Петербурга и его жителей, но при этом выступали за свое внутреннее обособленное развитие и ориентацию на Великое княжество Финляндское.

§ 2. Выборгская губерния как место отдыха русской публики.

Территория Выборгской губернии была привлекательна для русских приезжих в качестве места для дачного и экскурсионного отдыха. Близкое соседство с Петербургом отразилось на концентрации русского населения в этом регионе. По данным официальной статистики, среди всех губерний Финляндии в Выборгской губернии проживало наибольшее число русских подданных: к 1901 году они составляли почти 4 тысячи, что равнялось 1%⁶¹². Эти сведения не учитывали сезонных приезжих – дачников, экскурсантов, разнорабочих и торговцев, численность которых в пиковые летние месяцы превышала 50–60 тысяч человек.

Популярность этого направления дачного отдыха возросла к последней трети XIX века, чему способствовало строительство железных дорог, а также растущая необходимость поиска новых рекреационных мест. Рекламные брошюры, путеводители и газетные статьи пестрели описаниями преимуществ ВКФ: «знакомство с окрестностями Санкт-Петербурга убеждает, что единственной стороной, куда столичный обыватель может направить свои поиски – Финляндия. Есть и другие места, но они сопряжены с целым рядом климатических и почвенных неудобств»⁶¹³. Прежде всего, отмечалось

⁶¹² Статистический ежегодник Финляндии 1904. Гельсингфорс, 1904. С. 11.

⁶¹³ Каунис и Тойвола. Имена инженера путей сообщения Орловского В.К. СПб., 1913. С. 4.

достоинство финляндских железных дорог: расписание, чистота, вежливость и предупредительность поездной obsługi, что «не делало разницы между путешествиями по немецким и финляндским железным дорогам»⁶¹⁴. Во-вторых, упоминалась живительная сила финской природы, прекрасная колодезная вода и воздух, отсутствие русской брани и винных магазинов, что способствовало трезвости местного крестьянского населения⁶¹⁵. Третьим и самым распространенным фактором возросшего интереса к Великому княжеству Финляндскому стала малоизвестная для русского общества финская культура. Особенности правового положения Финляндии создавали некоторые неудобства при путешествии – прохождение таможи, обмен валюты, покупка или аренда земли – однако это не пугало отдыхающих, а скорее стимулировало туристический поток, который шел даже из южных частей России⁶¹⁶. Современников Финляндия привлекала своей независимостью, отсутствием жесткой иерархии, которая существовала в Петербурге.

Интерес русской публики к дачной жизни в Финляндии отчасти был данью моде того времени. В конце 1880-х годов дача воспринималась, скорее, как возможность отдохнуть и поправить свое здоровье – этим отмечены посещения Финляндии М.Е. Салтыкова-Щедрина, Д.И. Менделеева, И.П. Павлова, М.А. Балакирева, постоянное жительство С.П. Боткина, И.Е. Репина, К.И. Чуковского и других. С наступлением эпохи Серебряного века дачная жизнь включила в себя еще категорию эстетического пространства⁶¹⁷, которое создала творческая интеллигенция Петербурга и старалась распространить его на все места своего пребывания.

⁶¹⁴ Финляндский вестник политики, культуры, промышленности и торговли. СПб., 1910. № 8. С. 2.; Каунис и Тойвола. Имения инженера путей сообщения Орловского В.К. СПб., 1913. С. 5.

⁶¹⁵ *Маршак С.Я.* Собр. соч. в 8 т. М., 1971. Т. 6. С. 170.

⁶¹⁶ *Григорьева Н.В.* Путешествие в русскую Финляндию. СПб., 2002. С. 22.

⁶¹⁷ *Деотто П.* Дачная традиция в Серебряном веке // Петербург – столица русской культуры II. Salerno: Europa Orientalis, 2004. С. 337.

ВКФ отвечало запросам своего времени: дачный отдых и туристические поездки на Карельский перешеек у петербуржцев пользовались не меньшей популярностью, чем воды во Франции и Германии⁶¹⁸, что повлияло на возникновение на этих землях так называемого «дачного бума». В пользу распространения этого явления может говорить информация о земельной собственности. По состоянию на 1909 год в Выборгской губернии русскими землевладельцами было выкуплено: 5877 га земли в Выборгском округе, 22 400 га – в Новокирхском округе⁶¹⁹, где дачные строения были наиболее распространены.

В свою очередь такая популярность этих дачных мест наложила определенный отпечаток на местных финляндцев, которым пришлось столкнуться со значительным количеством русских приезжих. Новые форматы коммуникации касались сферы дачного обслуживания, которое осуществляло местное население. Примечательно, что для получения наибольшей выгоды жители этих территорий успели «переквалифицироваться» и своим основным занятием сделали не земледелие, распространенное во всем ВКФ, а различные промыслы и услуги⁶²⁰.

Самой распространенной формой взаимоотношений было оказание финляндцами всяческих услуг для приезжего русского населения. К этой категории относится продажа популярных у русских дачников товаров местного производства (дрова, молоко, простокваша, выборгские крендели, рыба, ягоды, грибы и даже полевые цветы)⁶²¹, обслуживание дачного участка (починка, окраска, уход и т.д.). Пользовались спросом транспортные услуги финских извозчиков для передвижения от железнодорожных станций до самих

⁶¹⁸ *Клинге М.* На чужбине и дома. СПб., 2005. С. 68.

⁶¹⁹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 106. Статистические сведения о числе финляндских уроженцев, проживающих в пределах России и роде их занятий. Л. 32.

⁶²⁰ *Расила В.* История Финляндии. Петрозаводск, 2006. С. 115.

⁶²¹ *Кяхенен Э.* Прежние Терийоки; *Федотов Н.* Описание и подробные планы дачных местностей по Финляндской железной дороге: Райвола. СПб., 1888. С. 5.

усадеб⁶²², а также различные туристические поездки: «...Предприимчивый финн, который тут живет, покажет вам фокус с бочкой (за одну марку), бросив ее в водопад, – писала «Дачная газета». – Он же тотчас предложит вам осмотр на лодке с другой стороны реки. Он же покажет вам и рыболовные снасти, которыми местные рыбаки ловят в водопаде форель... возьмите возницу, которых здесь много и отправляйтесь по отличной дороге»⁶²³. Торговый потенциал этой области настолько велик, что многие торговцы из Выборга, Гельсингфорса и Турку приезжали летом в дачные местности Карельского перешейка для торговли женским украшениями – за 2–3 месяца они получали крупные доходы⁶²⁴.

При этом поездки на финляндских извозчиках являлись одной из проблемных сторон пребывания русской публики в Выборгской губернии. Кроме высоких и непонятных цен за поездку, встречались жалобы на дискомфорт экипажей, а также опасную езду возниц, которые «не только не тормозили на спуске, но напротив гнали лошадей вовсю»⁶²⁵. Для преодоления этих неудобств были изданы «Правила для легковых извозчиков», в которых прописывалось обязательное одобрение извоза у ленсмана, наличие опрятного экипажа и соблюдение установленного порядка⁶²⁶.

Вторым моментом, касавшимся русско-финского взаимодействия на территории Карельского перешейка, стали земельные отношения. Современники и исследователи замечали упадок сельского хозяйства на Карельском перешейке, отмечая суровость климата и тяжелые для обработки земли. Для ВКФ это имело серьезное значение, так как по состоянию на 1898 год, 77% жителей зарабатывали на жизнь за счет земледелия и молочного

⁶²² Северный дачный листок. СПб., 1904. № 1. С. 1; Дачная газета. Общественная и литературная. СПб., 1908. № 4. С. 1; Финляндская газета. 1908. № 106. С. 2.

⁶²³ Дачная газета. Общественная и литературная. СПб., 1908. № 4. С. 2.

⁶²⁴ *Кяхенен Э.* Прежние Терийоки.

⁶²⁵ *Беңуа А.* Мои воспоминания. М., 1980. Кн. 3. С. 678.

⁶²⁶ Правила для легковых извозчиков в пределах Новокиркского ленсманского округа, от железнодорожных станций Новая Кирка, Мустамяки и Лоунатиоки. Выборг, 1916.

хозяйства⁶²⁷. Любое погодное бедствие приводило к экономическому упадку, голоду и смертям, что и случилось в 1866–1868 годах⁶²⁸. Это положение подталкивало финляндцев к продаже своих участков или сдаче в аренду русским дачникам, так как это было выгоднее, чем их обработка⁶²⁹. Исследователь Э. Кяхенен указывает, что согласно одному опросу, проведённому в 1907 г. (охватившему 366 респондентов), 24% опрошенных причиной продажи земли назвали задолженность и 30,3% – бедность⁶³⁰. Эти данные коррелируются с выписками из протоколов заседаний уездного суда о переходе недвижимого имущества к новому владельцу, в которых упоминалось о продаже «земельного участка с долгами»⁶³¹.

Финляндцы, трепетно относившиеся к своей земле, старались сначала продавать непригодные к возделыванию территории: песчаные вересковые поляны, на которых петербургские жители выстраивали роскошные резные дачи⁶³². Тем не менее, при возросшем спросе сама практика продажи набирала обороты и вызвала опасения у более консервативных кругов финляндского общества. Например, выборгская газета «Карьяла», активно выступавшая против приобретения земельных участков на перешейке выходцами из России, указывала на неблагоприятные социальные последствия этих процессов: «...Немало местных крестьян быстро растрачивали деньги, вырученные от продажи своей земли, и разорялись... Весь район около станции Лоунатийоки обречен на отчуждение, и если не сегодня, то завтра мы увидим его в русских руках»⁶³³.

⁶²⁷ Фирсов В. Указ. соч. // Мир божий. 1898. № 12. С. 8.

⁶²⁸ За 2 года умерла почти 1/6 часть населения Финляндии (Расила В. История Финляндии. Петрозаводск, 2006. С. 115).

⁶²⁹ Балашов Е.А. Указ соч.; Кяхенен Э. Указ соч.; Мусаев В.И. Русская дачная жизнь на Карельском перешейке в конце XIX – начале XX в. и финляндское общественное мнение // Международные отношения и диалог культур. СПб., 2015. № 4. С. 168.

⁶³⁰ Кяхенен Э. Указ соч.

⁶³¹ ЛОГАВ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 263. Л. 12–12 об.

⁶³² Балашов Е.А. Указ. соч. С. 33.

⁶³³ Цит. по: Мусаев В.И. Русская дачная жизнь на Карельском перешейке в конце XIX – начале XX в. и финляндское общественное мнение // Международные отношения и диалог культур. СПб., 2015. № 4. С. 170.

Опасение «русской колонизации» было вызвано несколькими причинами. Во-первых, из-за тесного русского-финского взаимодействия на Карельском перешейке некоторые местные жители стали говорить на смеси финского и русского языков, почти полностью отошли от земледелия и ремесел, т.е. традиционного образа жизни, и частично копировали образ жизни петербуржцев⁶³⁴, что не могло не вызвать тревогу определенной части финляндского общества, привыкшего видеть Финляндию в качестве региона с наименьшей долей русского населения во всей империи⁶³⁵. Во-вторых, фактором усиления этих опасений стали ухудшившиеся в политическом плане отношения между Российской империей и ВКФ, которые выразились в русификаторских мерах генерал-губернатора Н.И. Бобрíkова и в законе русского правительства 1910 года, ограничившем права финского сейма в пользу Государственной думы империи.

§ 3. Крупные дачные местности Выборгской губернии.

Наиболее тесные связи устанавливались в деревнях и местечках, расположенных вдоль или рядом с железнодорожной веткой Санкт-Петербург – Рийхимяки, поэтому особое внимание уделено крупным поселениям Кивинебского прихода Эурпяского уезда и Новокирхского прихода Странданского (Рантского) уезда Выборгской губернии, которые привлекали многогранное русское население: дачников, предпринимателей, крестьян и революционеров.

§ 3.1. Куоккала.

Территория Кивинебского прихода начиналась сразу после пересечения границы на станции Белоостров, располагавшейся в 32 километрах от Санкт-Петербурга⁶³⁶. По указаниям путеводителей, Белоостров в качестве дачного места не заслуживал внимания – он выполнял функцию таможни, задерживая

⁶³⁴ *Востров А.В.* Финляндская железная дорога в 1870–1917 гг. как нереализованный фактор сближения двух столиц // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Выборг, 2016. № 17. С. 31.

⁶³⁵ *Каппелер А.* Россия – многонациональная империя. М., 2000. С. 213.

⁶³⁶ *Грэнхаген К.* Спутник по Финляндии 1899–1914. СПб., 1914. С. 31.

поезда не более чем на 20 минут⁶³⁷. Кивинебский приход в целом насчитывал более 40 деревень, однако наиболее заселенными русскими приезжими были несколько поселений вдоль финляндской железной дороги. Одним из таких мест являлась Куоккала (совр. Репино), расположенная в 42 километрах от столицы империи по железной дороге. С конца 1890-х годов местные финляндцы продавали земли обеспеченным петербуржцам, строившим в этой местности роскошные особняки, что постепенно привело к численному преобладанию русского элемента. Вместе с ростом жителей также развивалась инфраструктура поселка: в нем появилась аптека, различные продовольственные лавки, театр и русская православная церковь⁶³⁸.

Финская природа и выгодное расположение на берегу Финского залива не только привлекали публику в Куоккала, но и являлись важным фактором в ценообразовании. Так, прибрежные дачи отдавались в наем за высокую цену (выше 150 рублей), а к северу от станции можно было найти что-то дешевле – за 75–150 рублей⁶³⁹. В Куоккала искала отдыха и вдохновения пестрая творческая интеллигенция столицы, для которой местами притяжения стали дачи И.Е. Репина, К.И. Чуковского, Ю.П. Анненкова и А.М. Горького.

Художник Анненков, которого друзья называли «грозою Финляндии», 18 лет прожил в Куоккала (1899–1917). В его куоккальском доме, позже прозванном «литературной дачей», подолгу жили друзья его отца народовольца П.С. Анненкова: Владимир Галактионович Короленко, редактор «Русского Богатства» Николай Федорович Анненский и его жена, Александра Никитична, переведшая на русский язык «Принца и Нищего» Марка Твена. В качестве гостей Ю.П. Анненков также упоминал Горького, Андреева, Куприна, Репина, Шаляпина, Стасова и Мейерхольда⁶⁴⁰. Недалеко от дачи Анненкова располагалась дача (мыза) Линтула, где с 1905 года жил Горький, собирая вокруг себя «голосистый и разношерстный народ: родственников,

⁶³⁷ Сакслин Т. Путеводитель по Выборгу и окрестностям. Выборг, 1915. С. 42.

⁶³⁸ Лапин И.С. Храмы Карельского перешейка. СПб., 2019. С. 34.

⁶³⁹ Грэнхаген К. Спутник по Финляндии 1899–1914. СПб., 1914. С. 34.

⁶⁴⁰ Анненков Ю.П. Дневник моих встреч. М., 1991. Т. 1. С. 156–157.

свойственников, друзей и совершенно неизвестных посетителей, приезжавших в Куоккала провести день возле гостеприимного писателя и заживавшихся там на неделю, на месяц»⁶⁴¹. Не менее известно имение И.Е. Репина Пенаты, которое каждую среду было местом сбора близких художника – Стасова, Чуковского, Есенина, Маяковского, Шкловского, Пуни, Беленсона, Евреинова, Мейерхольда и многих других.

Основными занятиями были разговоры и споры о поэзии, живописи, театре, ночные фейерверки 2–3 раза в неделю, на которые сходились не только дачники, но и местные финские крестьяне, а также различные игры, например, городки, в которые любил играть Горький и почти всегда одерживал победу⁶⁴². Упоминалось в прессе и празднование дня Ивана Купалы, которое сопровождалось разжиганием больших костров и привлекало русскую публику и местных финляндцев⁶⁴³.

В таких имениях собирались старые столичные салоны и формировались новые культурные традиции, что в целом расширяло рамки петербургского пространства⁶⁴⁴. На одной из таких встреч на даче А.М. Горького присутствовал теоретик искусства и критик К.А. Сюннерберг. Он вспоминал, что мероприятие было организовано для сближения «знаньевцев»⁶⁴⁵ с символистами и «мирискусниками». Примечательно, что на этой встрече также находился известный финский художник Аксель Галлен, который «не знал (или не желал знать) русского языка», поэтому Сюннербергу пришлось общаться с ним на французском⁶⁴⁶.

В Куоккала также провел свое детство известный российский филолог Д.С. Лихачев, семья которого переезжала на лето из Петербурга с целью

⁶⁴¹ Там же. С. 27.

⁶⁴² *Анненков Ю.П.* Дневник моих встреч. М., 1991. Т. 1. С. 27.

⁶⁴³ Земщина. 1910. № 342. С. 4.

⁶⁴⁴ *Перфильева Л.* Русская усадьба рубежа XIX–XX века // Очерки русской культуры. Конец XIX–XX века. Т.1. М., 2011. С. 847.

⁶⁴⁵ Книгоиздательское товарищество «Знание», которое противопоставляло себя течениям модерна – символизму, футуризму и акмеизму.

⁶⁴⁶ *Эрберг К.* (К.А. Сюннерберг) // Ежегодник Рукописного Отдела Пушкинского Дома на 1977. Л., 1979. С. 125.

экономии денег. Лихачев отмечал творческое бунтарство артистической интеллигенции столицы, проживавшей в дачных местах северного (правого) берега Финского залива, чего не было на южном (левом) берегу⁶⁴⁷. Кроме пребывания разнообразной русской публики, Лихачеву Куоккала запомнилась как «царство детей, где на пляже слышался гомон детских голосов, а к морю уходили на целый день, пропуская обеденное время»⁶⁴⁸.

Была популярна Куоккала и среди революционных элементов, которые, по сообщениям путеводителей, там «находили приют, преследуемые русским правительством»⁶⁴⁹, готовили покушения на представителей власти в Петербурге, и даже организовывали фабрику бомб⁶⁵⁰. В 1906 году в этой местности на даче «Ваза» поселился В.И. Ленин, который скрывался там от петербургской полиции⁶⁵¹. Ленин посещал загородный дом семьи Анненковых, в котором некоторое время проживала революционерка Вера Фигнер, участница подготовки покушений на императора Александра II: «Вера Николаевна сразу же из своей одиночной камеры переехала к нам в Куоккалу»⁶⁵². В имении было два дома: в одном жила наша семья, другой дом сдавался в наем. В этот год, ввиду всевозможных тревожных событий, второй дом временно пустовал, и в нем поселилась Фигнер... Пребывание в Куоккале Фигнер считала своим воскресением, возвратом к жизни»⁶⁵³.

Постепенно Куоккала превратилась в петербургский курорт, который из-за своего «заграничного» положения и больших политических свобод имел определенную притягательность по сравнению с другими участками империи⁶⁵⁴. Тяга к этой местности и ее настроение показаны С.Я. Маршаком в его воспоминаниях: «Все здесь какое-то необычное... Да и сам Репин здесь

⁶⁴⁷ Лихачев Д.С. Об интеллектуальной топографии Петербурга первой четверти 20 века. Из воспоминаний // Заметки и наблюдения. СПб., 2017. С. 42.

⁶⁴⁸ Лихачев Д.С. Указ. соч. С. 49.

⁶⁴⁹ Грэнхаген К. Спутник по Финляндии 1899–1914. СПб., 1914. С. 34.

⁶⁵⁰ Путеводитель по Финляндии под ред. Карелина. СПб., 1911. С. 44.

⁶⁵¹ Анненков Ю.П. Дневник моих встреч. М., 1991. Т. 2. С. 255.

⁶⁵² Вера Фигнер была освобождена в 1906 году по амнистии.

⁶⁵³ Анненков Ю.П. Дневник моих встреч. М., 1991. Т. 2. С. 254–255.

⁶⁵⁴ Maccallum Scott A. Through Finland to St. Petersburg. London, 1908. P. 218.

совсем не тот, что в городе. Он праздничный, благодушный, тихий. На нем финская меховая шапка-ушанка, теплая куртка, поверх которой наброшен плащ, пестрые узорные рукавицы. Кажется, будто он всю жизнь провел среди этих сугробов, камней, сосен и знает язык зверей, валунов и деревьев»⁶⁵⁵.

§ 3.2. Терийоки (Териоки).

Куоккала и другие прилегавшие к ней территории уступали по масштабам наиболее известной и густозаселенной местности финляндской железной дороги – поселению Терийоки, находившемуся в 49 километрах от Санкт-Петербурга или в полутора часах езды по железной дороге. Терийоки был самым крупным дачным поселком на побережье Финского залива, насчитывал более 55 тысяч приезжего населения и был излюбленным местом отдыха русского общества⁶⁵⁶. Поселение было вытянуто вдоль побережья Финского залива, обладало большим массивом соснового леса и имело некоторую возвышенность на южном склоне, которая защищала дачи от холодных ветров⁶⁵⁷. В отличие от других дачных мест, в Терийоки присутствовало внутреннее деление – Кескикюля (центральная деревня), Кэкёсенпяя, Оллинпяя, Рялляля (наиболее удалена от побережья), что определялось арендными ценами.

В Терийоки каждый мог найти себе дачу по своему карману и вкусу: дешевые дачи начинались от 75 рублей за летний период и располагались вдали от Финского залива, однако при этом имели прекрасный вид на окрестности; наиболее дорогие дачи находились вдоль прибрежной полосы и стоили около 1500 рублей за лето⁶⁵⁸. Дачная местность Терийок приобрела широкую известность среди разных категорий русского общества, лишая некоторую публику из высших слоев желаемого ими уединения. Из этого сложилась своеобразная особенность – обеспеченные люди предпочитали селиться неподалеку от Терийок, в более здоровых и живописных местах,

⁶⁵⁵ Маршак С.Я. Указ. соч. С. 170.

⁶⁵⁶ Грэнхаген К. Спутник по Финляндии 1899–1914. СПб., 1914. С. 35.

⁶⁵⁷ Северный дачный листок. СПб., 1904. № 1. С. 2.

⁶⁵⁸ Грэнхаген К. Указ. соч. С. 35.

чтобы избежать пыльных улиц и чрезмерной сутолоки⁶⁵⁹. Постоянная проблема финляндского транспорта для этой категории приезжих не стояла, так как нередко они имели собственные выезды⁶⁶⁰.

По инфраструктуре Терийоки намного опережал другие местности Финского залива. По состоянию на 1913 год там имелись: финская совместная гимназия, две русских народных школы, три финских народных школы, рабочий союз, купеческое общество, союзы молодежи и трезвости, терийокское русское собрание, финская и русская пожарные команды, общество благоустройства дачной жизни, православная и лютеранская церкви, редакции газет, пивоваренный завод⁶⁶¹, за год до этого поселок был электрифицирован. Примечательно, что создавали и поддерживали комфорт в поселке не только администрация, но и проживавшие в нем жители. Например, одним из первых инициаторов освоения Терийоки под дачную местность был уже упоминавшийся Рафаэль фон Гаартман, являвшийся одним из основателей Общества благоустройства дачной жизни в Терийоках⁶⁶². Кроме того, для развития инфраструктуры селения свои услуги предлагала вдова потомственного дворянина Л.А. Назимова, которая в 1901 году состояла в переписке с финляндским генерал-губернатором Бобриковым. Назимова указывала, что «в дачных местностях Терийоки, Тюрисево и Черной речке из-за большого количества обывателей, достигшего уже 40 тысяч, давно уже ощущается недостаток в местных перевозочных средствах, так как легковые извозчики не могут удовлетворить трети числа пассажиров, прибывающих на станцию Терийоки»⁶⁶³. В связи с этим обстоятельством она испрашивала одобрения на открытие ею в этих дачных селениях омнибусного движения, с принципами работы которых она была знакома, так как имела в собственности

⁶⁵⁹ Каунис и Тойвола. Имена инженера путей сообщения Орловского В.К. СПб., 1913. С. 12.

⁶⁶⁰ Пискарев П.А., Урлаб Л.Л. Старый милый Петербург. СПб., 2007. С. 239.

⁶⁶¹ Терийокский дневник. 1913. № 1. С. 2.

⁶⁶² Общество благоустройства дачной жизни в Териоках. СПб., 1896. С. 5.

⁶⁶³ ЛОГАВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 546. Об открытии омнибусного движения в местечках Терийоки, Тюрисева и Черная речка. Л. 3.

этот вид транспорта на Невском и Вознесенском проспектах Петербурга. Препятствий со стороны начальника края не встретилось⁶⁶⁴, но, вероятно, дальше проекта дело не пошло, так как пресса, путеводители и современники продолжали отмечать неудобства транспортного сообщения и забастовки местных извозчиков⁶⁶⁵.

Основным местом развлечений местной публики являлось «Казино», включавшее в себя театральный зал, кинематограф, гостиницу и ресторан. Это помещение также использовалось для собраний, концертов и танцев. Местный театр не имел своей труппы и чаще всего использовался для аренды различными постановщиками. Наиболее запоминающимся было пребывание режиссера Александрийского театра В.Э. Мейерхольда летом 1912 года, который давал спектакли в дощатом театре при «Казино»⁶⁶⁶ для апробации своих театральных экспериментов. По воспоминаниям, участники жили «в актерской коммуне на огромной даче Лепони, с хорошо обставленными комнатами; актеры и сам Мейерхольд жили на втором этаже, семья режиссера проживала на первом этаже, а нижняя гостиная была отдана в распоряжение гостей, которые часто ночевали в Терийоках, например, М.Ф. Гнесин»⁶⁶⁷.

Неподалеку от «Казино» располагался яхт-клуб, открытый в 1909 году⁶⁶⁸. Катания по Финскому заливу были популярным занятием среди приезжих: некоторые состоятельные дачники, жившие на береговой линии, имели свои моторные и парусные яхты⁶⁶⁹. Летом 1911 года при яхт-клубе проводилась соревновательная гоночная неделя, которая собрала 53 яхты из Финляндии и Санкт-Петербурга. По сообщениям обозревателей, за состязаниями наблюдал командор яхт-клуба Терийоки, адмирал Н.И. Скрыдлов⁶⁷⁰. Кроме парусного спорта, в дачном поселке под эгидой терийокского спортклуба, открытого в

⁶⁶⁴ Там же. Л. 4 об.

⁶⁶⁵ Петербургский листок. 1909. № 124. С. 2.

⁶⁶⁶ Алтерс Б.В. Искания новой сцены. М., 1985. С. 284.

⁶⁶⁷ Веригина В.П. Воспоминания. Л., 1974. С. 188.

⁶⁶⁸ Браво А.Е., Травина Е.М. Зеленогорск. Дачная жизнь 100 лет назад. СПб., 2016. С. 51.

⁶⁶⁹ Засосов Д.А., Пызин В.П. Из жизни Петербурга 1890–1910-х годов. Л., 1991. С. 114.

⁶⁷⁰ Огонек. 1911. № 24. С. 6.

1913 году, развивался футбол, легкая атлетика, бег и прыжки, что соответствовало общему увлечению спортом того времени. Терийокские команды, состоявшие из русских приезжих и местных финляндцев, проводили соревнования с командами финляндского района и Выборга, что вызывало интерес у публики⁶⁷¹.

Познакомиться с культурными особенностями этого края дачникам удавалось также и через местные финляндские празднества, которые зачастую продолжались несколько дней. Программа таких праздников включала исполнение народных песен, торжественные шествия, концерты, различные виды соревнований, а также фейерверки⁶⁷². Подобные проявления национальной культуры осуждались консервативным изданием «Новое время», которое усматривало в этом антирусскую агитацию и признаки сплочения местного населения против русской культуры. Местная русскоязычная дачная газета «Терийокский дневник» придерживалась другого мнения, поэтому своевременно реагировала на такие выпады и старалась развенчивать представления о плохих финляндцах⁶⁷³.

Вместе с большим количеством отдыхающих на территорию Карельского перешейка привносились элементы русской культуры, выраженные в определенном поведении, языке и религии. Религиозная составляющая была особо заметна в строительстве православных церквей, которые зачастую возводились при финансовом содействии русской публики. В Териойки таким местом была Казанская церковь, построенная в 1880 году из дерева на средства дачевладельца А.И. Дурдина⁶⁷⁴. После пожара 1907 года встал вопрос о возведении новой православной церкви, которая была заложена в 1910 году, а окончательно освящена в 1915 году. Каменная церковь в псевдорусском стиле строилась по проекту местного дачника, архитектора Н.Н. Никонова, а

⁶⁷¹ Терийокский дневник. 1913. № 4. С. 3.

⁶⁷² Браво А.Е., Травина Е.М. Зеленогорск. Дачная жизнь 100 лет назад. СПб., 2016. С. 68–69.

⁶⁷³ Терийокский дневник. 1913. № 2. С. 2.

⁶⁷⁴ Лапин И.С. Храмы Карельского перешейка. СПб., 2019. С. 20.

большая часть средств была пожертвована купцом Д.Т. Игумновым, также проживавшим в дачной местности Выборгской губернии⁶⁷⁵.

Поселок Териюки пользовался популярностью не только среди творческих интеллектуалов, восторгавшихся особым колоритом Финляндии, но и среди представителей политических и революционных кругов, которые использовали эту местность для реализации собственных планов. Так, в Териюки проводили свои съезды различные оппозиционные правительству политические партии. Об одном из таких собраний упоминал лидер Конституционно-демократической партии П.Н. Милюков: «На летнее время [1906 года] я с семьей поселился на даче возле Териок, за границей Белоострова. Там же поблизости поселился член Первой Думы Герасимов. Выбор места был сделан с умыслом. Собраться в Петербурге членам партии было невозможно; местом наших политических сборищ, более или менее конспиративных, сделалась с этих пор Финляндия. Собрать полный съезд также было нельзя; мы собрали в Териоках партийное совещание, на которое членам полагалось приезжать и приходиться поодиночке»⁶⁷⁶.

Летом 1906 года селение приковало к себе внимание публики по причине произошедшего там убийства М.Я. Герценштейна, члена I Государственной Думы от партии кадетов. Расследование данного убийства показало причастность черносотенной монархической организации «Союз русского народа»⁶⁷⁷. Герценштейн активно выступал в думе по аграрному вопросу, чем и привлек внимание черносотенцев. Само убийство подготавливалось без должной конспирации и даже с налетом уверенности в безнаказанности: участники преступления демонстрировали служащим гостиницы револьверы и панцири, называя себя революционной летучей боевой дружиной⁶⁷⁸. Депутат Герценштейн был убит 18 июля 1906 года двумя выстрелами во время прогулки на берегу Финского залива. Подобные политические события имели

⁶⁷⁵ Браво А.Е., Травина Е.М. Указ. соч. С. 110.

⁶⁷⁶ Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 274.

⁶⁷⁷ Степанов С.А. Черная сотня. М., 2005. С. 22.

⁶⁷⁸ Там же. С. 207.

широкое освещение в российской и иностранной прессе, которая осуждала подобный террор, приписывая его революционным организациям⁶⁷⁹.

Революционные элементы использовали Финляндию не только как место для укрытия от полиции империи, но и в качестве базы для осуществления своей террористической деятельности⁶⁸⁰. Например, члены боевой организации эсеров обучались изготовлению бомб в химической лаборатории, располагавшейся на одной из прибрежных дач в Терийоки. Примечательно, что это мероприятие не возбуждало подозрений ни у полиции, ни у соседей⁶⁸¹.

Разыскиваемые лица могли длительное время скрываться на территории Великого княжества Финляндского, так как финские власти предпочитали не вмешиваться в процессы подобного рода. На просьбы МВД и департамента полиции Российской империи о помощи в аресте местными властями и препровождении под стражей в Санкт-Петербург чаще давались типичные ответы: «обнаружены не были»; «деятельность съезда несомненно была закончена, и участники его разъехались, поэтому губернатор был лишен возможности принять какие-либо меры по поводу описанного события»⁶⁸².

С укреплением образа Карельского перешейка как пригородной дачной местности столицы произошел бурный наплыв не только обеспеченных слоев интеллигенции, но и рабочих рук. В конце 1880-х годов дачники привозили с собой прислугу для обеспечения своих нужд: чаще это были нянечки, горничные и повара. Такие детали фиксировались в списках дачевладельцев, например: «Верещагин (сам, жена, 8 детей и 5 человек прислуги) ... вдова Гарянская (сама и прислуга)»⁶⁸³. Немного позже, с ростом строительного бума, на территорию Выборгской губернии стали проникать также русские мастеровые: каменщики, штукатуры, маляры, столяры и другие, которые

⁶⁷⁹ Голос Москвы. 1907. № 104. С. 3, № 215. С. 3.; The New York Times. 1909. № 18866. P. 3.

⁶⁸⁰ Савинков Б.В. Воспоминания террориста. М., 1991. С. 183.

⁶⁸¹ Там же. С. 194.

⁶⁸² РГИА. Ф. 1361. Оп. 1. Д. 57. О съезде учителей в поселке Юстила Выборгской губернии. Л. 7–7 об.

⁶⁸³ ЛОГАВ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 22. Списки дачевладельцев и дачников в Райвола, Куоккала и Терийоки за 1887 г. Л. 1–1 об.

выполняли свою работу более качественно, чем местные, и не требовали высокой оплаты своего труда⁶⁸⁴. Работа для них находилась не только в усадьбах и дачах русских жителей, но и в других финских городах.

Другая категория русского приезжего населения была связана с торгово-экономическими занятиями, которые быстро развивались на рубеже XIX–XX веков в указанных дачных местностях. В основном, эта группа русского населения включала в себя торговцев, пекарей, сапожников, трактирщиков, извозчиков и других лавочников, которые могли предложить разные бытовые товары и услуги. Несмотря на то, что работа этих выходцев из России имела сезонный характер, многие из них, по замечаниям финского историка Э. Кяхенен, через несколько лет окончательно оседали в этих селениях⁶⁸⁵.

География приезжих была самая разнообразная: по записям за 1903 год встречались упоминания Костромской губернии, Покровского уезда Владимирской губернии, Слуцкого уезда Минской губернии⁶⁸⁶, «разносчиками бывали и ярославцы»⁶⁸⁷. Вероятно, значительную часть этих людей дачные селения Выборгской губернии привлекали в качестве места для поиска работы, которой в пиковые сезоны хватало всем. Кроме того, приезжие русские крестьяне также выкупали у местных финских жителей землю, как и обеспеченные слои русского общества. Примером такого приобретения может служить оформленная сделка о продаже земельного участка финном Томасом Латтуненом: «Из принадлежащей мне 1/6 части имения в доме № 8 в деревне Териоки, Кивинебского стана Выборгской губернии, мы нижеподписавшиеся, продаем и передаем крестьянину Тверской губернии Старицкого уезда Павлу Никифоровичу тот земельный участок на углу Большой Териокской дороги и

⁶⁸⁴ Мусаев В.И. Миграционные контакты между Петербургской и Выборгской губерниями // Санкт-Петербург и Страны Северной Европы. СПб., 2006. С. 279.

⁶⁸⁵ Мусаев В.И. Миграционные контакты между Петербургской и Выборгской губерниями // Санкт-Петербург и Страны Северной Европы. СПб., 2006. С. 279.

⁶⁸⁶ ЛОГАВ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 174. Список русских подданных, проживавших в Райвола (фрагмент). Л. 1.

⁶⁸⁷ Лихачев Д.С. Об интеллектуальной топографии Петербурга первой четверти 20 века. Из воспоминаний // Заметки и наблюдения. СПб., 2017. С. 42.

Сажинеского переулка с долгами 235 рублей, за 5 рублей за русскую сажень, а всего за 1175 рублей»⁶⁸⁸. Такие участки могли обрабатываться, сдаваться в аренду, либо перепродаваться позже, когда цена на них возрастала, что приносило хорошую прибыль. Например, похожая ситуация зафиксирована в купчей на земельный участок в Териоки: «Настоящим мы нижеподписавшиеся продаем и передаем, принадлежавшие нам дачные участки в деревне Териоки Териокского прихода Василию Герасимовичу Довгопольскому за обусловленную между нами сумму в **6 тысяч рублей**... Выборг, 22 августа 1914 г.; Я, нижеподписавшийся, Василий Герасимович Довгопольский сим уступаю гражданину Семену Козьмичу Крылову, принадлежавшие мне земельные участки в деревне Териоки, за установленную между нами сумму в **17 тысяч рублей**...Петроград, 9 марта 1917 г.»⁶⁸⁹.

Не всегда занятия русских подданных в ВКФ отличались честными и законными действиями. По сообщениям местной прессы, существовала проблема тайного провоза спирта и торговли им: «30 июля на ст. Териоки на таможне задержаны с бутылками русского спирта Наталья Храмова 50 лет и Матрена Храмова 51 год, обе из Райволы. Кроме этого, в их одежде были найдены 7 полубутылок и одна сотка спирта⁶⁹⁰... на днях задержан за торговлю и провоз спирта местный торговец духами – в его портфеле оказалось 20 соток спирта»⁶⁹¹. Для финляндцев это имело серьезное значение по причине существовавшей проблемы пьянства среди местного населения – в 1905 году некоторые общественные организации выдвигали требование о запрете продажи в Финляндии не только крепких напитков и вина, но также и пива, чтобы в «недалеком будущем Финляндия стала трезвой страной»⁶⁹². С контрабандой крепкого алкоголя и русского спирта, в частности, боролись

⁶⁸⁸ ЛОГАВ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 263. Выписки из протоколов заседаний уездного суда о переходе недвижимого имущества к новому владельцу. Л. 12–12 об.

⁶⁸⁹ РГИА. Ф. 1361. Оп. 1. Д. 127. Купчие на земельные участки в деревне Териоки, Териокского прихода Выборгской губернии. Л. 11–12.

⁶⁹⁰ Терийокский дневник. 1913. № 9. С. 2.

⁶⁹¹ Там же. № 8. С. 2.

⁶⁹² *Грэнхаген К.* Спутник по Финляндии 1899–1914. СПб., 1914. С. 52.

путем конфискации: «за январь–июль 1913 г. на Териокской таможене конфисковано 441 бутылок спирта и 283 бутылки водки»⁶⁹³, а также солидными штрафами в 100 финских марок (37,5 рублей) или тюремным заключением на 20 дней⁶⁹⁴. Среди других преступлений упоминались случаи воровства разного рода имущества, которые совершались по всей территории Кивинебского прихода – в Терийоки, Куоккала и в менее популярных местностях.

Многочисленное и разнообразное население, развитая инфраструктура, наличие таможни, запоминающиеся общественно-политические события и другие факторы помогли поселению Терийоки выделиться среди остальных дачных местностей Карельского перешейка. Этот финляндский поселок являлся неким центром притяжения для приезжих и мог сосредотачивать вокруг себя уже другие дачные местности, например, Тюрисевя, Ваммельсуу, Метсекюля⁶⁹⁵, располагавшиеся в соседнем Новокирхском приходе. Для современников Терийоки имел образ своеобразного центра дачной жизни, его воспринимали как некую исходную точку при указании географического нахождения какого-либо объекта неподалеку, например, имения или санатория: «...в 5-ти верстах от Териок»⁶⁹⁶.

§ 3.3. Финляндская Ривьера: Тюрисевя, Ваммельсуу, Ино, Кирстиняла.

В административном плане с Кивинебским приходом соседствовал Новокирхский приход, центр которого находился в селении Новая Кирха (по-фински – Uusikirkko) по железной дороге в сторону Выборга. Деревни этого прихода не могли предложить приезжим такой же насыщенный ритм жизни, как в пограничном приходе. При этом, первые русские приезжие 1870-х–1880-х годов, которые искали спокойствия и отдыха на Карельском перешейке,

⁶⁹³ Терийокский дневник. 1913. № 8. С. 2.

⁶⁹⁴ Там же. № 9. С. 2.

⁶⁹⁵ *Симанский В.К.* Куда ехать на дачу? Петербургские дачные местности в отношении их здоровья. СПб., 1892. URL: https://www.aroundspb.ru/guide/northwest/sim_vyb.php (дата обращения: 11.06.2021).

⁶⁹⁶ Каунис и Тойвола. Имена инженера путей сообщения Орловского В.К. СПб., 1913. С. 12; *Остроумова-Лебедева А.* Автобиографические записки. М., 1974.

сначала освоили именно район Уссикирко, а чуть позже стали развивать селения Кивинебского прихода.

В географическом плане ближайшим к Терийоки поселением на юго-западе было Тюрисевя, которое находилось в 54 километрах от Санкт-Петербурга. Большая часть селения располагалась в транспортном отдалении от железной дороги, на берегу Финского залива, где и строились лучшие дачи⁶⁹⁷. По описаниям современников, Тюрисевя представляло собой небольшую финскую деревеньку, в которой имелась гостиница с умеренными ценами, хотя масса русских дачников предпочитала жить в особняках среди леса. Цены на дачи были не ниже, чем в других местностях: от 70 до 400 рублей за летний период. Поскольку природа была одним из главных достоинств Тюрисевя и всего Карельского перешейка, то и развлечения дачников были связаны с ней: они дышали свежим деревенским воздухом, купались в море, катались на лошадях, отдыхая от мирских забот⁶⁹⁸. До 1908 года приезжие попадали сюда на таратайках по земской дороге из Терийок, однако с ростом популярности данного и соседних местечек для удобства была открыта платформа Тюрисевя между Терийоки и Райвола. Несмотря на это, Тюрисевя, скорее, являлся «промежуточным» поселком, который не мог соперничать с пестрым и разнообразным Терийоки: «Когда кондуктор, проходя по вагону, крикнул “Тюрисево”, мы молча переглянулись и вышли на площадку. Каково же было наше удивление, когда оказалось, что Тюрисева действительно вроде бы и не было: близ станции виднелся пустырь и на нем несколько шестов с объявлениями о продаже участков»⁶⁹⁹.

Известным местом проживания русской интеллигенции в Новокирхском приходе являлось поселение Ваммельсуу, располагавшееся вдали от путей сообщения, плотно прилегая к побережью Финского залива. По причине той

⁶⁹⁷ *Грэнхаген К.* Спутник по Финляндии 1899–1914. СПб., 1914. С. 35.

⁶⁹⁸ *Симанский В.К.* Куда ехать на дачу? Петербургские дачные местности в отношении их здоровья. СПб., 1892. URL: https://www.aroundspb.ru/guide/northwest/sim_vyb.php (дата обращения: 11.06.2021).

⁶⁹⁹ *Веригина В.П.* Воспоминания. Л., 1974. С. 189.

же транспортной удаленности путеводители мало уделяли внимания этому селению, упоминая его как окраину большого Терийоки. Между тем, Ваммельсуу и его окрестности были знамениты своими приезжими и их дачными усадьбами. Например, одним из самых обсуждаемых и посещаемых мест Карельского перешейка для русского общества стала дача писателя Леонида Андреева, которую он начал строить в 1907 году. По воспоминаниям его сына, Андреев купил небольшой участок земли возле деревушки Ваммельсуу, чуть позже прикупив у местных крестьян куски необработанной земли, что в итоге дало имение размером около 7–8 десятин⁷⁰⁰. Построенный дом поражал своими размерами и требовал соответствующего снабжения: на 15 комнат приходилось 20 печей, которые в зимнее время «съедали» больше сажени⁷⁰¹ дров ежедневно, однако это не всегда помогало при сильном финском морозе (см. прил. № 5). Кроме того, на участке присутствовали бесчисленные сараи (дровяные, погреба, конюшни), а также купальни и две пристани⁷⁰². Обширная дачная усадьба Андреева привлекала множество гостей, которые приезжали на 1–2 дня и оставались жить целыми неделями – это были разнообразные родственники, коллеги и друзья, заглядывавшие по делам или просто так. По описаниям сына Леонида Андреева, Вадима, иногда из Петербурга съезжалось до 50-ти человек, для которых снимали соседние пустовавшие зимой дачи, так как все не могли поместиться в усадьбе писателя⁷⁰³. Известными гостями Андреева были соседи по даче – И.Е. Репин, К.И. Чуковский, В.А. Серов, П.Н. Милюков и многие другие. Развлечения мало отличались от досуга в других местностях и касались прогулок на природе, купания в море, творчества (на даче Андреева все начинали писать или рисовать), а также интеллектуальных разговоров. Случалась и политическая тематика бесед, которая была известна полицейскому надзору, негласно следившему за домом писателя по причине его неблагонадежности:

⁷⁰⁰ Андреев В.Л. Детство. М., 1964. С. 38.

⁷⁰¹ 1 сажень равнялась 2,13 м. В объеме – более 8 м.

⁷⁰² Андреев В.Л. Детство. М., 1964. С. 44.

⁷⁰³ Там же. С. 47.

«По имеющимся сведениям группа писателей во главе с Леонидом Андреевым, Федором Тетерниковым (Сологуб) и Алексеем Пешковым (Горький) ведет при посредстве печати борьбу с антисемитизмом, причем названные лица устраивают собрания до 50–60-ти человек...Канцелярия просит распоряжения Вашего Превосходительства о производстве негласным путем проверки означенных сведений»⁷⁰⁴.

Известны окрестности Ваммельсуу и по строительству там благотворительным обществом «Братство во имя Царицы Небесной» приюта для детей-инвалидов. Согласно делопроизводственным документам, земля для этого заведения была приобретена с публичных торгов 21 июля 1902 года у крестьянского семейства Лири в части казенного геймата в деревне Ваммельсуу Новокирхского прихода по цене в 3650 рублей, что равнялось 9733 финляндским маркам⁷⁰⁵. Благотворительное общество имело цель поддерживать и расширять приюты для эпилептиков и припадочных, которые по роду болезни не могли быть приняты в другие места. «Братство во имя Царицы Небесной» включало многих известных деятелей: возглавляла его графиня Ольга Дмитриевна Апраксина, членами являлись К.П. Победоносцев, протоирей Ф.Н. Орнатский, отец Иоанн Кронштадтский⁷⁰⁶ и другие.

Рядом с Ваммельсуу, вдоль берега Финского залива, находилось местечко Метсекюля, которое с 1880-х годов приобрело популярность в качестве дачного отдыха для многих деятелей культуры, науки и государственных чиновников Петербурга. Особенно красивые места раскинулись по обеим сторонам Черной речки, где и «ютились петербургские магнаты»⁷⁰⁷. Например, упоминается пребывание начальника петербургской полиции Н.В. Спиридонова, писателя Д.С. Мережковского, профессора Д.Д. Попова,

⁷⁰⁴ ЛОГАВ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 8. Дело о негласной проверке сведений о ведении группой писателей во главе с Леонидом Андреевым, Сологубом и Максимом Горьким, при посредстве печати, борьбы с антисемитизмом и устройстве собраний. Л. 1.

⁷⁰⁵ ЛОГАВ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 11011. Геймат № 1 д. Ваммельсуу Уусикирккоской волости Рантского уезда. Л. 109.

⁷⁰⁶ *Соболева И.А.* Утраченный Петербург. СПб., 2012. С. 290.

⁷⁰⁷ *Грэнхаген К.* Спутник по Финляндии 1899–1914. СПб., 1914. С. 36.

художника Н.К. Рериха, химика Д.И. Менделеева, шведа А. Нобеля и многих других. Не менее примечательной для местных жителей была красивая вилла русского военачальника, члена Государственного совета, Алексея Николаевича Куропаткина, который на рубеже XIX–XX веков поддерживал действия генерал-губернатора Н.И. Бобрíkова в Финляндии, за что остался в памяти финнов «злым духом Финляндии»⁷⁰⁸.

Неподалеку от виллы Куропаткина начиналась деревня Ино (Инокюля), где проживал политический деятель Павел Милюков. Лидер кадетской партии после проведенного лета 1906 года на съемной даче в Терийоки решил приобрести свою собственность на Карельском перешейке. По воспоминаниям Милюкова, «лучшего сочетания особенностей всей Финляндии в миниатюре нельзя было найти», поэтому он купил участок с небольшой крестьянской избой и принялся за перестройку⁷⁰⁹. Дача политика не могла соперничать с огромными виллами Андреева, Куропаткина или Бехтерева, но включала в себя несколько спален, большой кабинет, куда Милюков перевез часть своей библиотеки, и террасу. Однако от этого данное место для него не было менее ценным: Милюков любил этот участок, на котором сам вместе с финским плотником осуществлял многие доработки и перестройки. Полюбила финскую дачу и семья политического деятеля, приезжавшая в Ино на лето и Рождество, проводя время за игрой в теннис и лыжными прогулками⁷¹⁰.

Местом творчества была дача художника Валентина Серова, перебравшегося в окрестности Ино в 1901 году. Дом художника располагался на самом берегу Финского залива и оказался благотворным местом для его живописи. По указаниям историка Н.В. Григорьевой, в Финляндии Серов создал свои известные произведения: «Дети», «Купание лошади», «Люди на взморье» и другие; нашел сюжеты для своих картин «Финская мельница», «Финляндский дворик»⁷¹¹. Круг общения Серова в Финляндии также был

⁷⁰⁸ *Грэнхаген К.* Спутник по Финляндии 1899–1914. СПб., 1914. С. 36.

⁷⁰⁹ *Милюков П.Н.* Воспоминания. М., 1991. С. 314.

⁷¹⁰ Там же. С. 315.

⁷¹¹ *Григорьева Н.В.* Путешествие в русскую Финляндию. СПб., 2002. С. 28.

творческим – его дачу посещали Бенуа, Дягилев, Андреев, Чуковский, создавая необходимую атмосферу для новых художественных экспериментов.

Кроме упомянутых селений существовали совсем отдаленные местечки, находившиеся в глубине Карельского перешейка, в районе многочисленных финляндских озер. Такие деревни располагались к западу от описанных Тюрисея, Ваммельсуу и Метсякюле, не имея прямого доступа к транспортному сообщению. Одним из таких поселений была Кирстиняла, где располагалось внушительное имение врача, лейб-медика и общественного деятеля С.П. Боткина, с 1881 года постоянного приезжавшего на летние месяцы в Финляндию⁷¹². Главное здание усадьбы Боткина, исполненное архитектором министерства путей сообщения П.С. Купинским, было построено на холме, имело 49 комнат и было украшено великолепной резьбой. Имение было масштабным: на его территории располагались пекарня, собственная часовня, а также летний дом художника и коллекционера Михаила Петровича Боткина, брата Сергея Петровича⁷¹³. Такие пространства обеспечивали постоянное пребывание гостей на даче Боткиных: друзей, учеников, представителей научной и художественной элиты Петербурга. Например, часто бывал в имении С.П. Боткина писатель М.Е. Салтыков-Щедрин, живший в 1886 году по соседству в Красной мызе. Популярность дачных мест Карельского перешейка отмечалась писателем в несколько ироничной манере: «все благодаря пущенным слухам о необыкновенности живительности здешнего воздуха»⁷¹⁴.

Селение Новая Кирха было известным не только из-за своего центрального положения в приходе, оно также являлось ориентиром для приезжавших в санаторий Халила, располагавшегося вблизи озера Халиланярви, в 10 километрах от поселения. Санаторий был построен в 1889 году по инициативе петербургского врача Владимира Александровича Дитмана,

⁷¹² *Велиховский Л.* Указ. соч. С. 111.

⁷¹³ Там же. С. 112.

⁷¹⁴ *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собр. соч. в 20 т. М., 1974. Т. 16, кн. 2. С. 9.

который отмечал благоприятные почвенные и климатические условия Финляндии для чахоточных больных. Халила стала первым подобным учреждением для больных туберкулезом, находящимся вблизи Санкт-Петербурга⁷¹⁵. С 1892 года лечебница находилась под патронажем императорской семьи, которая субсидировала постройку нескольких новых корпусов, а также их содержание. По информации путеводителей, в императорскую «санаторию» принимались по письменному заявлению в Собственную Его Величества канцелярию больные, преимущественно из Петербурга и его окрестностей, обою пола, всякого звания и вероисповедания, страдающие туберкулезными поражениями одной или обеих верхушек легких⁷¹⁶. Для лиц иудейского вероисповедания существовал особый порядок – они должны были лично ходатайствовать у Выборгского губернатора о возможности пребывания в лечебнице. Санаторий включал три отделения: мужское, женское и для воспитанниц институтов ведомства императрицы Марии. Бытовые и досуговые условия были достойными: деревянные здания были освещены электричеством, снабжены ключевой водой, имелась библиотека с читальней, а также бильярд, рояль и неограниченная возможность прогулок по парку или на лодках по озеру⁷¹⁷.

Кроме отдыха и лечения, некоторыми лицами санаторий использовался в качестве укрытия, что было удобно из-за его удаленного географического положения от центра империи. Например, о подобном случае в письме от 4 февраля 1907 г. сообщал товарищ министра юстиции министру статс-секретарю Великого княжества Финляндского: «...прилагая при сем письме копии постановления следователя по важнейшим делам Екатеринодарского окружного суда от 25 сентября 1906 года и постановления того же следователя о задержании, выдаче и препровождении в Санкт-Петербургскую тюрьму с привлечением к делу студента Санкт-Петербургского политехнического

⁷¹⁵ Нива. 1889. № 35. С. 883.

⁷¹⁶ Путеводитель по Финляндии под ред. Карелина. СПб., 1911. С. 49.

⁷¹⁷ Грэнхаген К. Спутник по Финляндии 1899–1914. СПб., 1914. С. 37.

института Карла Мецнера, проживающего в пределах Финляндии, в санатории «Халила» близ станции Уссикирко финляндской железной дороги... имею честь обратиться с просьбой не отказать в содействии к немедленному аресту финляндскими властями упомянутого Мецнера с тем, чтобы доставить его в Петербург»⁷¹⁸. При этом уединенность и отдаленность не всегда являлись факторами безопасности. Например, в марте 1905 года главный врач Халилы сообщал, что в окрестностях участились случаи краж и «буйств» среди местного финляндского населения. Обстановка была не самой благоприятной, даже дошло до того, что служащий санатория был ранен местным жителем выстрелом в ногу⁷¹⁹.

Все вышеописанные финляндские селения пользовались популярностью среди русских приезжих, которые не только осваивали дачные участки, но также создавали вокруг мест своего обитания новые православные церкви. Если говорить о зоне Финляндской Ривьеры, то там чаще возводились домовые церкви при дачных виллах, которые становились небольшими духовными центрами для русской публики. Например, такой была домовая церковь в усадьбе Боткина в Кирстиняла, строительство которой было одобрено в духовной консистории Петербурга, а служба началась в 1883 году. К началу XX века, на Карельском перешейке возводились и общественные церкви – Преображения Господня в Мустамяки и Уссикирко, церковь Всех Скорбящих Радость в Метсякюля и другие. Имелась церковь и при императорском санатории Халила, первоначально построенная в 1892 году и перестроенная в 1905 году после пожара⁷²⁰. При этом, несмотря на общее увеличение

⁷¹⁸ РГИА. Ф. 1361. Оп. 1. Д. 55. О выдаче политических, укрывающихся в Финляндии. Л. 1–1 об.

⁷¹⁹ РГИА. Ф. 759 Оп. 66 Д. 377. Дело по рапорту главного врача санатория «Халила» в Финляндии о кражах и «буйствах» среди местного населения по соседству с санаторием. Л. 1.

⁷²⁰ *Нешатаева Н.Б.* Из истории санатория // URL: <http://gtssb.ru/index.php/istoriya?showall=&start=1> (дата обращения: 11.02.2020).

православных приходов, доминирующей религией Выборгской губернии оставалось лютеранство, которое исповедовало более 90 % населения⁷²¹.

В целом, на примере селений Финляндской Ривьеры заметна тенденция проникновения русских отдыхающих на территорию Выборгской губернии. Как правило, эти приезжие представляли обеспеченные слои петербургского общества, что подтверждается их спокойным и богемным времяпрепровождением, а также масштабом возведенных построек. В конце XIX века такие имения еще олицетворяли традиционное понимание усадьбы – с их помпезностью и размахом⁷²², которое круги столичной интеллигенции поддерживали. Постепенно, к началу XX века, проникало более обыденное понимание дачного дома, который был меньше и проще, а значит и был доступным для более широких слоев публики. Вероятно, территория Новой Кирхи, в частности Финляндской Ривьеры, наиболее отражала традиционный уклад жизни российского общества 1880-х–1890-х годов, сохраняя некий налет элитарности в отношении отдыха. Кивинеб же был открыт для новых экспериментов, привнесенных культурой Серебряного века.

§ 4. Туристические поездки и экскурсии: Сайменский канал, Вильманstrand, Иматра.

На территории Выборгской губернии русским приезжим, кроме дачного отдыха, было доступно и более активное времяпрепровождение, которое состояло из посещения популярных туристических мест. Обычно такие поездки были более короткими и динамичными, нежели неспешный дачный отдых. Несмотря на отсутствие скидок за проезд для экскурсионных групп (в других частях империи они предоставлялись⁷²³), а также более дорогое жилье, места ВКФ пользовались популярностью среди путешественников.

⁷²¹ Статистический ежегодник России 1910. СПб., 1911. С. 72–73.

⁷²² *Перфильева Л.* Русская усадьба рубежа XIX–XX века // Очерки русской культуры. Конец XIX–XX века. Т.1. М., 2011. С. 813.

⁷²³ Экскурсант из Нижнего Новгорода указывал, что им предоставляли скидку 75 % при проезде в вагоне 3 класса по всем ж/д империи, кроме ВКФ, а также скидку в 50 % на пароходах по Волге (Отчет о состоянии нижегородского дворянского института императора Александра II за 1911–1912. Нижний Новгород, 1912. С. 38).

Наверное, самой известной природной и туристической достопримечательностью Выборгской губернии был водопад Иматра, расположенный на реке Вуокса. Добраться к этому месту можно было из Выборга несколькими путями: по железной дороге, по Сайменскому каналу, на автомобиле или на велосипеде. Последние два вида транспорта были не очень популярными среди широких масс: автомобиль – из-за своей дороговизны (100–150 марок), велосипед – из-за необходимой физической подготовки, так как путь составлял около 56 километров по грунтовой дороге⁷²⁴. Отдельная железнодорожная ветка на Иматру, открытая в 1892 году от Выборга, сделала этот путь наиболее доступным и дешевым: стоимость на 1914 год составляла от 2,5 до 6,25 марок в зависимости от класса⁷²⁵. При этом некоторые путешественники осознанно выбирали менее удобный путь по воде, чтобы насладиться водными красотами Сайменского канала и Сайменского озера, откуда канал брал свое начало.

Пароходы по направлению Сайменского канала, Вильманстранда, Нейшлота и Куопио отходили от северной гавани Выборга несколько раз в день. Во время плавания по Сайменскому каналу путешественники любовались сменявшимися природными пейзажами Финляндии и «отвесными гранитными громадами», между которых шел пароход⁷²⁶. В окрестностях канала – по берегам и на многочисленных островах – были разбросаны дома состоятельных петербуржцев, которые могли позволить себе провести пару месяцев среди финляндской тишины. Например, в месте Лавола располагались дачи директора банка В. Роте и вдовы коммерции советника Рихарда⁷²⁷. Путь по Сайменскому каналу проходил через многие озера и шлюзы, возле которых были оборудованы гостиницы, снабженные телефонным сообщением с

⁷²⁴ Гейкель С.М. Как путешествовать по Финляндии? Выборг, 1914. С. 50.

⁷²⁵ Там же. С. 50.

⁷²⁶ Гастев К.И. Доклад об экскурсии воспитанников Нижегородского дворцового института императора Александра II в Петербург, Финляндию... в июне 1912 г. // Отчет о состоянии нижегородского дворянского института императора Александра II за 1911–1912. Нижний Новгород, 1912. С. 21.

⁷²⁷ Сакслин Т. Путеводитель по Выборгу и окрестностям. Выборг, 1915. С. 53.

Выборгом и Иматрой. Поездка по Сайменскому каналу занимала один день и заканчивалась возле Сайменского озера, откуда можно было добраться до Вильманстранда⁷²⁸. По окончании путешествия пассажиры также могли видеть гранитные обелиски императорам – Николаю I и Александру II, при которых строительство этого пути было начато и закончено, а также инициалы Александра III и его супруги, посетивших эти места в 1885 году⁷²⁹.

Вильманstrand (совр. Лапперанта) представлялся приезжим небольшим типичным финляндским городом. Несмотря на то, что он больше служил перевалочным пунктом при продвижении на Иматру, путешественники уделяли внимание его достопримечательностям. Они осматривали остатки шведских укреплений, финскую церковь и гимназию, живописную набережную, а также расположения русских войск, с которыми можно было радушно пообщаться⁷³⁰. По сообщениям газет, в летние месяцы Вильманstrand был переполнен русскими приезжими, что усложняло поиск жилья, цены на которое сильно подсакивали. При высоком уровне цен жизнь в Финляндии, по мнению путешественников, была устроена достойно, «во многих отношениях лучше русской» – были хороши внутренние и международные пути сообщения, почта и телеграф⁷³¹.

Из Вильманстранда на Иматру можно было добраться на пароходе по Сайменскому озеру, что занимало около 2,5 часов⁷³². Альтернативой водному путешествию являлся наиболее популярный и комфортный путь по железной дороге из Выборга. Некоторые туристы предпочитали сойти немного раньше конечной станции, чтобы совершить пешую прогулку. Такая дорога проходила между финляндских селений, в которых приезжие могли увидеть быт настоящих, «нерусифицированных» финнов. Путешественники замечали, что крестьянские домики имели игрушечный вид, зачастую были маленькими и

⁷²⁸ Сакслин Т. Указ соч. Выборг, 1915. С. 56.

⁷²⁹ Maccallum Scott A. Through Finland to St. Petersburg. London, 1908. P. 117.

⁷³⁰ Гастев К.И. Указ. соч. С. 21–22.

⁷³¹ Голос Москвы. 1909. № 148. С. 3.

⁷³² Путеводитель по Финляндии под ред. Карелина. СПб., 1911. С. 91.

невзрачными, похожими на железнодорожные будки. При этом при каждом доме был разбит садик, а в окнах можно было увидеть белые занавески, цветы и отменную чистоту вокруг, которая являлась второй финляндской добродетелью⁷³³.

Живописная Иматра располагалась в 59 километрах от Выборга и представляла собой быстрый водопад (водоскат) высотой 19 метров. Раскатистый шум водного потока и загадочная атмосфера Финляндии привлекали путешественников, которые своими поездками подогревали интерес к этому месту⁷³⁴. Большие массы людей требовали соответствующей инфраструктуры, которая выросла в целый поселок – рестораны, простые или роскошные гостиницы и мебелированные комнаты. С течением времени завышенные и растиражированные отзывы перестали совпадать с ожиданиями некоторых туристов, писавших о своих разочарованиях: «рассчитывая на дикий, мощный, своеобразно-живописный и, главное, пустынный пейзаж, мы нашли нечто в роде “модного курорта” с массой публики, отелями, дорожками, киосками, автомобилями, которые обесценили в наших глазах первобытную красоту прославленного водоската»⁷³⁵; «докучливое бурление воды, без чудес...люди мешают природе. Они укорачивают, разжижают, опошляют впечатление»⁷³⁶.

Многолюдность не шла на пользу этому туристическому месту, которое не могло справиться с большим человеческим потоком и поэтому теряло свое настроение спокойствия и уединенности. Для приезжих Иматра стала курортным местом, где можно было не только найти симпатичные для глаз виды, но и какие-то приключения. Примечателен случай заключенного в 1890-х годах пари между неким купцом и циркачом Федором Молодцовым. По условиям этого спора, Молодцов должен был пройти по растянутому над

⁷³³ По Финляндии (из путевых впечатлений) // Саратовский листок. 1912. № 160. С. 3.

⁷³⁴ *Вольперт Г.* Описание г. Выборга с окрестностями Монгерос и водопадами Иматра, Нейц-Ниemi и Кирен-Коски с Саймовским каналом. Выборг, 1874. С. 31; *Добужинский М.* Воспоминания. М., 1987. С. 104; *Сакслин Т.* Указ. соч. С. 59.

⁷³⁵ *Гастев К.И.* Указ. соч. С. 23.

⁷³⁶ *Беляев Ю.Д.* В некотором царстве... Пг., [б.г.]. С. 107.

Иматрой канату, за что в случае успеха ему полагалось 5 тысяч рублей. Подобное нестандартное выступление привлекло в это место многих заинтересованных лиц и благодаря опыту артиста закончилось без происшествий⁷³⁷. Притягивала Иматра не только путешественников или искателей приключений, но и сбившихся с жизненного пути людей. Например, по мнению Е.Э. Мандельштама, Иматра имела недобрую славу, так как туда многие приезжали из Петербурга, чтобы закончить жизнь самоубийством, кинувшись вниз с высокого моста над водопадом⁷³⁸.

§ 5. Впечатления приезжих от Выборгской губернии.

При всем обилии мнений о пребывании на отдыхе или в туристической поездке по местам Выборгской губернии, можно выделить несколько типичных недостатков, беспокоивших русских приезжих. Основные неудобства доставляла сфера транспорта – медлительность и переполненность поездов, а также манера езды финляндских извозчиков. Кроме того, существенными минусами являлись высокие цены и связывавшееся с этим стремление местных жителей к обману туристов.

С наступлением дачного бума 1900-х годов и увеличением потока приезжих проблема поездов и железнодорожной инфраструктуры становилась особенно заметной. Типичная летняя ситуация на финляндской железной дороге, по мнению современников, выглядела так: «Утром толпы деловых людей присоединяются к поезду на всех станциях»⁷³⁹, «Не только сесть, но и встать негде, пассажиры давят друг друга и висят на площадках между вагонов»⁷⁴⁰. В пиковые летние сезоны управление железной дороги старалось увеличивать скорость подвижного состава и количество поездов, однако несмотря на предпринятые действия, эти негативные моменты наиболее отпечатывались в сознании путешественников.

⁷³⁷ Версальский Ф.Ф. О моем отце Федоре Молодцове // Советский Цирк, 1963. № 2.

⁷³⁸ Мандельштам Е.Э. Воспоминания // Новый мир. 1995. № 10.

⁷³⁹ Maccallum Scott A. Through Finland to St. Petersburg. London, 1908. P. 128.

⁷⁴⁰ Терийокский дневник. 1913. № 2. С. 2.

Другим популярным средством передвижения в дачных местностях являлись частные экипажи (повозки), управляемые местными жителями. Финляндцы оказывали услуги по перевозке, имея в этом некую монополию, так как только они знали дороги Выборгской губернии. Несмотря на любовь петербуржцев к острым ощущениям и быстрой езде, особенно на масленичной неделе, манера движения местных экипажей вызывала у них беспокойство. Кроме высоких цен и «неудобства таратаек»⁷⁴¹ отмечалось хулиганство со стороны возниц, которые гоняли наперегонки и сбивали людей⁷⁴². Участниками похожей опасной поездки весной 1907 года был художник Н.К. Рерих и его жена, которых финляндский извозчик повез по проталинам большого озера. Путешествие четы Рерихов закончилось благополучно, однако на берегу возницу ждал полисмен, а также собравшаяся толпа, упрекавшая его в том, что он знал о закрытии этого пути еще три дня назад⁷⁴³.

Дороговизна местечек Выборгской губернии была такой же отличительной чертой, как красота и сила ее живописной природы. Высокие цены на разнообразные продукты, дачное жилье и перевозки преследовали приезжих. Например, путешествовавший в 1885 году в районах Карельского перешейка академик В.П. Безобразов так и не разобрался в конечной стоимости своей поездки на экипаже, так как по таксе она стоила 1,5 марки, в гостинице сообщили о цене в 2 марки, а извозчик потребовал 2,5 марки⁷⁴⁴. Стремление к наживе отмечалось и писателем Салтыковым-Щедриным, относившимся к финляндцам с некоторой долей скепсиса: «О честности финской составилась proverbialная репутация, но нынче и в ней стали сомневаться. По крайней мере, русских пионеров они обманывают охотно, а нередко даже и поворачивают»⁷⁴⁵. Забавный, хотя и немного

⁷⁴¹ Северный дачный листок. СПб., 1904. № 1. С. 2.

⁷⁴² Финляндская газета. 1908. № 106. С. 2.

⁷⁴³ Рерих Н.К. Листы дневника. М., 2000. Т. 2. С. 272–273.

⁷⁴⁴ Безобразов В.П. Дневник. Русская старина. 1908 Т. 133. № 1. С. 151.

⁷⁴⁵ Салтыков-Щедрин М.Е. Указ. соч. С. 10.

гиперболизированный фельетон на эту тему вышел на страницах «Сатирикона» летом 1909 года:

«– И никаких краж у вас не бывает?

Старик выпрямился.

– Финляндия нет кража! Финляндия на улица миллион рублей положил – никто не украл. Хоть ридцать копеек дай, никто не украл.

– Гм... это отлично!

Я лег спать при открытых дверях, спокойный за свое имущество.

Я хотел натянуть на себя одеяло, но рука моя ловила пустое пространство.

Я вскочил с кровати и хотел зажечь лампу, но последней не оказалось.

Я бросился к письменному столу, но на нем не оказалось ни чернильницы, ни портсигара, ни часов. Финны – шестный народ! За фунт хлеба добрые финны берут двести рублей. Финская курица идет тысяч в десять. Финны – шестный народ!»⁷⁴⁶.

При этом вместе с недостатками отмечались и положительные черты местных жителей. Современники с уважением относились к финляндскому трудолюбию и непреклонной энергии, которые позволили «покорить эту суровую природу и создать культурный край»⁷⁴⁷. Тема усердия финляндцев связывалась, прежде всего, с их любовью к своей земле, на которой они неутомимо работали, несмотря на частую непогоду⁷⁴⁸. Некоторые обозреватели отмечали религиозность и образованность жителей Выборгской губернии, которые распространялись пасторами, проповедовавших на финском языке⁷⁴⁹. Фактор просвещения виделся особо важным в деле достижения экономического успеха, которого еще не добился русский крестьянин, так как не обладал необходимыми знаниями⁷⁵⁰.

⁷⁴⁶ Сатирикон. 1909. № 28. С. 4.

⁷⁴⁷ По Финляндии (из путевых впечатлений) // Саратовский листок. 1912. № 160. С. 1.

⁷⁴⁸ *Салтыков-Щедрин М.Е.* Указ. соч. С. 9.

⁷⁴⁹ *Фирсов В.* Причины экономических и культурных успехов Финляндии // Мир божий. 1898. № 12. С. 18. *Семенов Д.Д.* Отечествоведение. Финляндия. СПб., 1873 Т. 1. С. 194.

⁷⁵⁰ *Водовозова Е.Н.* Финляндия. Страна и народ // Мир божий. 1892. № 8. С. 6.

Особенно восторженно относился к финляндцам П.Н. Милюков, который не скрывал того, что был «подкуплен этим народом». Отношение государственного деятеля больше касалось политических и национальных вопросов, чем бытовой жизни, так как именно в них он видел основную несправедливость для финского народа. Милюков отмечал среди местного финского населения «мужицкое упорство и стойкость в защите прав, фанатическую любовь к родной земле и готовность к жертве, сознательный патриотизм крестьянской массы, а также политическое гостеприимство»⁷⁵¹, которое финляндцы оказывали во времена партийной борьбы 1906 года. Лидер кадетской партии отстаивал интересы самостоятельности финского народа на политической арене Петербурга, за что местные жители приветствовали его как защитника их родины. Однако даже факт такого трепетного отношения не избавил Милюкова-дачевладельца от некоторых проблем с местным населением, которые настигли его после 1917 года: «...дача была сожжена добрыми финляндскими соседями, чтобы побудить нас продать им участок. Они очень зарились на луг, единственный в окрестностях постройки домов, единственный орошенный водой, и предлагали раньше сдать его им в аренду, на что я не соглашался»⁷⁵².

Отдельной темой при описании впечатлений являлась финляндская природа и общая завораживающая атмосфера этих мест. Наиболее полно эта тематика нашла свое отражение в различных произведениях творческой интеллигенции рубежа XIX–XX веков. Как правило, представителями этой группы Финляндия виделась как место душевного покоя, где можно было побыть наедине с собой. В таком контексте эти местечки противопоставлялись шумному и нездоровому Петербургу: «На днях вернулся из Финляндии, – писал Саша Черный. – Жил в сосновом доме, на берегу засыпанного снегом озера, две недели не читал ни одной строчки (как это было хорошо!), вставал рано, ходил по лесам и знакомился сам с собой... Уже в Петербурге извозчик

⁷⁵¹ Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 315.

⁷⁵² Там же. С. 314.

говорил что-то о Думе и о холере, но я его не слышал. Я думал о шумном, но скрытном лесном ветре, который то сгибал сильные сосны, то ласкался к ним»⁷⁵³.

Наряду с образом спокойствия и уединения современники находили в природе Финляндии и образ силы, олицетворением которой были водные просторы – бесконечные озера и реки, а также «ревушая»⁷⁵⁴, «бурлящая»⁷⁵⁵ Иматра. По мнению российского филолога Е.Г. Сойни, водная стихия ВКФ, особенно озеро Сайма и Иматра, для поэтов являлись определенными символами потрясений XX века. Вместе с этим через финляндские образы современники обращались к мифологизированному дославянскому прошлому, что наделяло окружающий ландшафт некоторыми историческими чертами⁷⁵⁶.

Ощущения тишины и покоя в Выборгской губернии сменились страхом и паникой в связи с начавшейся в 1914 году Первой мировой войной. Места Финляндской Ривьеры одними из первых столкнулись с новой реальностью, так как именно на этой территории началось постройка новой железнодорожной ветки до Койвисто (совр. Приморск), которая должна была удовлетворять военным нуждам. Современники указывали, что дороги возле форта Ино находились в ужасном состоянии, так как по ним доставлялось продовольственное и военное снаряжение⁷⁵⁷, что отрицательно сказывалось на положении дачных местностей.

В свете новых событий Выборгская Финляндия перестала восприниматься как место безопасного укрытия, что привело к оттоку отдыхающих: постепенно великолепные особняки обезлюдели, прислуга исчезла, дома без ухода стали ветшать⁷⁵⁸. Сложившиеся настроения дачной публики лета 1914 года ярко отражены в воспоминаниях сына Леонида Андреева: «До Петербурга мы ехали почти двое суток – казалось, что вся

⁷⁵³ Черный С. Собр. соч. в 5 т. М., 1996. Т. 3. С. 288–289.

⁷⁵⁴ Брюсов В.Я. Собр. соч. в 7 т. М., 1973. Т. 1. С. 108.

⁷⁵⁵ Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы. Л., 1974. С. 109.

⁷⁵⁶ Многоликая Финляндия. Сб. статей. Новгород, 2004. С. 223.

⁷⁵⁷ Андреев В.Л. Детство. М., 1964. С. 232.

⁷⁵⁸ Балашов Е.А. Карельский перешеек – земля неизведанная. СПб., 1998. С. 34.

Финляндия была испугана войной... Вся дачная Финляндия, охваченная отчаянной обывательской паникой, стремилась как можно скорее уехать домой, в Россию. Между дикими северными лесами, между озерами и серыми скалами, медленно тащились, останавливаясь на каждой станции, пропуская мимо бесчисленные воинские составы, тяжелые пассажирские поезда»⁷⁵⁹.

§ 6. Итоги.

Более чем 200-летнее пребывание Выборга в составе Российской империи сильно его преобразило. Выборг конца XVIII – начала XIX века являлся маленьким военным городком с очевидными преимуществами в военной и торговой областях, где преобладала высокая степень коммуникации среди военных, купцов и промышленников. К последней трети XIX века с развитием путей сообщения финляндский город стал привлекательнее для более широких слоев публики. Взаимодействие горожан и русских приезжих сводилось уже не только к торгово-денежным отношениям, но и затрагивало сферы культуры, спорта и туризма: столичные труппы давали представления в местном театре, происходили совместные русско-финские соревнования, а путешественники обязательно включали Выборг в план своих поездок.

По мере роста города усложнялась его структура, что делало его более интересным для русского обывателя. Скорее, именно эта непохожесть на другие города Российской империи так и привлекала русскую публику: «Картонная шведская крепость, шведская речь, военная музыка... все тут было – иностранщина и шведский уют»⁷⁶⁰. Приток российских туристов повлиял на развитие финляндского города, который стал более современным и удобным по меркам требовательных и где-то придирчивых гостей из Петербурга. В то же время русские люди оставляли в городе сильный след своей культуры, который был особенно заметен приезжим иностранцам – они не считали

⁷⁵⁹ Андреев В.Л. Детство. М., 1964. С. 126.

⁷⁶⁰ *Мандельштам О.* Шум времени. М., 2016. С. 139.

Выборг настоящим финским городом⁷⁶¹. Вероятно, в чрезмерной популярности города среди путешественников усматривалось размывание финской культуры, что некоторые национальные круги считали недостатком.

Впечатления приезжих от Выборга были двоякими. С одной стороны, русской публике нравилась миниатюрность, «игрушечность» города, удивляли и восхищали финляндские правила, основанные на вере в человеческую порядочность и честность. С другой стороны, через непродолжительное время педантичный образ жизни выборжан утомлял некоторых русских, которые стремились к простору и свободе от множества обязательств.

Найти эту свободу и легкость русской публике удалось не в самом городе, а в его окрестностях, которые были привлекательны в качестве мест для отдыха и путешествий. Основной туристический путь уходил на север от Выборга – в места финляндских озер и самого известного водопада Иматра, крайне популярного у приезжих. На юго-востоке, по направлению в столичный Петербург, располагались крупные дачные селения Новокирхского и Кивинебского приходов, где русское общество любило проводить свой отдых.

Массово дачные постройки русских приезжих в Новой Кирхе распространились раньше, чем в Кивинебе, и служили цели загородного и спокойного отдыха для обеспеченных слоев населения, что хорошо отразил пример Финляндской Ривьеры на берегу Финского залива (Ваммельсуу, Ино, Кирстиняла). Другое настроение дачной жизни Выборгской губернии начала XX века представлял Кивинебский приход и особенно селение Терийоки. Популярность этого места подтверждалась численностью населения, которая в удачные сезоны превышала 70 тысяч человек, включая не только жителей окрестностей Петербурга, но и ряда других губерний Российской империи (Владимирской, Ярославской, Минской). Этот поток состоял уже не только из состоятельных людей, стремившихся отдохнуть, но и представителей других

⁷⁶¹ *Maccallum Scott A.* Through Finland to St. Petersburg. London, 1908. P. 105; *Norman H.* All the Russians: Travels and Studies in Contemporary European Russia, Finland, Siberia, the Caucasus & Central Asia. New York, 1904. P. 67.

социальных слоев, желавших заработать различными путями в местах большого скопления людей. Не переставала привлекать Финляндия и революционные элементы империи, оседавшие в местечках Выборгской губернии, на территории которой правомочность российской полиции не распространялась.

Повседневные отношения между финляндцами Выборгской губернии и приезжими были нейтральными и не имели открытой неприязни. Национально-этнические аспекты в некоторой степени оказывали влияние на настроение в коммуникации, однако больше зависело от конкретной личной ситуации: путешественники одинаково могли столкнуться как с элементами финляндского притворства или обмана (опыт Салтыкова-Щедрина, Станиславского), так и с искренним желанием помочь (опыт семьи Анненкова, Лихачева). Такие моменты влияли на общее восприятие Финляндии: некоторые путешественники получали положительный опыт и были готовы оставаться на постоянное жительство, другие же предпочитали путешествия в качестве туристов, «так как жить здесь русскому человеку очень тяжело»⁷⁶².

В целом, все эти факторы повлияли на складывание многогранного образа Выборгской губернии в сознании русской публики – она являлась местом отдыха, заработка, убежища, а также разнообразных политических процессов рубежа XIX–XX веков. Пограничное положение Выборгской губернии делало ее открытой для двустороннего развития. С одной стороны, некоторые ее части формировались в качестве дачного пригорода столичного Петербурга, перенимая многие городские черты приезжих, что, например, нашло свое отражение в укладе жизни поселка Терийоки. С другой, полного поглощения имперским мегаполисом не случилось, Выборг и его окрестности продолжали существовать в своей самобытной культуре, которую русские путешественники не переставали открывать для себя вплоть до 1917 года.

⁷⁶² Гастев К.И. Указ. соч. С. 24.

Заключение

Пограничные контакты Выборгской и Санкт-Петербургской губерний Российской империи являлись частью длительного процесса русско-финляндского взаимодействия, которое складывалось на протяжении многих веков. Связи между русским и финляндским населением на территории пограничной зоны имели определенные отличия от общего вектора русско-финляндских отношений, существовавшего в Российской империи. Активизация взаимодействия русского и финляндского этносов этого пограничного региона стала возможной на рубеже XIX–XX веков по причине транспортных нововведений и урбанизационных изменений – строительства финляндской железной дороги, промышленного роста столичного Петербурга и национально-культурного развития финляндского Выборга. Пограничье являлось уникальным местом двустороннего миграционного процесса, в котором конечной целью для финляндцев был столичный Петербург, а для петербуржцев – Финляндия. Для обывателей зона пограничья имела значение не столько в административном плане (прохождение таможни, обмен валюты, разница во времени), а сколько в культурном понимании, ведь за каждой из границ находилось иное пространство с отличающимися правилами и бытовым укладом.

Для финляндцев таким новым местом являлся Санкт-Петербург, куда они активно переселялись с начала XVIII века. Мотив переезда разнообразных слоев финляндского общества, как правило, был сопряжен с экономическими факторами – получением хорошего места работы, продолжением образования или завязыванием связей, которые могли быть полезны при продвижении по карьерной лестнице. Путь интеграции в столичное сообщество зависел от социального положения выходцев из ВКФ. Средние и низшие слои финляндского социума преимущественно пребывали внутри своего круга земляков, с которыми они поддерживали тесный контакт. Сплочению этого сообщества приезжих способствовали различные финляндские общественно-культурные и спортивные общества, а также литература и пресса на финском

языке, которые в Петербурге были доступны. Как правило, эта группа выходцев из ВКФ включала представителей ремесленных профессий (ювелиров, трубочистов, портных, сапожников), сотрудников финляндских пароходных компаний и железной дороги, а также мелких торговцев. Финляндцы из высшего общества (офицеры и крупные предприниматели) составляли небольшую часть от всех приезжих с территории ВКФ. Они прокладывали свой путь в столице вне локального финляндского сообщества, больше ориентируясь на петербургскую элиту, в круги которой были вхожи. Зачастую финляндцы из этой группы имели шведские или немецкие корни, не владели финским языком и обычно изъяснялись на нескольких языках – русском, французском, английском или немецком. В среде высшего общества Петербурга национальность и язык не являлись определяющими и вхождение в него вновь прибывших финляндцев происходило легче, чем в группе обычных горожан.

При этом для обывателей города были наиболее заметны именно рядовые финляндцы (сотрудники железной дороги и пароходов, торговцы и прислуга), с которыми петербуржцы чаще всего сталкивались в быту. Взаимодействие с этой группой происходило в местах наибольшего скопления финляндцев – в районе лютеранских церквей на Большой и Малой Конюшенных улицах, а также на Выборгской стороне, в районе Финляндского вокзала и промышленных заводов. Такая пространственная ассоциация закрепились в восприятии современников, но в то же время география пребывания финляндцев оставалась достаточно широкой – они жили во многих районах города и не были закрыты от остального городского общества.

Наравне с постоянно проживавшим финноязычным населением Петербург посещали крестьяне-ингерманландцы из окрестных селений столицы. Эта группа приезжих постоянно не проживала в городе, однако также активно контактировала с его жителями, ежедневно продавая на рынках и с обозов свои многочисленные товары – молочные продукты, рыбу, ягоды и кустарные изделия. Кроме торговли, ингерманландцы были заняты

неквалифицированным трудом, который заключался в уборке снега, колке льда и уборке отхожих мест города. Самым известным занятием финляндцев из окрестностей был извоз на масленичной неделе, который осуществлялся специальными возницами – вейками. Такие извозчики массово стекались в столицу на масленицу, развлекая горожан и создавая особое настроение свободы и веселья. Вейки нравились петербуржцам и пользовались у них большой популярностью, являясь определенной частью праздничной культуры Петербурга.

Зачастую приезжие с территории Ингерманландии именовались горожанами «чухной» или «чухонцами», что имело разные оттенки в зависимости от ситуации. Во время обострения политической повестки в русско-финляндских отношениях термин «чухонец» использовался прессой и современниками в качестве уничижительного обозначения для жителей с территории Великого княжества Финляндского. Случалось, что «чухной» также воспринимались и рядовые приезжие из Финляндии, что с географической точки зрения было не совсем верным и могло оскорблять выходцев из ВКФ. Для городских обывателей, вероятно, такое именование было привычным и не несло резко негативных оценочных суждений. «Чухонец» идентифицировался как человек с некоторыми пороками (угрюмый характер и употребление алкоголя) и коверканной речью, но при этом воспринимался в качестве **своего** домашнего финляндца.

Другая ситуация восприятия этого этноса и его культуры складывалась на территории Великого княжества Финляндского, где петербуржцы занимали положение приезжих. Выборгская губерния рассматривалась жителями столицы как место для дачного и экскурсионного отдыха, пик которого пришелся на рубеж XIX–XX веков отчасти по причине ухудшившихся бытовых условий Петербурга. В окрестностях Выборга горожане нашли новые пространства, которые располагались в транспортной доступности столицы и были привлекательными с точки зрения природных ландшафтов и местных достопримечательностей.

Развитие транспортной сети и приток русских туристов стимулировали рост Выборга, который из небольшого военного города-крепости к концу XIX века превратился в удобный европейский город с ландшафтными парками, культурно-спортивными мероприятиями и сетью трамваев. Выборг был популярен и посещаем русскими приезжими, которые находили его привлекательным из-за незнакомой шведско-финской культуры, своеобразной «игрушечности», а также порядочности местных жителей. В то же время финляндская скрупулезность и постоянное неукоснительное следование правилам утомляло некоторых русских путешественников и навевало скуку. Развеять негативные эмоции приезжим удавалось в поездках на Сайменский канал и на популярный водопад Иматра, который с 1870-х годов среди петербургских туристов имел статус важной природной достопримечательности Финляндии.

Основные дачные места Выборгской губернии располагались вдоль финляндской железнодорожной линии в Новокирхском и Кивинебском приходах. Территория Новой Кирхи на берегу Финского залива (Ваммельсуу, Ино, Кирстиняла и другие) стала активно заселяться русскими приезжими в 1880-х годах. Основная масса отдыхающих представляла высшие слои петербургского общества, что подтверждалось масштабом возводимых построек. К началу XX века понимание дачного отдыха изменилось – он стал повседневным массовым явлением, доступным для многих слоев населения. Это повлекло за собой увеличение потока приезжих, а также распространение более простых дачных домов, которые строились в Кивинебском приходе. Своеобразным символом общедоступной дачной жизни Карельского перешейка стал популярный поселок Терийоки, численность которого превышала 70 тысяч человек, включая не только дачников из Петербурга, но и центральных регионов Российской империи. Эти группы приезжих уже состояли не только из обеспеченных путешественников, но и из представителей других социальных слоев, которые приезжали в этот регион с целью заработка. В этих местах находились и другие группы русского

общества – революционеры и оппозиционные политические деятели, воспринимавшие Финляндию своим надежным убежищем.

Пребывая на территории Выборгской губернии, русские приезжие имели широкие возможности для общения с местным финляндским населением. Несмотря на транслирование негативного образа ВКФ и ее жителей, которое в начале XX века активно велось в прессе Российской империи, путешественники зачастую опирались на свой индивидуальный опыт взаимодействия. Коммуникация зависела от личной ситуации – русские туристы могли с одинаковой вероятностью встретить финляндца, который захочет их обмануть или нажиться, так и того, кто окажет искреннюю безвозмездную помощь. Примечательно, что для русских приезжих жители Выборгской губернии больше воспринимались как объекты для определенного «обывательского» изучения. Русская публика тщательно фиксировала характер финляндцев, их быт и нравы, периодически проводя различия между обрусевшими и коренными жителями Финляндии. Такие наблюдения влияли на общее представление этого региона среди русского общества. Выборгская губерния воспринималась одновременно местом отдыха и уединения, заработка, укрытия и разных политических событий, привнесенных началом XX века.

Вероятно, ключевыми фактором формирования пространства между Санкт-Петербургом и Выборгом являлась граница, которая облегчала взаимодействие на этих пограничных территориях и отражала обоюдность многих процессов. Кроме того, пересечение границы влияло на процесс восприятия и формирование образа, от которых зависели поведенческие практики русских в отношении финляндцев в различных пространствах. Так, при перемещении на территорию ВКФ русская публика стремилась погрузиться в незнакомую для нее шведско-финскую культуру и подробнее узнать о жизни местных жителей. При этом с определённой частью жителей Великого княжества Финляндского петербуржцы встречались и взаимодействовали в пространстве столицы, однако не считали их

особенными и не уделяли пристального внимания их положению в городе. При пересечении границы для русского общества восприятие финляндцев и Финляндии в целом обострялось, а сам процесс погружения в среду становился более желанным. Что касается приезжих из ВКФ, то они, постоянно проживая в Петербурге, имели возможность воспринимать незнакомую для них городскую культуру, и в то же время сохранять собственные национально-культурные традиции.

Петербург рубежа XIX–XX веков проходил процесс превращения в мегаполис. Для разных этносов он являлся своеобразным «плавильным котлом», где складывались внутригородские связи между жителями. Представители наций вовлекались в городские процессы, становились столичными жителями, петербуржцами, но при этом не теряли своей национальной идентичности. Приезжие из ВКФ в этом процессе самоопределения, вероятно, были более гибкими, так как близость столицы и их родной земли позволяла сочетать в себе несколько принадлежностей.

Список источников и литературы

Неопубликованные источники

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)

Ф. 102. Особый отдел Департамента полиции МВД. Оп. 232. Д. 260.
Оп. 232а. Д. 855.

Ф. 499. Канцелярия финляндского генерал-губернатора. Оп. 1. Д. 1. Оп. 2.
Д. 5, 43.

Ленинградский областной государственный архив г. Выборга (ЛОГАВ)

Ф. 1. Выборгское губернское правление МВД Финляндии. Оп. 2. Д. 120,
546. Оп. 6. Д. 8. Оп. 22. Д. 11011.

Ф. 52. Контора коронного ленсмана Райволовского округа Выборгского
губернского правления. Оп. 1. Д. 22, 174.

Ф. 63. Контора коронного ленсмана Терийокского округа Выборгского
губернского правления. Оп. 1. Д. 263.

Национальный архив Финляндии

Фонд канцелярии финляндского генерал-губернатора. II отдел. Д. 26, 27.

Российский государственный исторический архив (РГИА)

Ф. 20. Департамент торговли и мануфактур. Оп. 2. Д. 1211.

Ф. 24. Комитет по техническим делам. Оп. 6. Д. 1427.

Ф. 95. Отделы торгового мореплавания и торговых портов МТ и П. Оп. 3
Д. 408.

Ф. 587. Государственный Банк. Оп. 33. Д. 950.

Ф. 759. Собственная Е.И.В. канцелярия по учреждениям императрицы
Марии. Оп. 66 Д. 377.

Ф. 796. Канцелярия Синода. Оп. 438. Д. 5288.

Ф. 922. В.Г. Глазов. Оп. 1. Д. 114.

Ф. 1102. Документы разных лиц, изъятых из сейфов частных банков и
кредитных обществ. Оп. 1. Д. 1264.

Ф. 1276. Совет министров. Оп. 3. Д. 972. Оп. 18. Д. 106, 159, 163, 172, 229, 395, 439, 533.

Ф. 1284. Департамент общих дел МВД. Оп. 101. Д. 3251.

Ф. 1361. Статс-секретариат ВКФ. Оп. 1. Д. 40, 55, 57, 93, 127, 129, 132.

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб)

Ф. 168. Главное училище при финской церкви Св. Марии. Оп. 1. Д. 1.

Ф. 223. Ремесленная управа. Оп. 1. Д. 5421, 5423.

Ф. 243. Петроградский коммерческий суд. Оп. 1. Д. 369.

Ф. 254. Петроградское губернское правление. Оп. 1. Д. 2085, 2142, 2375, 8676, 9456, 14210.

Ф. 792. Петроградская городская дума. Оп. 1. Д. 4627, 4734.

Ф. 1314. Русское общество изготовления снарядов Парвиайнен и К0. Оп. 1. Д. 6, 7, 21.

Ф. 1888. Коллекция паспортов. Оп. 1. Д. 1067.

Ф. 2075. Канцелярия петербургского генерал-губернатора. Оп. 5. Д. 46. Оп. 6. Д. 193, 306.

Опубликованные источники

Нормативные акты и делопроизводственная документация

1. Общество благоустройства дачной жизни в Терийоках. СПб., 1896.
2. Отчет по морскому ведомству за 1894–1896 г. СПб., 1898.
3. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Т. 31.
4. Правила для легковых извозчиков в пределах Новокирского ленсманского округа от ж/д станций Новая Кирка, Мустамяки и Лоунатийоки. Выборг, 1916.
5. Устав общества соревнователей трезвости «Инкери». СПб., 1891.
6. Устав спортивного общества "Kamraterna". Пг., 1915.
7. *Шиловский П.* Акты, относящиеся к политическому положению Финляндии. СПб., 1903.

Воспоминания и мемуары

1. *Алперс Б.В.* Искания новой сцены. М., 1985.
2. *Амфитеатров А.В.* Горестные заметы: Очерки красного Петрограда. Берлин, 1922.
3. *Андреев В.А.* Детство. М., 1964.
4. *Анненков Ю.П.* Дневник моих встреч. М., 1991. Т. 1–2.
5. *Аренберг Я.* Из новейшей истории Финляндии // *Голос минувшего.* 1916. № 5–6, 7–8, 9.
6. *Бенуа А.Н.* Мои воспоминания. М., 1980.
7. *Васильев Н.М.* Воспоминания. Как я проиграл финнам // *Физкультура и спорт.* 1935. № 2. С. 6–7.
8. *Веригина В.П.* Воспоминания. Л., 1974.
9. *Версальский Ф.Ф.* О моем отце Федоре Молодцове // *Советский Цирк.* 1963. № 2. С. 29–31.
10. Воспоминания П.И. Щукина // *Щукинский сборник.* Вып. 10. М., 1912.
11. *Григорьев М.А.* Петербург 1910-х годов. Прогулки в прошлое. СПб., 2005.
12. *Добужинский М.В.* Воспоминания. М., 1987.
13. *Засосов Д.А., Пызин В.П.* Из жизни Петербурга 1890–1910-х годов. Л., 1991.
14. *Ключева М.И.* Страницы из жизни Санкт-Петербурга 1880–1910 // *Невский архив.* СПб., 1997. Вып. 3.
15. *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919. Париж, 1933. Т. 1.
16. *Коллиандер Т.* Петербургское детство: Главы из воспоминаний // *Невский архив.* М.; СПб., 1995. Вып. 2.
17. *Кони А.Ф.* Петербург. Воспоминания старожила. СПб., 1922.
18. *Крюков Ф.Д.* 9–11 июля 1906 (Воспоминания) // *Выборгский процесс.* СПб., 1908. С. 229–240.
19. *Куприн А.И.* Немножко Финляндии // *Собр. соч.* в 9 т. М., 1964. Т. 9.

20. *Лихачев Д.С.* Об интеллектуальной топографии Петербурга первой четверти 20 века. Из воспоминаний // Заметки и наблюдения. СПб., 2017.
21. *Мандельштам Е.Э.* Воспоминания // Новый мир. 1995. № 10. С. 119–178.
22. *Мандельштам О.Э.* Шум времени. М., 2016.
23. *Маннергейм К.Г.* Мемуары. М., 1999.
24. *Маршак С.Я.* Собр. соч. в 8 т. В начале жизни (страницы воспоминаний). М., 1971. Т. 6.
25. *Милюков П.Н.* Воспоминания. М., 1991.
26. *Оболенский В.А.* Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988.
27. *Остроумова-Лебедева А.П.* Автобиографические записки. М., 1974.
28. *Пискарев П.А., Урлаб Л.Л.* Старый милый Петербург. СПб., 2007.
29. *Редигер А.Ф.* История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. I–II. М., 1999.
30. *Рерих Н.К.* Листы дневника. Т. 2: (1936–1941). М., 2000.
31. *Савинков Б.В.* Воспоминания террориста. М., 1991.
32. *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собрание сочинений: В 20 т. Т. 16, кн. 2. Мелочи жизни. 1886–1887. М., 1974.
33. *Светлов С.Ф.* Петербургская жизнь в конце XIX столетия (в 1892 году). СПб., 2008.
34. *Станиславский К.С.* Письма (1886–1917). Собр. Соч. М., 1960. Т. 7.
35. *Тодрия С.П.* Воспоминания рядового подпольщика // О В.И. Ленине. Воспоминания. 1900–1922. М., 1963. С. 32–35.
36. *Успенский Л.В.* Записки старого петербуржца. Л., 1970.
37. *Чёрный С.* Собрание сочинений в 5 т. М., 1996. Т. 3.
38. Эрберг К. (К.А. Сюннерберг) // Ежегодник Рукописного Отдела Пушкинского Дома на 1977. Л., 1979. С. 99–146.

Путеводители

1. «Каунис и Тойвола». Имена инженера путей сообщения Орловского В.К. СПб., 1913.
2. *Адашкина В.И., Вассель И.П.* Выборг. Путеводитель. Л., 1969.

3. *Арепьев Н.Ф.* Путеводитель по окрестностям Петербурга. СПб., 1901. Вып. 5.
4. *Вольперт Г.* Описание г. Выборга с окрестностями Монгерос и водопадами Иматра, Нейц-Ниemi и Кирен-Коски с Саймовским каналом. Выборг, 1874.
5. *Гейкель С.М.* Как путешествовать по Финляндии? Выборг, 1914.
6. *Грэнхаген К.* Спутник по Финляндии 1899–1914. СПб., 1914.
7. *Домбровский Ф.В.* Полный путеводитель по Петербургу и всем его окрестностям. СПб., 1896.
8. *Жерве В.В.* Памятка о Петербурге и его примечательностях: для войск и народа. СПб., 1897.
9. *Иодко О.С.* Иллюстрированный путеводитель. Справочная и адресная книжка г. Санкт-Петербурга и его окрестностей с приложением плана г. Санкт-Петербурга и карты его окрестностей. СПб., 1908.
10. *Москвич Г.Г.* Иллюстрированный практический путеводитель по С.-Петербургу. СПб., 1908.
11. *Москвич Г.Г.* Иллюстрированный практический путеводитель по Финляндии. Одесса, 1909.
12. Петроград и его окрестности. Иллюстрированный путеводитель и справочник. Петроград, 1915.
13. Путеводитель по Финляндии под ред. Карелина. СПб., 1911.
14. *Раевский Ф.* Петербург с окрестностями: с подробным планом и описанием всех достопримечательностей в Петербурге и окрестностях. СПб., 1902.
15. *Сакслин Т.* Путеводитель по Выборгу и окрестностям. Выборг, 1915.
16. *Симанский В.К.* Куда ехать на дачу? Петербургские дачные местности в отношении их здоровья. СПб., 1892. URL: https://www.aroundspb.ru/guide/northwest/sim_vyb.php (дата обращения: 11.06.2021).

17. *Федотов Н.* Описание и подробные планы дачных местностей по Финляндской железной дороге: Райвола. СПб., 1888.
18. *Baedeker K.* La Russie. Paris, 1897.

Этнографические очерки и путевые заметки

1. *Булгарин Ф.В.* Летняя прогулка по Финляндии и Швеции в 1838 г. В 2 т. СПб., 1839.
2. *Гагарин П.Г.* Тринадцать дней, или Финляндия. М., 1809.
3. *Гастев К.И.* Доклад об экскурсии воспитанников Нижегородского дворцового института императора Александра II в Санкт-Петербург, Финляндию, Ригу и Москву в июне 1912 г. // Отчет о состоянии нижегородского дворянского института императора Александра II за 1911–1912. Нижний Новгород, 1912. С. 1–39.
4. *Гнушев А.* Пребывание в Выборге // Отчет о состоянии нижегородского дворянского института императора Александра II за 1911–1912 г. Нижний Новгород, 1912. С. 77–83.
5. *Дершау Ф.К.* Финляндия и финляндцы. СПб., 1842.
6. Ингерманландия глазами Самули Паулахарью: велоэкспедиция летом 1911 года. / Сост. М. Паулахарью. Хельсинки, 2010.
7. *Кюн К.* Народы России. СПб., 1888.
8. *Меч С.* Финляндия. Географический очерк. М., 1887.
9. *Руднев Я.И.* Русская земля (Природа страны, население и его промыслы): сборник для народного чтения. Т. 2. Финляндия, Озерная область и Прибалтийский край. М., 1904.
10. *Семенов Д.Д.* Отечествоведение. Т. 1. Финляндия. СПб., 1873.
11. *Семенов П.П.* Живописная Россия. Т. 2. Ч. 1. Великое княжество Финляндское. СПб–М., 1882.
12. *Семенов-Тянь-Шанский В.П.* Финляндия. Пг., 1918.
13. *Филиппов А.Г.* По Финляндии (из путевых впечатлений) // Саратовский листок. 1912. № 160. С. 3.

14. *Maccallum Scott A.* Through Finland to St. Petersburg. London, 1908.
15. *Norman H.* All the Russians: Travels and Studies in Contemporary European Russia, Finland, Siberia, the Caucasus & Central Asia. New York, 1904.

Публицистика

1. *Бахтиаров А.А.* Брюхо Петербурга: очерки столичной жизни. СПб., 1994.
2. *Бахтиаров А.А.* Современный Петербург // Родник. 1903. № 5. С. 21–30.
3. *Беляев Ю.Д.* В некотором царстве... Пг., [б.г.].
4. *Берндтсон Ф.* Сооружение Рихимяки – С.-Петербургской железной дороги. СПб., 1871.
5. *Бородкин М.М.* Двухсотлетие взятие Выборга. СПб., 1910.
6. *Бородкин М.М.* Из новейшей истории Финляндии. Время управления Н.И. Бобрикова. СПб., 1905.
7. *Бородкин М.М.* Финляндия в русской печати. Библиографический указатель. СПб., 1902.
8. *Водовозова Е.Н.* Финляндия. Страна и народ // Мир божий. 1892. № 8–10.
9. *Даль В.И.* Чухонцы в Питере // Собрание Вольфа. Сочинения Даля. Т. 4. СПб., 1883. С. 285–298.
10. *Корончевский Д.А.* Первые уроки этнографии. М., 1903.
11. *Липранди А.П.* Православный вопрос в Финляндии. Харьков, 1912.
12. *Лялина М.А.* Очерки истории Финляндии. СПб., 1908.
13. *Ордин К.Ф.* Покорение Финляндии. СПб., 1889. Т. 1–2.
14. *Сергиевский Н.Д.* К вопросу о коренных законах В.К. Финляндского. СПб., 1899.
15. *Столянский П.Н.* Петербург. Как возник, основался и рос Санкт-Петербург. Пг., 1918.
16. *Фирсов В.* Причины экономических и культурных успехов Финляндии // Мир божий. 1898. № 12. С. 15–30.

Периодика

1. Будильник. СПб., 1917.
2. Вечернее время. СПб., 1912–1916.
3. Голос Москвы. М., 1907, 1909.
4. Дачная газета. Общественная и литературная. СПб., 1908.
5. Дачный курьер – газета, журнал, книга. СПб–Териоки. (Выборгская губ.), 1908.
6. Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1839.
7. Земщина. СПб., 1909–1911.
8. К спорту! М., 1915.
9. Копейка. СПб., 1914.
10. Мир божий. СПб., 1892, 1898.
11. Московские ведомости. М., 1884.
12. Нива. СПб., 1889.
13. Новое время. СПб., 1908.
14. Новый Сатирикон. СПб., 1913, 1915–1917.
15. Огонёк. СПб., 1911.
16. Окраины России. СПб., 1908.
17. Петербургский листок. СПб., 1899, 1909.
18. Приезжий. Выборг, 1912.
19. Русский спорт. М., 1912.
20. Русское знамя. СПб., 1911.
21. Сатирикон. СПб., 1908–1910, 1912.
22. Северный дачный листок. СПб., 1904.
23. Терийокский дневник. СПб., 1913.
24. Утро России. М., 1917.
25. Финляндская газета. Гельсингфорс, 1905, 1908, 1913–1914.
26. Финляндский вестник политики, культуры, промышленности и торговли. СПб., 1909–1910.
27. The Guardian. London, 1906.

28. The New York Times. New York, 1909.

Художественная литература

1. Брюсов В.Я. Собрание сочинений в 7 т. М., 1973. Т. 1.
2. Гоголь Н.В. Невский проспект // Полное собрание сочинений. М., 1938. Т. 3. С. 7–46.
3. Мамин-Сибиряк Д.Н. Черты из жизни Пепко // Собрание сочинений в 6 томах. М., 1981. Т. 5. С. 6–526.
4. Салтыков-Щедрин М.Е. Дневник провинциала в Петербурге. М., 1986.
5. Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы. Л., 1974.
6. Чёрный С. Из Финляндии // Собрание сочинений. Стихотворения. 1905–1916. М., 1996. Т. 1. С. 132–133.

Статистические данные

1. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Город Санкт-Петербург. Под ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1903
2. Свод статистических сведений о подсудимых, оправданных и осужденных по приговорам общих судебных мест, судебно-мировых установлений и учреждений, образованных по законоположениям 12 июля 1889 года, за 1904 год. СПб., 1907. Ч. 2–3.
3. Свод статистических сведений о подсудимых, оправданных и осужденных по приговорам общих судебных мест, судебно-мировых установлений и учреждений образованных по законоположениям 12 июля 1889 года за 1910 год. СПб., 1913. Ч. 1–2.
4. Статистический ежегодник России 1904. СПб., 1905.
5. Статистический ежегодник России 1910. СПб., 1911.
6. Статистика Российской империи. Сборник сведений по Финляндии. СПб., 1900.
7. Санкт-Петербург по переписи 10 декабря 1869 года. СПб., 1872. Вып. 1.

8. Проституция: по обследованию 1-го августа 1889 г. // Под ред. А. Дубровского. СПб., 1890.
9. Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1890 года. СПб., 1891–1892.
10. Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1900 года. СПб., 1903–1905. Вып.1.
11. Петроград по переписи 15 декабря 1910 года. Петроград, 1914.

Справочные издания и словари

1. *Англин А.* Первая столичная справочная книга, 1886 – июнь – 1887. СПб., 1886.
2. Весь Петербург – Весь Петроград (1894–1917): адресная и справочная книга. СПб., 1894–1917.
3. Памятная книжка С.-Петербургской губернии на 1900 г. СПб., 1900.
4. Памятная книжка С.-Петербургской губернии на 1905 г. СПб., 1905.
5. Список Генерального штаба на 1 мая 1913 г. СПб., 1913.
6. Список Генерального штаба на 1901 г. СПб., 1901.
7. Список полковникам по старшинству. Сост. по 1-е марта 1912 г. Ч. 1–3. СПб., 1912.
8. *Шустов А.С.* Санкт-петербургское купечество и торгово-промышленные предприятия города к 200-летнему юбилею столицы: Ил. альбом. СПб., 1903.
9. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1902. Т. XXXVI.
10. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1903. Т. XXXIX.

Литература

На русском языке (оригинальные и переводные работы)

1. *Аврех А.Я.* Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991.
2. *Аврех А.Я.* Столыпин и III Дума. М., 1968.
3. *Аксельрод В.И., Гусева А.В.* Вокруг Финляндского вокзала: путеводитель по Выборгской стороне. СПб., 2013.

4. *Андреева М.Г.* Социальная психология. М., 2001.
5. *Анисимова Д.В.* Монетарные реформы Великого княжества Финляндского в контексте интеграционной политики Российской империи // Исторический журнал: научные исследования. М., 2019. № 3. С. 461–468.
6. *Анисимова Д.В.* Открытие отделений русских банков в Великом княжестве Финляндском в начале XX в. // Исторический журнал: научные исследования. М., 2016. № 4. С. 157–165.
7. *Анциферов Н.П.* Быль и миф Петербурга. Пг, 1922.
8. *Анциферов Н.П.* Город как выразитель сменяющихся культур. Картины и характеристики. Л., 1926.
9. *Анциферов Н.П.* Душа Петербурга. Пг., 1922.
10. *Анциферов Н.П.* Пути изучения города как социального организма. Опыт комплексного подхода. Л., 1925.
11. *Арцыбашев Д.В.* История туристско-экскурсионной деятельности в России: вторая половина XIX–XX вв. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Курск, 2005.
12. *Балашов Е.А.* Карельский перешеек – земля неизведанная. Ч. 1–13. СПб., 1996–2018.
13. *Берар Е.* Империя и город: Николай II, «Мир искусства» и городская дума в Санкт-Петербурге. 1894–1914. М., 2016.
14. *Богданов И.А.* Вокзалы Петербурга. СПб., 2004.
15. Большая олимпийская энциклопедия. М., 2006. Т. 1.
16. *Браво А.Е., Травина Е.М.* Зеленогорск. Дачная жизнь 100 лет назад. СПб., 2016.
17. *Брук С.И., Кабузан В.М.* Динамика этнического состава населения России в эпоху империализма (конец XIX–1917 г.) // История СССР. 1980. № 3. С. 74–85.
18. *Бурдые П.* Идентичность и репрезентация: элементы критической рефлексии идеи «региона» // Ab Imperio. 2002. № 3. С. 45–60.

19. *Васильева М.В.* Из истории финской керамической фирмы «Арабия» // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2009. С. 368–376.
20. *Вахромеева О.Б.* Экскурсия бестужевок по Волге, 1908 г. // Мир экскурсий. СПб., 2008. № 5. С. 49–51
21. *Велиховский Л.* Культурное пространство и культурные гнезда Выборгской Финляндии // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург., 2009. С. 110–127.
22. *Виноградов К.Б., Новикова И.Н.* Маршал Финляндии Карл Густав Маннергейм // Военно-исторический журнал. 2003. № 8. С. 42–47.
23. *Витухновская-Кауппала М.* Русские путевые заметки и путеводители по Финляндии: от романтической идиллии к политическому противостоянию // Путеводитель как семиотический объект: сборник статей под ред. Л. Киселёвой. Тарту, 2008. С.195–218.
24. *Вихавайнен Т.* Столетия соседства. Размышления о финско-русской границе. СПб., 2012.
25. *Вишняков-Вишневецкий К.К.* Иностранцы в промышленной жизни Санкт-Петербурга во второй половине XIX века. СПб., 2008.
26. *Владимирович А.Г., Ерофеев А.Д.* Исторические кварталы Санкт-Петербурга. М., 2014.
27. *Волкова Л., Федорова М.* Из истории развития туризма и экскурсионных услуг в Выборге за два последних века // Инновационные процессы как интегрирующий фактор развития туризма. Выборг, 2014. С. 175–200.
28. *Востров А.В.* Финляндская железная дорога в 1870–1917 гг. как нереализованный фактор сближения двух столиц // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Выборг, 2016. № 17. С. 29–33.
29. *Геллнер Э.* Нации и национализм. М., 1991.
30. *Глезеров С.Е.* Исторические районы Петербурга от А до Я. СПб., 2010.
31. *Глезеров С.Е.* Петербургские окрестности: быт и нравы начала XX века. СПб., 2013.

32. *Гомаюнов С.А.* Местная история: проблемы методологии // Вопросы истории. 1996. № 9. С. 158–163.
33. *Грибовский В.Ю.* Финляндские верфи – морскому флоту // Военно-исторический журнал. М., 2019. № 7. С. 61–70.
34. *Григорьева Н.В.* Путешествие в русскую Финляндию. СПб., 2002.
35. *Гусаров А.Ю.* От Финляндского вокзала до Выборга: из истории финляндской железной дороги. М., 2016.
36. *Гусенцова Т.М., Добрынина И.Н.* Путешествие по Выборгской стороне. СПб., 2007.
37. *Давыдова-Менге О.Э.* От "русских финнов" к "финским русским": конструирование идентичности иммигрантов в (транс)национальных контекстах // Этнографическое обозрение. М., 2015. № 6. С. 26–39.
38. Два лика России. Сборник статей. Отв. ред. Т. Вихавайнен. СПб., 2007.
39. *Деотто П.* Дачная традиция в Серебряном веке // Петербург – столица русской культуры II. Salerno: Europa Orientalis, 2004. P. 335–348.
40. *Деотто П.* Петербургский дачный быт XIX в. как факт массовой культуры // Europa Orientalis. 1997. № 16. С. 357–371.
41. *Долженко Г.П.* История туризма в дореволюционной России и СССР. Ростов, 1988.
42. *Дубровская Е.Ю.* Российские военные глазами финляндцев. Образы и взаимные представления периода Первой мировой войны // Скандинавские чтения 2008 года: этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 2010. С. 285–294.
43. *Дякин В.С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.). СПб., 1998.
44. *Жабоедов-Господарец В.П.* Образ финнов и Финляндии на страницах правой и либеральной печати: 1905 – февраль 1917 гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб., 2016.

45. *Зинченко В.П.* Восприятие // Большая советская энциклопедия. М., 1971.
URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/006/771.htm> (дата обращения: 22.10.2023).
46. *Иванов М.* Лютеранский квартал в Петербурге. СПб., 2004.
47. Идентичность: личность, общество, политика / Отв. ред. И.С. Семененко. М., 2017.
48. *Илюха О.П.* Проект «Образ Финляндии в России» // *Ab imperio*. 2003. № 3. С. 491–498.
49. Исторический очерк Русская Райвола XIX – начала XX века // Русская Райвола XIX – начала XX века: сб. документов / Сост. А.Г. Румянцев. СПб., 2015.
50. *Каппелер А.* Россия – многонациональная империя. М., 2000.
51. Карл Фаберже и петербургские ювелиры. Под ред. В.В. Скурлова. СПб., 1997.
52. *Келлер Е.Э.* Праздничная культура Петербурга: Очерки истории. СПб., 2001.
53. *Кенп Е.Е.* Выборг: Художественные достопримечательности. Выборг, 1992.
54. *Кетола К.* Финны – московские стипендиаты 1812–1917 // Два лика России. СПб., 2007. С. 46–66.
55. *Клинге М.* Густав Маннергейм // Сто замечательных финнов. Коллекция биографий. URL: https://kansallisbiografia.fi/pdf/kb_ru.pdf (дата обращения: 15.10.2022).
56. *Клинге М.* На чужбине и дома. СПб., 2005.
57. *Коган А.Я., Лихтин А.А., Зазнобина Н.В.* Выборгская сторона. СПб., 2001.
58. *Костоломов М.Н.* *Wibrogiana*: Краеведческие очерки. СПб., 2018.
59. *Крипотова Ю.И.* Православные приходы Выборгской губернии в составе Великого княжества Финляндского // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2009. С. 381–392.

60. *Кудрявцева Л.* Борьба за “место памяти” в империи: история памятника основателю Выборга Торгильсу Кнутссону // *Ab Imperio*. 2004. № 2. С. 417–434.
61. *Кузнецова Л.К.* Петербургские ювелиры XIX – начала XX в. Династии знаменитых мастеров императорской России. М., 2017.
62. *Культуры городов российской империи на рубеже XIX–XX веков / Сост. Ю.И. Колоницкий, М.Д. Стейнберг.* СПб., 2009.
63. *Кустов В.М.* «Русская Финляндия»: встреча культур между Западом и Востоком // *Санкт-Петербург и страны Северной Европы*. Выборг, 2016. № 2. С. 51–54.
64. *Кяхенен Э.* Прежние Терийоки – деревенские воспоминания. Коуволла, 1982.
65. *Лапин В.В.* Петербург: Запахи и звуки. СПб., 2007.
66. *Лапин И.С.* Выборг периода Великого княжества Финляндского глазами русских путешественников // *Страницы Выборгской истории*. Выборг, 2020. С. 281–317.
67. *Лапин И.С.* Храмы Карельского перешейка. СПб., 2019.
68. *Лебина Н.Б., Шкаровский М.В.* Проституция в Петербурге (40-е гг. XIX в. – 40-е гг. XX в.). М., 1994.
69. *Лескинен М.В.* Поляки и финны в российской науке второй половины XIX века: «Другой» сквозь призму идентичности. М., 2010.
70. *Левевр А.* Производство пространства. М., 2015.
71. *Линч К.* Образ города. М., 1982.
72. *Ловелл С.* Дачники: история летнего житья в России 1710–2000. СПб., 2008.
73. *Малинова-Тзиафета О.Ю.* Из города на дачу. СПб., 2013.
74. *Маловичко С.И.* Историография после «культурного поворота»: пространственный подход и новая локальная история // *Новая локальная история: по следам интернет-конференций*. 2007–2014. Ставрополь, 2014. С. 21–30.

75. *Маловичко С.И.* Локальная история и историческое краеведение: проблема определения дисциплинарного статуса // *Методология и методы изучения региональной истории: Центральное Поволжье в глокализационном измерении.* Казань, 2016. С. 3–22.
76. *Мартынова А.Г.* Выборг в биографиях финских и русских художников XX – начала XXI века. СПб., 2017.
77. *Мейнандер Х.* История Финляндии. М., 2017.
78. *Мери В.* Карл Густав Маннергейм, маршал Финляндии. М., 1997.
79. *Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006.
80. *Миронов Б.Н.* Управление этническим многообразием Российской империи. СПб., 2017.
81. Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России. Новгород, 2004.
82. Многонациональный Петербург. История. Религия. Народы / Науч. ред. И.И. Шангина. СПб., 2002.
83. *Муравьева И.А.* Век модерна. Панорама столичной жизни. СПб., 2007.
84. *Мусаев В.И.* Великое княжество Финляндское и русские революционеры (начало XX века) // *Санкт-Петербург и страны Северной Европы.* СПб., 2004. С. 282–290.
85. *Мусаев В.И.* Миграционные контакты между Петербургской и Выборгской губерниями (XIX – начало XX века) // *Санкт-Петербург и Страны Северной Европы.* СПб., 2006. С. 325–333.
86. *Мусаев В.И.* Политическая история Ингерманландии в конце XIX–XX веков. СПб., 2004.
87. *Мусаев В.И.* Проблема российско-финляндской границы на Карельском перешейке в XIX – начале XX вв. // *Санкт-Петербург и страны Северной Европы.* СПб., 2002. С. 69–74.

88. *Мусаев В.И.* Русская дачная жизнь на Карельском перешейке в конце XIX – начале XX в. и финляндское общественное мнение // Международные отношения и диалог культур. 2015. № 4. С. 160–176.
89. *Мусаев В.И.* Финляндское Речное пароходство в Санкт-Петербурге // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2009. С. 110–115.
90. Народы Европейской части СССР. Под ред. В.Н. Белицер, Н.И. Воробьева. М., 1964. Т. 2.
91. *Немов Р.С., Алтунина И.Р.* Социальная психология. СПб., 2010.
92. *Ниронен Я.* Финский Петербург. СПб., 2003.
93. Ништадтский мирный договор и рождение империи. М., 2021.
94. *Новикова И.Н.* От лояльности к сепаратизму: образ Финляндии в общественном мнении России // Имперские и национальные модели управления: российский и европейский опыт. М., 2007. С. 335–352.
95. *Новикова И.Н.* Россия и участие Великого княжества Финляндского в олимпийском движении в начале XX в. // Новейшая история России. СПб., 2018. Т. 1. С. 142–164.
96. *Новоселова З.А.* Гражданин Выборга: военный врач М.М. Карпинский (1868–1937) // Страницы Выборгской истории. Выборг, 2004. С. 300–307.
97. *Новоселова З.А.* Комендант Выборгской крепости Рубец Иван Павлович (1834–1900) // Страницы Выборгской истории. Выборг, 2020. С. 145–152.
98. *Новоселова З.А.* Некоторые аспекты экономического развития XIX – начала XX века // Страницы Выборгской истории. Выборг, 2020. С. 239–251.
99. *Новоселова З.А.* Русские учебные заведения Выборга XIX – начала XX века // Страницы Выборгской истории. Выборг, 2000. С. 263–324.
100. Образ России, русской культуры в мировом контексте. М., 1998.
101. Образ России: Россия и русские в восприятии Запада и Востока. СПб., 1998.
102. Очерки русской культуры XIX века. М., 1998. Т. 1.
103. Очерки русской культуры. Конец XIX–XX века. М., 2011. Т.1.

104. *Ощепков А.Р.* Имагология // Знание. Понимание. Умение. М., 2010. № 1. С. 251–253.
105. *Перевышко А.И, Скурлов В.В, Фаберже Т.Ф.* Петербург Карла Фаберже. СПб., 2005.
106. *Петухова А.П.* Русское национальное движение и «финляндский вопрос» во второй половине XIX – начале XX вв. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2021.
107. *Похлёбкин В.В.* СССР – Финляндия. 260 лет отношений 1713–1973. М., 1975.
108. *Правилова Е.А.* Финансы империи. М., 2006.
109. Размышляющий пейзаж: Русская Финляндия и финский Петербург. Под ред. Э. Кахла. СПб., 2017.
110. *Расила В.* История Финляндии. Петрозаводск, 2006.
111. *Ревзин Г.И.* Как устроен город. М., 2019.
112. *Ремнев А.В.* Региональный нарратив в новой имперской истории России // Вестник Омского университета. 2004. № 4. С. 6–13.
113. Россия и Европа в XIX–XX веке: проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. М., 1996.
114. Россия и независимость Финляндии: 1899–1920 гг. Сб. документов: в 3 т. / Сост. М.В. Зеленов. М., 2021.
115. Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия. XVII–XX вв. М., 2006.
116. Русский Сборник: исследования по истории России. Т. XVII: Финляндия и Россия. М., 2015.
117. *Савельева И.М.* Городское прошлое в практиках публичной истории // Honoris causa. СПб., 2016. С. 255–264.
118. *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Теория исторического знания. СПб., 2008.

119. *Свешникова В.Н.* Линия Рихимяки – Санкт-Петербург Финляндской железной дороги (от Санкт-Петербурга до Белоострова) // Памятники истории и культуры Петербурга. СПб., 1994. С. 31–48.
120. *Селунская Н.Б., Петрова О.С.* Образ России как «исторического пространства» в историографическом дискурсе и памяти русской эмиграции // Человеческий капитал. 2021. № 3. С. 70–80.
121. Семиотика города и городской культуры: Петербург // Труды по знаковым системам. Т. XVIII. Тарту, 1984. С. 78–92.
122. *Соболева И.А.* Утраченный Петербург. СПб., 2012.
123. *Спивак Д.Л.* Северная столица. Метафизика Петербурга. СПб., 1998.
124. *Степанов С.А.* Черная сотня. М., 2005.
125. Страницы Выборгской истории. Кн. 1–5. Выборг, 2000–2021.
126. *Суни Л.В.* Очерк общественно-политического развития Финляндии в 50–70-е гг. XIX века. Л., 1979.
127. *Суни Л.В.* Самодержавие и общественно-политическое развитие Финляндии в 80–90е XIX века. Л., 1982.
128. *Суник А.* Российский спорт и олимпийское движение на рубеже XIX–XX веков. М., 2004.
129. *Тарасов Л.К.* От расшивы до крылатых кораблей: Путеводитель по музею речного флота. Горький, 1988.
130. *Терборн Й.* Города власти. Город, нация, народ, глобальность. М., 2021.
131. *Тишков В.А.* И русский, и российский // Вестник российской нации. 2009. № 2. С. 85–97.
132. *Тишков В.А.* Нация, национализм и нациестроительство // Россия в глобальной политике. М., 2021. № 2. С. 42–62.
133. *Трубникова Д.* «Культурное гнездо» на Карельском перешейке в начале XX в. // Санкт-Петербург и Страны Северной Европы. СПб., 2009. С. 10–17.

134. *Тюников К.* Терийоки – Зеленогорск и окрестности. СПб., 2008.
135. *Усыскин Г.С.* Очерки истории российского туризма. СПб., 2000.
136. Финляндия и Россия: образы общего прошлого / Сб. науч. ст. / Сост. и науч. ред. И.Р. Такала, А.В. Толстикова. Петрозаводск, 2014.
137. *Хмельницкая И.Б.* Спортивные общества и досуг в столичном городе начала XX века: Петербург и Москва. М., 2011.
138. *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 г. СПб., 1998.
139. *Хоффманн Ш.-Л.* Социальное общение и демократия. М., 2017.
140. Цеховые знамена ремесленных цехов Санкт-Петербурга конца XVIII – начала XX века из собрания ГМИ Санкт-Петербурга: альбом-каталог. СПб., 2019.
141. *Чернуха В.Г.* Паспорт в России, 1719–1917 гг. СПб., 2007.
142. *Шикалов Ю.Г.* Тихий уголок: Финляндия для российских туристов по описаниям путеводителей конца XIX – начала XX в. // Альманах Североевропейских и Балтийских исследований. 2017. № 2. С. 292–312.
143. *Шрадер Т.А.* Все на лыжи, как скандинавы (лыжный спорт в России конца XIX – начала XX в.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2011. С. 380–386.
144. *Шрадер Т.А.* Семья финляндских ювелиров Тилландер в Санкт-Петербурге // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2010. С. 19–28.
145. *Эмрих С.* Хенрик Якоб Мелин, учитель-швед в немецкой школе // Невский архив. СПб., 2001. Вып. 5. С. 370–378.
146. *Энгман М.* Финляндцы в Петербурге. СПб., 2005.
147. Этнография Петербурга – Ленинграда: Тридцать лет изучения, 1974–2004. / Сост. и отв. ред. Н.В. Юхнёва. СПб., 2004.
148. *Юдина Н.Ю.* Краеведение в Финляндии. Историко-культурный обзор // Вестник РГГУ. 2012. № 6. С. 34–43.

149. *Юнгар С.* Финляндские ремесленники в Санкт-Петербурге // Ремесло и мануфактура в России, Финляндии и Прибалтике. Л., 1975. С. 90–99.
150. *Юссила О.* Великое княжество Финляндское. 1809–1917 гг. Хельсинки, 2009.
151. *Юхнёва Н.В.* Этнические состав и этносоциальная структура населения Петербурга: вторая половина XIX – начало XX века. Статистический анализ. Ленинград, 1984.
152. *Янгфельдт Б.* Шведские пути в Санкт-Петербурге. СПб., 2003.
- На английском языке**
1. *Barth F.* Ethnic Groups and Boundaries. Oslo, 1969.
 2. *Baschmakoff N., Leinonen M.* Russian life in Finland 1917–1939 // *Studia Slavica Finlandensia*. Vol. XVIII. Helsinki, 2001. P. 175–199.
 3. *Bater J.H.* St. Petersburg: Industrialization and Change. London, 1976.
 4. *Caldwell M.* *Dacha Idylls: Living Organically in Russia's Countryside*. L.A., 2011.
 5. *Carlback H.* Swedes in Russia in the late 19th and early 20th century. URL: https://www.academia.edu/23863881/Carlback_Swedes_in_Russia (дата обращения: 14.05.2022).
 6. *Franklin S., Widdis E.* National Identity in Russian Culture. Cambridge, 2004.
 7. *Kujala A.* Finnish radicals and the Russian revolutionary movement, 1899–1907 // *Revolutionary Russia*. 1992. № 5. P. 172–192.
 8. *Lam K.* Shared space, varied lives: Finnish-Russian interactions in dacha country, 1880s–1920s: a dissertation of the requirements for the PhD degree of History. Michigan, 2013.
 9. *Luntinen P.* The Imperial Russian Army and Navy in Finland. 1808–1918. Helsinki, 1997.
 10. *Minard-Törmänen N.* An Imperial Idyll. Finland in Russian Travelogues (1810–1860). Helsingfors, 2016.

11. *Minard-Törmänen N.* Finland as a borderland in the Russian Empire // Новое литературное обозрение. М., 2020. № 6.
12. *Pogorelskin A.* The politics of Frustration. The Governor-Generalship of Bobrikov in Finland 1898–1904 // Journal of Baltic Studies. 1976. № 3. P. 231–246.
13. *Pogorelskin A.* Vestnik Evropy and the Finnish question 1885–1904 // Journal of Baltic Studies. 1980. № 2. P. 127–141.
14. *Snellman A.* The nobility of Finland 1809–1917. From imperial loyalism to nationalist conflict // Петербургский исторический журнал. 2015. № 4. С. 112–129.
15. *Waldron P.* Stolypin and Finland // Slavonic and East European Review. 1985. Vol. 63. № 1. P. 41–55.

Приложение № 1.

Карта Выборгской губернии по состоянию на 1913 год.

Источник: Россия. Географическое описание Российской империи по губерниям и областям с географическими картами. СПб., 1913. С. 68.

Приложение № 2.

Финляндский паспорт.

Источник: ЦГИА СПб. Ф. 254. Оп. 1. Д. 14210. Л. 4-5.

4

Passet är gällande till den 25 November 1880

Tämä Passi on voimallinen 25 päivänä Marraskuuta 1880 asteen. 5

№ 3526

ПАСПОРТЪ,

даннѣй изъ Финляндской Паспортной Экспедиціи объявителю сего, уроженцу Великога Княжества Финляндскаго, Авваккой губернии,

природа финляндца,
Боеви сѣмъ золотыхъ и серебряныхъ
денегъ мастору Югану Фредрику Ван
серту сѣреноса Мюрия, сыномъ Кон-
стантина Мюри.

для жительства въ Россіи срокомъ впредь по 25. Ноябрь 1880 года, при наступленіи котораго срока онъ своевременно испроситъ изъ той Экспедиціи новый видъ, подъ опасеніемъ взыскаія, по законамъ положеннаго. Въ С.-Петербургѣ Фелдманъ 12 дня 1880 года.

Начальникъ Экспедиціи Вури

Младшій Секретарь Вури

Языки знаетъ:
Финскій,
Шведскій,
 № 297 отъ 18 19 г.
 № 11 отъ 18 16 г.

За просрочку сего паспорта взыскаивается съ виновнаго, проживающаго въ С.-Петербургѣ, по 20 коп., а въ столицѣ 10 коп. сер. въ сутки. На возобновленіе паспорта дается срокъ одинъ мѣсяцъ.

Jos tämä Passi ei tule waibetuffi tultauden siällä sen tässä Passissa määrätyn ajan perästä, niin siitä maksetaan sattu 20 kop. hopeista vuorokaudelta, jos Passin haltijalla eiää Vietaan kaupungissa, ja 10 kopetaa, jos hän eiää muualla.

I händelse detta Pass, inom en månad, efter den uti deisamma utsatte termin, icke ombytes, erlagges i böter för hvarje dygn, af i St. Petersburg vistande person 20 kop., samt 10 kopek, allt Silfver, af den som vistas utom huvudstaden.

Взято: Б.н.
 Паспортныхъ пошливъ р. к.
 Казенныхъ повинностей 1879 р. к.
 Въ пользу приходск. сѣдл. р. к.
 Канцелярскихъ пошливъ 18 р. к.
 Штрафныхъ за р. к.
 Казначей Шубининъ

Приложение № 3.

Финляндский вид на жительство.

Источник: ЦГИА СПб. Ф. 1888. Оп. 1. Д. 1067. Л. 1об-2.

10796 2

<p>№ 12542.</p> <p>Время рождения: <i>4го</i> <i>Декабря 1842г.</i></p> <p>Занятие:</p> <p>Вѣроисповѣданіе <i>православное</i></p> <p>Состоитъ или состоялъ въ бракѣ: <i>Довица</i></p> <p>Подпись владѣльца вида на жительство:</p> <p>ПРИМѢТЫ: Ростъ <i>средній</i> Цвѣтъ волосъ <i>т. рус.</i></p> <p>ОСОБЫЯ ПРИМѢТЫ:</p> <p>Списка № <i>4760 - 1836</i> <i>л. 220 (С. 26)</i></p>	<p>ВИДЪ НА ЖИТЕЛЬСТВО</p> <p>выданъ Финляндскою Паспортною Экспедиціею въ С.-Петербургѣ <i>6го Сентября</i> 1904 года для жительства въ городахъ и селеніяхъ Россійской Имперіи.</p> <p>Владѣлецъ вида на жительство, уроженъ <i>на</i> Великаго Княжества Финляндскаго, <i>Анна Сеурикова Эроненъ</i> изъ деревни <i>Левосаары</i></p> <p>ПРИХОДА <i>Керимяки,</i> С. <i>Малмелой</i> губерніи. БОРОДА</p> <p>При не ~ наход</p> <p>Срокъ вида на жительство <i>6 Сентября</i> 1909 года.</p> <p>Начальникъ Экспедиціи <i>Макарашвили</i> Второй Секретарь <i>Где</i></p>	<p>Отношеніе къ отбыванію воин- ской повинности:</p> <p>Взыскано Казенныхъ сборовъ: Паспортныхъ пошлинь _____ р. _____ к. Манталовыхъ денегъ _____ р. _____ к. за _____ г. _____ р. _____ к. Сбора на приращеніе бѣдныхъ _____ р. _____ к. за _____ г. _____ р. _____ к.</p> <p><i>по Казначей</i></p>
---	--	--

С.-Петербургская Губернская Типографія. Улица Уланна, 8.

Приложение № 4.

Расположение финляндских предприятий Санкт-Петербурга по данным адресной книги *Весь Петербург* за 1900 год. Размер звездочек не коррелирует с размером предприятия.

Приложение № 5.

**Дача Леонида Андреева в дер. Ваммельсуу Новокирхского прихода
Выборгской губернии.**

Источник: Нива. 1912. № 48. Опубликовано: электронный ресурс URL:
<https://terijoki.spb.ru/photos/picture.php?/4027/category/1946> (дата обращения:
28.01.2020).

Вилла Леонида Андреева въ Ваммельсуу, въ Финляндіи за Райвола. Наружный вид.
(c) terijoki.spb.ru